Олег Мороз

Почему «поставили» именно Путина

Предисловие

Даже после того, как Путин стал президентом, у всех и у нас, и за рубежом, в голове и на языке долго еще вертелось: кто же он такой, этот Путин? (Вспомним знаменитый вопрос одного из иностранных корреспондентов, позже он не раз повторялся: «Кто вы, мистер Путин?)

Надо сказать, что всерьез о преемнике Ельцин стал задумываться сразу же после выборов 1996 года. Эти выборы дались ему, мало сказать, нелегко: в течение предшествовавшего им года он чуть не отдал Богу душу, перенес пять (!) инфарктов. Пятый за неделю до второго тура, 26 июня (второй тур голосования 3 июля). Тут волей-неволей по-настоящему задумаешься о престолонаследнике.

В ноябре того года Ельцину сделали операцию на сердце. Состояние его вроде бы улучшилось. Однако прежней работоспособности он так и не обрел.

По мере приближения следующего выборного цикла разговоры о преемнике становились все более внятными и определенными…

Дефолт, случившийся в августе 1998 года, стал для Ельцина тяжелым ударом, каким, возможно, не был ни август 1991-го, ни октябрь 1993-го. И дело тут не в силе самих ударов: тогда, в моменты предшествующих кризисов, Ельцин был моложе, сильнее физически и психологически, легче переносил потрясения, которые обрушивала на него судьба…

Бывшие помощники президента пишут в книге «Эпоха Ельцина»:

«Финансовый кризис (1998 года — *О. М.*) пришелся почти на середину второго президентского срока Ельцина и надломил его. В оставшийся срок уже даже не пытались искать какие-либо другие стратегические варианты продолжения реформ. Президент практически перестал интересоваться экономикой. Финансовый пожар лета 1998 года будто выжег какой-то участок его мозга…

…Весь оставшийся срок президент посвятил поиску преемника ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ВЛАСТИ И КУРСА (выделено мной. — *О. М.*)».

Таким образом, задача нахождения преемника, способного продолжить ельцинский курс, распадалась на две: предстояло отыскать человека, который, во-первых, был бы сам искренне, твердо привержен демократии и рынку, готов был «костьми лечь» за утверждение этих ценностей, и, во-вторых, был бы достаточно сильным политиком, государственным деятелем, чтобы установить демократический рыночный порядок в стране, все еще охваченной послереволюционным хаосом (имея в виду Великую либерально-демократическую революцию конца 80-х начала 90-х годов) и обеспечить дальнейшее продвижение по пути, намеченному Ельциным.

Как ни странно, на Западе, в частности в США, многие, оценивая различных кандидатов в российские президенты, в те годы весьма благосклонно смотрели на Лебедя. В начале декабря 1998-го я разговаривал на эту тему с известным политологом, в то время советником президента Ельцина Эмилем Паиным (он только что вернулся из почти месячной поездки в Штаты). Спросил его, как оценивают американцы шансы российских политических лидеров в борьбе за президентский пост и кто им представляется наиболее желательным на этом посту.

Я, разумеется, не проводил социологических опросов, сказал Паин, но, по моим подсчетам, на первом месте по благожелательности оценок среди потенциальных кандидатов в российские президенты идет Лебедь.

Это было действительно неожиданно. Вроде бы трудно было представить фигуру, менее отвечающую американским представлениям о том, каким должен быть президент демократической страны. Чем объяснялось такое странное предпочтение?

Я задавал этот вопрос многим моим американским коллегам, продолжал Паин. Их ответ: за Лебедем ничего нет, он не успел себя проявить в каких-то антиамериканских действиях или иных поступках, которые можно было бы расценивать как опасные. Далее, есть представление, что он обучаем. И третье: никто из российских деятелей, приезжающих в Америку, не говорит так много того, что американцы хотели бы услышать. Правда, они согласны, что по уровню непредсказуемости Лебедь, конечно, тоже опережает всех. Но, повторяю, с американской колокольни он видится самым малоопасным.

Стало быть, вот он главный критерий: «опасный для Америки» — «не опасный для Америки».

Ну, а кто следует за Лебедем? На этот мой вопрос Эмиль Паин привел такой список американских предпочтений.

Более или менее приемлемым, с различными оговорками и опасениями, считается Лужков. На третьем месте, с еще большими оговорками, Примаков. И, наконец, замыкает четверку лидеров Зюганов. Это, по мнению американцев, реальные кандидаты в президенты. Что касается деятелей либерального толка, большинство аналитиков склоняется к тому, что их шансы на президентство крайне малы. В принципе, скажем, избрание Кириенко было бы встречено в США куда более благожелательно, нежели всех четверых, которых я упомянул выше, вместе взятых, но американские специалисты по России не считают, что у него есть какая-то надежда стать президентом.

Еще бы! Кто бы за него стал голосовать после августовского дефолта!

Как видим, в конце 1998-го политологи в США даже не догадывались, кто в действительности станет главой российского государства. Впрочем, об этом вообще вряд ли кто в ту пору догадывался.

Что касается Лужкова, продолжал Паин, то он (я был даже несколько удивлен этим) рассматривается как достаточно приемлемый кандидат. Все уверены, что уж от рыночной-то экономики он не отступит. Считается также: представление о том, что структуры, которые связаны с Лужковым, подомнут под себя все остальные, бесспорно, преувеличено и безосновательно. Преобладающее мнение: московский мэр и московские экономические структуры лучше других и раньше других связали себя с международными экономическими кругами, накопили огромный опыт во взаимоотношениях с ними. Пока что в процессе разразившегося кризиса (того самого августовского дефолта 1998 года. — *О. М.*) меньше всего неприятностей иностранцам принесли как раз их связи с Москвой. Так что Лужкова американцы тоже не опасаются. Больше их пугает окружение московского мэра. Кто с ним придет? В какой мере эти люди приемлемы для западных партнеров возможного российского президента? Еще одно опасение, которое нередко можно слышать в США: Лужков, безусловно, ограничит свободу прессы. Но где аргументы? Руководители столичных газет, подконтрольного Лужкову ТВ-Центра вроде бы не жалуются, что испытывают какое-то давление со стороны московского градоначальника. Некоторые объясняют это тем, что Лужков никогда не был партийным боссом…

А чем объяснить такое неважное отношение американцев к Примакову? Из-за его прошлой мидовской деятельности?

Разумеется, подтвердил мое предположение Паин. Примаков был первым, кто после отставки Козырева стал говорить Западу «нет», гладить его против шерсти. Впрочем, американцы полагают маловероятной возможность Примакова в одиночку, без поддержки какой-то политической структуры, пробиться в президенты.

В дальнейшем, как мы знаем, Примаков, словно бы услышав это мнение, возглавил-таки политическую структуру.

Еще одно недоумение: почему американцы не учитывают, что Примаков стоит во главе правительства? По тогдашним, да и по теперешним российским обычаям именно премьер — главный кандидат в президенты.

Дело в том, полагал Паин, что ведущие, формирующие американскую политику эксперты оценивают деятельность правительства Примакова крайне негативно.

С их точки зрения, у этого правительства высокий уровень непредсказуемости действий, оно не дает никаких надежд на позитивное экономическое развитие страны. Да и вообще, они считают, что правительство Примакова временное.

А что американцы думают о выборных шансах Зюганова?

Здесь они, по словам Паина, не говорят ничего такого, чего бы не говорили мы сами. Да, у Зюганова устойчивый электорат, которого, однако, вряд ли хватит, чтобы сделать коммунистического вождя президентом.

Как-то выпал из поля зрения американских аналитиков Виктор Черномырдин… Впрочем, в тамошней политической практике редко бывает, чтобы человек, слетевший однажды с высокого государственного поста, снова поднимался на пост такого же или даже более высокого уровня…

Никому, конечно, тогда, в 1998 году, и в голову не могло прийти, что президентом России станет малоизвестный петербуржец Владимир Путин, — тем не менее, через два года это произошло. Почему именно Путин, как ему удалось обойти своих политических конкурентов-«тяжеловесов», кто способствовал его избранию, — об этом и пойдет речь в книге.

То ли в шутку, то ли всерьез…

О том, что он уже выбрал преемника, Ельцин заявлял не раз. Кажется, первым кандидатом на эту роль, имя которого он то ли в шутку, то ли всерьез произнес вслух, был Борис Немцов. А что? Молодой, красивый, кудрявый. Энергичный, умный. Не все же во главе государства стоять дряхлеющим старцам. Если уж менять все основы, так менять!

По воспоминаниям самого Немцова, летом 1994 года, путешествуя с семьей по Волге и приехав в Нижний Новгород (Немцов был там тогда губернатором), Ельцин сказал на открытии нового теннисного корта (оба они и Борис Николаевич, и Борис Ефимович были заядлыми теннисистами):

«Наконец-то я вырастил себе преемника. Он у вас так Нижний Новгород отстроил, у вас такой порядок, вы так его любите (у Немцова в ту пору рейтинг был 70 процентов. — *О. М.*). Я могу спокойно дорабатывать, у меня преемник, он такой молодой, такой спортивный…»

Вот так начиналась ельцинская операция «Преемник»: лето, солнце, Волга, он сам, президент, еще крепкий и бодрый, и рядом тот, кому он как бы завещает свой престол, тридцатичетырехлетний стройный излучающий энергию парень, человек нового поколения, демократ до мозга костей.

Позже, по словам Немцова, во время их совместной поездки в Штаты, Ельцин уже вполне серьезно представил Немцова президенту Клинтону как будущего российского президента. То же самое произошло и во время визита в Германию (когда оттуда выводились наши войска): Немцов был представлен Ельциным в таком же качестве сменщика действующего российского президента канцлеру ФРГ Гельмуту Колю.

Не думаю, что у Бориса Ефимовича были реальные шансы въехать в Кремль на белом коне. Если и были, он их напрочь разрушил, собрав в 1996 году миллион подписей нижегородцев против войны в Чечне и самолично доставив эти автографы к Спасским воротам Кремля (одну из папок Немцов положил прямо на стол президенту). Ельцину все это, естественно, не могло понравиться.

Ахиллесова пята генерала

В 1996-м перед первым туром президентских выборов, выступая на своей родине, в Екатеринбурге, Ельцин вновь заявил, что знает имя своего преемника, имя того, кто станет хозяином Кремля в 2000 году. Само собой разумеется, сразу же пошли толки и догадки, кто бы это мог быть. Большинство быстро склонилось к фигуре генерала Лебедя.

Убежденность, что именно Лебедь — преемник Ельцина, окрепла, когда после первого тура президент назначил его своим помощником по национальной безопасности и секретарем СБ, а Лебедь в ответ призвал своих сторонников голосовать во втором туре за Ельцина (возможно, именно эти голоса сыграли наиболее существенную роль в тогдашней победе действующего президента).

Кто знает, может быть, генерал и в самом деле стал бы преемником, обладай он качествами тонкого дипломата и изощренного чиновника, наберись он терпения на четыре межвыборных года и делай все так, как предписывает негласный карьерный кодекс. Однако таковых качеств у десантника не было, долго терпеть, вести неторопливую позиционную игру он, по-видимому, не умел. Решив, что постоянно болеющий Ельцин уже созрел, чтобы досрочно оставить свой пост, по доброй воле или без таковой, Лебедь пошел напролом, стал готовиться к перехвату эстафетной палочки. Исподволь подгребал под себя рычаги власти, необходимые силовые ресурсы… По существу, готовил военный переворот.

Но команда Ельцина опередила его. Отстранение бывшего командарма от власти 17 октября 1996 года походило на арест Берии. Вот как рассказывал мне об этом Анатолий Чубайс (ему, как тогдашнему руководителю Администрации президента, в этом деле принадлежала ключевая роль):

«Это ведь легко сказать — увольнение Лебедя… Единственным силовым ресурсом, который он не контролировал и на который мы могли опереться, было возглавляемое Куликовым МВД. То была целая операция отстранения секретаря Совбеза: нам пришлось «усиливать» Кремль, в том числе БТРами, поминутно расписывать программу силовых действий с момента объявления Лебедю указа о его увольнении и до момента отключения его телефонов, замены охраны и сопровождения до кабинета…

Это было более чем серьезно. Представьте себе: секретарь Совета безопасности, у которого практически в конституционном подчинении находятся Минобороны, МВД, ФСБ… И вот вы говорите ему: «Вы уволены». Он может выйти, снять телефонную трубку прямой связи с Минобороны и произнести всего лишь несколько слов: «Значит так, Кантемировской, Таманской дивизиям немедленно выдвигаться в район Кремля…» А его приказ в этот момент еще обязателен к исполнению. Представляете, какую это несло в себе угрозу при его влиянии на силовиков и, особенно, на части специального назначения. И при том, что он специально этим занимался, много и серьезно готовился к подобному развитию событий».

Понятно, что столь драматическое расставание Ельцина с Лебедем перечеркнуло шансы генерала сохраниться в списке людей, которых президент мог бы рассматривать как своих потенциальных преемников.

Однако, перестав быть фаворитом Ельцина, напротив, сделавшись его врагом, Лебедь, тем не менее, не расстался с мечтой о президентстве. Выбрал на этот раз неблизкий, окружной путь через Красноярск, став кандидатом на пост тамошнего губернатора (выборы должны были состояться весной 1998 года). Собственно говоря, генерал здесь снова пошел ва-банк — в случае победы он вроде бы вплотную приближался к кремлевским воротам, к кабинету российского президента, обретая серьезные шансы на выборах главы государства 2000 года. Напротив, в случае поражения на его политической карьере можно было бы поставить крест…

Для чего ему понадобился такой риск? В конце концов, он мог неспешно продолжать строительство своей политической карьеры как председатель Российской народно-республиканской партии (он стал им после отставки) или в каком-то еще качестве (приглашения на ту или иную лидерскую роль сыпались на него, как из рога изобилия). Лебедя еще можно было бы понять, если бы он заведомо имел явное преимущество перед основным своим соперником, действующим губернатором Красноярска, Валерием Зубовым. Но явного преимущества не имелось. По оценкам специалистов, шансы двух фаворитов были примерно равны. Все зависело от того, как сложатся обстоятельства, насколько удачно тот и другой кандидат проведет свою предвыборную кампанию.

Что же побудило генерала в очередной раз решиться сыграть в эту русскую рулетку? По-видимому, чьи-то уговоры, чье-то обещание щедрой поддержки. Можно предположить, что решающую роль сыграли обещания и посулы известного политического игрока Бориса Березовского, который стал одним из главных спонсоров предвыборной кампании Лебедя.

Среди других спонсоров указывали на Владимира Гусинского. И, как ни странно, на Владимира Потанина. Впрочем, если это соответствовало действительности, странного тут было немного: это ведь обычная манера российских банкиров — не складывать все яйца в одну корзину, оказывать материальную помощь различным кандидатам. Так, на всякий случай.

Разумеется, помогали Лебедю и всем известные алюминиевые короли — Анатолий Быков, братья Черные… Несмотря на внутренние раздраи, тут они были едины.

Денег десантнику давали не так чтобы очень помногу, но, в общем, достаточно для проведения эффективной кампании. Уже в начале ее на бывшего чеченского миротворца работало несколько вполне профессиональных команд имиджмейкеров, спичрайтеров, специалистов по выборным технологиям, в том числе прибывших из-за рубежа.

Напротив, кампания его главного соперника, Валерия Зубова, разворачивалась крайне вяло и медленно. Даже со сдачей необходимых двадцати тысяч подписей он проволынил до неприличия долго…

Казалось бы, Москва должна была сделать все, чтобы не пропустить Лебедя в губернаторы и тем самым окончательно перечеркнуть его президентские планы. Вроде бы представлялось ясным: другого такого случая не будет, больше он так не подставится. Четкое и недвусмысленное решение о поддержке действующего красноярского губернатора, мобилизация всех, какие только есть, ресурсов в помощь ему, и генерал будет повержен.

В принципе, как российский президент Лебедь был опасен не только для тогдашней чиновничьей «элиты». Это бы еще ничего. Он бы, наверное, смог поприжать коррупцию, попытаться навести порядок во власти (хотя тоже вопрос: многие ли внутри самой власти в этом были заинтересованы?) Однако для страны в целом, для ее исторического развития Лебедь в кресле президента тоже вряд ли был желательным вариантом. Начинать XXI век с очередного социального эксперимента, а генерал непременно стал бы по-крупному экспериментировать, это, пожалуй, было уже слишком.

Невооруженным глазом было видно, в чем ахиллесова пята Лебедя: как раз в том, что красноярское губернаторство для него лишь ступенька в более высокие сферы. Раскрутить это обстоятельство на полную катушку и больше ничего не требовалось. Причем осуществить такую акцию было тем легче, что это был реальный ФАКТ, а не чья-то предвыборная пропагандистская выдумка. Об уровне генеральских амбиций все знали достаточно хорошо, и сколько бы он ни говорил, что собирается обосноваться в Красноярске всерьез и надолго, только самый наивный человек поверил бы этому. Если же политик идет ко мне, избирателю, в начальники всего лишь на год-полтора, да и в этот недолгий срок голова его будет занята не моими проблемами, а чем-то совсем другим, с какой стати я стану за него голосовать?

Однако в Москве в президентской администрации царили разброд и шатание. Тогдашний тандем Юмашев — Митина, представлял собой, разумеется, совсем не то, что былая связка Чубайс — Казаков. Ни по политическому опыту, ни по политическим предпочтениям. К тому же всем было известно: Юмашев довольно тесно связан с Березовским, именно он открыл финансисту дорогу в большую политику; отсюда распространено было мнение, что по-настоящему действовать против Березовского Юмашеву крайне сложно; он, как представлялось, вынужден, конечно, будет имитировать такие действия, но это будет именно имитация. Возможно, думалось, обещание ФАКТИЧЕСКОГО нейтралитета со стороны президентской администрации и было главным аргументом, с помощью которого Березовский сумел склонить Лебедя к участию в красноярских выборах, несмотря на очевидную крайне серьезную рискованность такого шага.

Замысел Бориса Березовского

Другой вопрос: а зачем самому Березовскому понадобилась победа Лебедя в Красноярске? Об этом можно было лишь догадываться. Как известно, Березовский был гроссмейстером политической интриги. Тогда для него было важно дать хорошего пинка московскому политическому истеблишменту, из которого формально его как бы изгнали, уволив с поста заместителя секретаря Совета безопасности. Дать пинка, вызвать смятение и переполох, грозный «разбор полетов», поиск виноватых…

В случае генеральского успеха политические акции Березовского, его востребованность на политическом Олимпе резко пошли бы вверх. Впрочем, эти акции и эта востребованность могли взмыть ввысь и до того, как результаты выборов стали бы известны, просто в предвидении возможного нежелательного для Кремля их исхода. Так что игра, которую вел Борис Абрамович, была, как в большинстве случаев, практически беспроигрышна…

В столице тогда имелись, по крайней мере, две крупные фигуры, по-настоящему незаинтересованные в том, чтобы отставной генерал одержал викторию в Сибири. Это — Черномырдин и Лужков. Причина, я думаю, ясна: в глазах обоих Лебедь представал как потенциальный соперник на будущих президентских выборах. Однако до какого-то момента признаков того, чтобы тот или другой принимали какие-то серьезные меры против восхождения Лебедя на вершину красноярской бюрократической пирамиды, тоже что-то не было заметно. Возможно, они, как многие другие, полагали, что, став красноярским губернатором, Лебедь приобретет больше проблем, чем выгод.

(В скобках, на всякий случай, замечу, что подобная точка зрения противоречила мнению большинства, выводимого из соцопросов. Так, по данным Фонда «Общественное мнение», полученным в середине февраля 1998 года, почти половина опрошенных — 49 процентов — высказывала уверенность, что если Лебедь станет губернатором Красноярского края, это увеличит его шансы на президентских выборах 2000 года; противоположного мнения держалось лишь 18 процентов).

За несколько дней до первого тура губернаторских выборов Лужков все же появился в Красноярске. Приехал, естественно, чтобы поддержать Зубова. Лучше бы он туда не ехал…

Визит московского градоначальника был обставлен в лучших советско-обкомовских традициях. График мероприятий, утвержденный избирательным штабом действующего губернатора, был расписан по минутам и прописан до мельчайших деталей: как составлять списки студентов и преподавателей для общения с Лужковым во время его посещения Красноярского госуниверситета, как контролировать явку этих студентов и преподавателей, как подготовить аудиторию для общения с Лужковым во время посещения им местного театра, оперы и балета, даже какие тосты в честь московского мэра произносить на приемах…

Этот документ попал в прессу и, естественно, немало всех насмешил.

Однако главное, что вызвало уже не смех, а крайнее раздражение красноярцев, сам факт, что столичный гость прибыл расхваливать их губернатора. К этому «богатому гостю» и повсюду-то в нищей российской провинции всегда испытывали неприязнь («Жирует за наш счет!»), а в Красноярске к нему имели еще и ряд особых, конкретных претензий…

В общем, как подсчитали аналитики, визит Лужкова в сибирский город принес не менее пяти добавочных про центов голосов… не Зубову, а Лебедю.

Беседа в Кремле

Все же удивительнее всего было не то, что марш-бросок генерала в Сибирь вроде бы не особенно тревожил его потенциальных конкурентов на будущих президентских выборах (небрежно подготовленная и проведенная поездка Лужкова не в счет), особенно удивляло, что никакого серьезного противодействия Лебедю, как уже говорилось, не оказывал и Кремль. Так, по крайней мере, представлялось со стороны: далеко ведь не все действия власти становятся известны широкому кругу людей, непосредственно в этих действиях не участвующих.

Обо всем об этом я написал тогда заметку в «Литературной газете», где в ту пору работал. Называлась она «Кремль совершает ошибку, собираясь уступить Лебедю Красноярск».

Заметка появилась 18 марта. А вскоре меня пригласил к себе для разговора руководитель Администрации президента Валентин Юмашев.

Валентин Борисович стал меня убеждать, что ситуация вокруг предстоящих выборов в Красноярске изложена в моей заметке не совсем правильно. На самом деле, по уверению главы Администрации, дело обстоит следующим образом. В околокремлевских кругах действительно распространена точка зрения, что Лебедю не стоит слишком сильно противодействовать, поскольку на пути в губернаторское кресло остановить его уже невозможно. Красноярские избиратели жаждут перемен и связывают их с именем бывшего секретаря СБ. Так что генерал, скорее всего, станет главой администрации тамошнего края при любых обстоятельствах.

Попытки Москвы помешать ему в этом произведут лишь обратный эффект, выставят федеральный центр в смешном свете, как это было при выборах Коржакова в Туле. Поэтому лучше всего сидеть и «не рыпаться». К тому же в Кремле, как и за его пределами, многие разделяют ту самую уже упомянутую мной точку зрения: совсем не факт, что победа в Сибири поможет бывшему десантнику одержать такую же победу в Москве в 2000 году; есть большая вероятность, что все будет наоборот: за оставшиеся до президентских выборов два года он «увязнет» в Красноярске, из политика общероссийского масштаба, занимающего 4-ю — 5-ю строчку в таблице рейтингов, превратится в одного из 89 второразрядных региональных деятелей, растворится в Совете Федерации, своей раздражающей манерой поведения настроит против себя многих коллег-губернаторов и т. д.

Однако такая точка зрения, по словам Юмашева, не является преобладающей ни в Администрации президента, ни в правительстве. (Ни в обществе, как мы видели). Так что в принципе федеральный центр предпочел бы не рисковать, вновь допуская отставного генерала на верхние этажи власти, и готов оказать главному сопернику Лебедя, нынешнему губернатору Валерию Зубову, любую необходимую помощь. Дело, однако, осложняется двумя обстоятельствами. Во-первых, как уже говорилось, слишком открытое противодействие генералу может вызвать обратный эффект. Во-вторых, сам Зубов не очень-то охотно принимает такую помощь, полагая, что он выиграет выборы и без нее (по мнению серьезных аналитиков, для подобной самоуверенности нет никаких оснований).

Так или иначе, сказал в заключение Юмашев, о том, чтобы сознательно «уступить» Лебедю Красноярск не может быть и речи.

Это разъяснение Юмашева я изложил в следующем номере «Литгазеты» 25 марта. Правда, имя Валентина Борисовича не упомянул, ибо разрешения на это у него не испрашивал, да вряд ли он и дал бы мне такое разрешение. В общем, в заметке, как обычно делается в таких случаях, была ссылка на некие близкие к Кремлю «информированные источники».

От себя я вновь повторил то же самое, что написал за неделю до этого. Всем ясно, говорилось в моей заметке, что грядущие выборы в Красноярске не обычные выборы. Их результат может оказаться важен для судеб России в целом. Отсюда повышенное внимание к ним. Лебедь начал свою избирательную кампанию раньше, ведет ее гораздо более энергично, целенаправленно, изобретательно, чем Зубов. Невооруженным глазом видна также разница в уровне организационной, финансовой поддержки того и другого кандидата, в уровне их «раскрутки». В частности, бывший командарм не сходит с общероссийского телеэкрана (уж об этом-то Березовский позаботился), в то время как редкие и вялые мероприятия его главного соперника телевидением откровенно игнорируются. Где тут «сознательная» капитуляция перед генералом, а где проигрыш просто из-за недостатка воли и профессионализма, различить трудно.

Возвращаясь к выборам в Красноярске… Прогнозы сбылись: генерал действительно победил в этом городе. Хотя победа далась ему не очень легко. Для нее понадобилось два тура. В первом Лебедь набрал 45,1 процента голосов, Зубов 35,4, во втором соотношение голосов было 57,3 : 38,2 в пользу генерала.

Генерал сходит с дистанции

Ну, а дальше? По данным социологов, в частности Фонда «Общественное мнение», готовность избирателей проголосовать за Лебедя на протяжении трех лет перед президентскими выборами 2000 года существенно менялась. В октябре 1996-го, после предыдущих, весьма драматических, выборов и заключения Хасавюртовского мира, непосредственно перед скандальной отставкой генерала, за него как за кандидата в президенты проголосовали бы 27 процентов опрошенных. Это был пик его популярности. В тот момент он занимал ПЕРВОЕ МЕСТО (!) среди всех возможных кандидатов. Однако через год, к ноябрю 1997-го, «президентский» рейтинг генерала снизился втрое — до 9 процентов (соответственно, он отъехал на третье место). Понятное следствие отстранения от высоких государственных должностей, снижения частоты появления на телеэкране и т. д. В апреле 1998 года Лебедь был уже на четвертом месте — 8 процентов. Далее, после победы на губернаторских выборах в Красноярске, последовал еще один пик, поменьше, — 17 процентов в сентябре 1998-го (снова подъем вверх на второе место), а затем глубокий провал, из которого Лебедь уже не сумел выбраться. В ноябре 1999-го у него было всего-навсего 3 процента (лишь восьмое место). Произошло то самое, многими предрекавшееся: рутинная, малоудачная работа в далекой провинции проглотила большую часть былой генеральской популярности…

О том, что он не будет участвовать в президентских выборах 2000 года, Лебедь заявил еще 15 мая 1998-го за два дня до второго, решающего, тура выборов в Красноярске. Никто не воспринял это заявление особенно всерьез: в общем-то, это обычная манера политиков — «не засвечиваться» раньше времени. Собственно говоря, сразу же после победы на губернаторских выборах и сам генерал в эфире НТВ уточнил свои президентские планы и сказал, что не будет баллотироваться в президенты в 2000 году, ЕСЛИ НЕ БУДЕТ «ВОСТРЕБОВАН НАРОДОМ».

Вряд ли трехпроцентный рейтинг осени 1999-го свидетельствовал о его высокой востребованности…

Во второй раз в ту же воду

17 августа 1998 года, вскоре после объявления дефолта, Черномырдин прервал свой отпуск в Сочи и срочно возвратился в Москву. В пресс-службе движения «Наш дом Россия», которое он тогда возглавлял, сообщили, что его лидер «планирует выступить с заявлением по поводу ситуации на финансовых рынках и мерах российского правительства и Центробанка».

Стоило ли ради этого прерывать отпуск? В конце концов, в тот момент Виктор Степанович пребывал уже в достаточном отдалении от этих дел. Всем было ясно: нет, здесь что-то другое. И, в общем, догадывались, что именно: возможно, экс-премьеру снова собираются предложить какую-то высокую должность.

Тем не менее, функционеры НДР зачем-то «секретили» истинную причину стремительного перемещения Виктора Степановича с юга на север. Владимир Рыжков, в ту пору видный эндээровец и одновременно первый вице-спикер Думы, заявил, что «вряд ли сейчас всерьез стоит вопрос о возможности назначения Черномырдина премьер-министром», однако не исключено, что с ним будут вести какие-то переговоры по поводу его нового назначения и Ельцин, и Кириенко. При этом, как сказал Рыжков, вряд ли Черномырдин согласится стать первым вице-премьером или тем более просто вице-премьером: для него этой «пройденный этап».

События между тем развивались своим чередом, во вполне определенном направлении. Спустя несколько дней, 23 августа, Ельцин отправил в отставку правительство Кириенко и поручил именно Черномырдину временно, вплоть до утверждения Думой, исполнять обязанности премьера.

В общем-то, что касается Кириенко, это был вполне предсказуемый шаг. Невозможно себе представить, чтобы после экономической катастрофы, случившейся 17 августа, президент мог оставить в неприкосновенности правительство «Киндер-сюрприза», как называли тогда Кириенко. Ни один глава государства не мог бы себе такого позволить.

Было, правда, несколько странно, что на пост премьера Ельцин выдвигает человека, которого всего лишь несколько месяцев назад отстранил от этой должности. В правительстве Черномырдина возник раскол: «младореформаторы» Чубайс, Немцов (особенно он) пошли войной на главу правительства, обвиняя его в том, что он тормозит реформы, в частности, препятствует реформированию своего любимого детища — «Газпрома». Чубайс, Немцов настаивали на том, чтобы газовая отрасль была включена в рыночные отношения, чтобы доступ к трубе получили независимые инвесторы.

Плюс к этому ухудшилась общая экономическая ситуация. Снизились цены на нефть. Чтобы выплачивать пенсии, приходилось прилагать неимоверные усилия, продавать золотой запас.

В конце концов, в марте 1998-го Ельцин принял твердое решение снять Черномырдина.

И вот август того же года. После дефолта положение вообще почти безвыходное. Ясно, что Кириенко должен уйти. Кто вместо него?

Березовский посоветовал Юмашеву двинуть на место премьера того, кто уже занимал это место, Черномырдина. Юмашев засомневался:

«Борь, по-моему, Черномырдин откажется».

«Может, откажется, а может, не откажется. Если ты считаешь, что Борис Николаевич будет готов его поддержать, давай я съезжу к Виктору Степановичу, поговорю с ним (Черномырдин в это время отдыхал где-то на Юге. — *О. М.)*».

Ельцин встретил предложение Юмашева не просто с одобрением, но, по-видимому, и с немалым облегчением. Было очевидно, что необходимость постоянно защищать неопытного Кириенко лежала на плечах президента тяжелой нагрузкой в течение всех трех месяцев премьерства Сергея Владиленовича. Тот поток проблем, который в бытность премьером Черномырдина отфильтровывался и доходил до Ельцина слабым ручейком, при Кириенко обрушивался на президента почти во всей своей первозданной целости. И то, что на политической сцене рядом, бок о бок с ним, снова может появиться старый товарищ, старый друг, не могло не радовать Ельцина.

Получив добро от президента, Юмашев поговорил с губернаторами, с олигархами, со всеми, с кем принято тогда было в таких случаях держать совет. При этом, естественно, речь шла о Черномырдине не просто как о премьере, но и с высокой вероятностью как о будущем президенте. В общем-то, большинство собеседников Юмашева кандидатуру Черномырдина одобрило. Анатолий Чубайс, который долго работал с ЧВСом, и у которого отношения с ним не всегда были безоблачными, тем не ме нее, сказал, что если Черномырдин станет президентом и к нему «приставят» нормального премьера, демократа и рыночника, никаких проблем вообще не возникнет: начатое Ельциным движение страны к демократии, свободе, рынку продолжится.

Помимо прочего, согласие «элит» с кандидатурой Черномырдина давало немалую гарантию, что при соперничестве с прочими кандидатами на президентских выборах (пока еще не очень ясно было, кто именно будет здесь главным конкурентом) ЧВС одержит верх.

Сам Черномырдин встретил предложение Юмашева с радостью, заверил, что, вернувшись на прежнее место, он справится с

ситуацией.

И вот Ельцин решился и вновь назначил недавно снятого премьера исполняющим обязанности председателя правительства.

В обращении к россиянам 24 августа Ельцин заявил вполне определенно: «главное соображение» при назначении Виктора Черномырдина исполняющим обязанности главы правительства — «обеспечить преемственность власти в 2000 году».

«Главные достоинства Виктора Степановича, — сказал Ельцин, — порядочность, честность, основательность. Думаю, эти качества будут решающим аргументом на предстоящих президентских выборах. Его не испортили ни власть, ни отставка…»

Президент признал, что страна в данный момент оказалась в тяжелом положении. В этих условиях главный приоритет — «не допустить отката назад». И тут не обходим «опыт политических тяжеловесов».

Ельцин призвал россиян «принять и поддержать» его решение по кандидатуре главы правительства.

Как пишут бывшие помощники президента, «чиновная челядь стремительно меняла таблички на кабинетах Белого дома. Черномырдин возвращался в свой кабинет как триумфатор, как будущий спаситель Отечества». Мало кто сомневался, что второе пришествие недавно отставленного премьера действительно состоится.

Кстати, раз уж речь зашла о правительственных назначениях… Некоторые информагентства сообщили, что пост первого вице-премьера будет предложен Борису Березовскому. В газетах за 25 августа утверждалось: «Вчера исполнительный секретарь СНГ Борис Березовский первым вошел в премьерский кабинет». И, более того, «Березовский формирует кабинет»…

Конечно, если судить внешне, трудно себе представить два более несовместимых человеческих типа, чем Черномырдин и Березовский, однако, учитывая некоторые обстоятельства, не таким уж невероятным было предположение, что Борис Абрамович действительно может занять какую-то высокую должность в правительстве, может быть, даже вторую. Дело в том, что весной и летом 1998-го, после отставки Черномырдина, они довольно много времени проводили с Борисом Абрамовичем. Даже отдыхать ездили вместе. Хотя надежды на возвращение ЧВСа на самый верх вроде бы не было никакой, интуиция Березовского, видимо, подсказывала ему, что для бывшего премьера не все еще потеряно.

Собственно говоря, я уже упоминал об этом, сама идея вновь сделать Черномырдина премьером возникла у Юмашева в результате его разговоров с Березовским. Эти разговоры начались в тот момент, когда стало уже ясно, что приближается опаснейший кризис. (Впрочем, немалую роль тут сыграли беседы главы Админист рации с Анатолием Чубайсом и Игорем Малашенко: и тот, и другой тоже считали, что для той ситуации Черномырдин в роли премьера — наилучший вариант. Резко против Черномырдина была Татьяна Дьяченко, как известно, также входившая в узкий круг советников Ельцина. Она считала, что глупо возвращаться к старому, к тому, что уже было).

Однако сам Березовский сразу же опроверг предположения о своем вхождении в будущее правительство Черномырдина. «Слухи, слухи», — коротко бросил он.

Все это были действительно слухи. Мифы. Березовский никогда не рассматривался как кандидат в члены правительства. Скорее всего, он и сам не видел себя в этой роли.

Дума возражает

Итак, Ельцин снова выдвинул Черномырдина на пост премьера. Как уже говорилось, поддержка у этого кандидата была мощной. Трудно было себе представить, что на его пути к столь знакомому для него премьерскому креслу могут возникнуть какие-то серьезные преграды. Однако уже на следующий день после объявления Ельциным его решения появились первые признаки того, что этот путь не будет легким. 24-го утром думская фракция КПРФ, а также депутатские группы аграриев и «Народовластие» призвали Ельцина отозвать кандидатуру Черномырдина, которую он представил в Думу.

Дальше — больше. С аналогичным требованием в этот же день выступил Совет Госдумы: большинством голосов он принял решение поручить спикеру палаты Геннадию Селезневу обратиться к президенту с просьбой отозвать соответствующее письмо-представление, касающееся Черномырдина. Правда, это было мотивировано тем, что сначала, дескать, кандидат должен представить программу нового правительства, тем не менее, такая позиция думского руководящего органа ничего хорошего кандидату в премьеры не обещала.

Однако Ельцин, только что вернувшийся из отпуска, твердо стоял на своем…

Вроде бы все ясно: возлагая на Черномырдина задачу обеспечения преемственности власти на будущих президентских выборах, Ельцин тем самым сообщал, что сам он не собирается в третий раз идти на выборы (такие предположения в ту пору не однажды высказывались). Однако Кремль, видимо, все же решил оставить для этого третьего ельцинского хождения во власть некоторую щель, маленькую-маленькую щелочку. Растолковывая журналистам смысл соответствующего пассажа в обращении президента, его пресс-секретарь Сергей Ястржембский заявил довольно туманно:

«Думаю, что об этом (то есть о возможном участии Ельцина в президентских выборах в 2000 году. — *О. М.*) надо спросить президента, но если вы сопоставите все, что президент говорил раньше об этом, сегодня вы увидите в этой теме новые аспекты. А далее полагайтесь на свое чутье…»

Какое ж тут требуется особенное чутье, если Ельцин вроде бы прямо говорит: основной смысл нынешнего представления Черномырдина — обеспечить преемственность власти в 2000 году?

Вообще-то, фактически объявляя Черномырдина своим преемником, Ельцин, по-видимому, допустил некоторую оплошность. Во-первых, он уже не раз делал подобные заявления, не имевшие никаких реальных по следствий. В роли «преемников» побывали Немцов, Лебедь… Так что такого рода заявления уже довольно заметно девальвировались, тем паче, что делались, как и в данном случае, задолго до выборов. Во-вторых, в недрах самой Думы было достаточно претендентов на президентский пост: Зюганов, Жириновский, Явлинский… и обретать в лице Черномырдина сильного, поддерживаемого самим президентом соперника им было вовсе ни к чему. Об этом прямо сказал вице-спикер Думы Михаил Гуцериев:

«Ельцин назвал его (Черномырдина. — *О. М.*) своим преемником. В результате шансы на утверждение Черномырдина сошли на ноль, поскольку в Думе есть пять собственных кандидатов в президенты, включая Геннадия Зюганова. Теперь голосование руководимых этими кандидатами фракций предрешено».

Кстати, занятное заявление сделал тогда спикер Госдумы Геннадий Селезнев. Он сказал, что не исключает возможности досрочного ухода Бориса Ельцина с поста президента. В таком случае «по Конституции до выборов нового главы государства» обязанности президента будет исполнять Виктор Черномырдин. То ли обостренное политическое «чутье» подсказало Селезневу такую возможность, то ли он хотел намекнуть депутатам: не исключено, что опасность воцарения Черномырдина в Кремле ближе, чем они думают.

Так или иначе, думское сопротивление назначению Черномырдина действительно увеличивалось. Во второй половине дня 24 августа с критикой ельцинского решения выступила думская фракция «Яблоко». В распространенном ею заявлении говорилось, что у власти, предлагающей очередную кандидатуру премьера, по-прежнему нет помыслов «о серьезной программе реформ и честном диалоге с конструктивной оппозицией» и что «результатом такой политики явится еще большая деградация российской экономики».

Лидер «Яблока» Григорий Явлинский заявил, что сам готов занять пост премьер-министра и предложить программу вывода страны из кризиса. В этой связи, естественно, за кандидатуру Черномырдина «яблочники» голосовать не будут.

Вовсе уж бесхитростный торгашеский подход, как всегда, продемонстрировал Жириновский. Если представители фракции ЛДПР не войдут в новое правительство, заявил он, то это правительство не будет поддержано им и его коллегами. Для самого себя Жириновский «жестко» потребовал должности вице-премьера.

Несмотря на то, что оппозиционное думское большинство обозначило свою позицию достаточно четко, Кремль не оставил надежду переломить настроения депутатов. Началось затяжное маневрирование двух противостоящих друг другу ветвей власти: исполнительной и законодательной. Обсуждалась возможность формирования «коалиционного» правительства, заключения своего рода политического договора, соглашения между исполнительной властью и всеми политическими силами, представленными в Госдуме.

К планам насчет политического соглашения добавилась идея подписания еще одного документа о концепции действий по выводу России из кризиса.

Основную цель политического соглашения, каким ее видит Дума, разъяснил спикер нижней палаты Селезнев: «Его смысл в том, что президент должен гарантировать, что правительство, которое будет сформировано на коалиционной основе, не будут без конца дергать, что премьер-министр будет располагать всеми полномочиями по руководству кабинетом, сам будет определять его кадровый состав».

Селезнев также добавил, что он и его коллеги намерены обратиться к президенту, чтобы он сам внес поправки в Конституцию, усиливающие роль правительства.

В общем-то, трудно было себе представить, чтобы Ельцин пошел на подобное изменение Конституции, ограничивающее власть президента. Не для этого он выдержал тяжелейшую битву с Верховным Советом в 1992–1993 годах. К тому же теперь, как мы знаем, в центре его помыслов был поиск преемника, а обязательство «не дергать» правительство, не менять при необходимости премьера сильно связывало бы ему руки при решении этой задачи. Однако дальнейшие события показали, что в поисках компромисса Ельцин готов был идти как никогда далеко. Да и планируемое политическое соглашение, а оно при всех вариантах предполагало значительные уступки оппозиционерам, по замыслу Кремля, должно было стать платой за назначение Черномырдина премьером.

«Я уже не тот Виктор Степанович»

Забавно, что в первых же своих публичных выступлениях и.о. премьера стал утверждать почти то же самое, что он говорил в декабре 1992 года, когда в первый раз сделался премьером. По его словам, в числе приоритетных задач нового правительства будет промышленная политика, «так как чисто монетаристскими мерами Россию из кризиса не вытянуть». Не ясно было, то ли это просто политические декларации, призванные ублажить оппозицию, то ли взгляды Черномырдина за прошедшие без малого шесть лет в самом деле не изменились.

Впрочем, довольно скоро, «разобравшись в обстановке», Черномырдин заявил: «Основная цель — остановить падение рубля, не позволить разрушить экономику». Стало быть, без монетаризма все-таки трудно было обойтись.

Довольно двусмысленную позицию по отношению к кандидатуре Черномырдина занял столичный мэр Юрий Лужков. С одной стороны, он говорил, что в принципе поддерживает ее и не сомневается, что она будет утверждена Думой, с другой, весьма негативно оценивал деятельность предыдущего правительства Черномырдина, даже противопоставлял ему правительство Кириенко, который, по словам мэра, «не сделал ни одной стратегической ошибки». Но это-то и было главным, по крайней мере, публично оглашаемым, аргументом думской оппозиции: если Черномырдин за пять с половиной лет не сделал ничего хорошего, какие есть основания надеяться, что он совершит что-то путное, вновь став премьером?

Сам Черномырдин парировал эти доводы коротко:

«Я уже не тот Виктор Степанович…»

Как большинство кандидатов в премьеры ельцинского периода, стремясь показать себя с лучшей стороны, Черномырдин работал с полной самоотдачей. На вопрос корреспондента «Комсомольской правды», каков режим его работы в первые дни его «и.о. — премьерства», Черномырдин ответил: «Я… потерял грань между ночью и днем. За последние четверо суток (после того, как Ельцин назвал его кандидатом в премьеры. — *О. М.*) я спал в общей сложности не более семи-восьми часов».

Между тем, работа над политическим соглашением между ветвями власти — его подписание должно было предшествовать рассмотрению кандидатуры Черномырдина в Думе — явно пробуксовывала. Оппозиция упорно настаивала на изменении Конституции, на перераспределении властных полномочий между президентом и правительством в пользу последнего, президентская сторона была категорически против. В интервью телеканалу РТР Ельцин сказал, что даже сейчас, еще до утверждения премьером, Черномырдину «дано полномочий столько, сколько полагается… премьер-министру любой, конечно, развитой, страны», что он обязан советоваться с президентом лишь «по стратегическим задачам», а все остальное — «пожалуйста, решай». То есть, решай самостоятельно. Ельцин также добавил, что в прошлом, в бытность свою председателем правительства, Черномырдин не использовал в полной мере даже тех «политических полномочий, которые у него имелись». Так что, какие еще полномочия тут требуются?

Кстати, в этом интервью Ельцин прямо заявил, что не уйдет досрочно в отставку, не будет баллотироваться в президенты в 2000 году и не намерен распускать Госдуму.

Как мы знаем, досрочно в отставку он все-таки ушел…

Президентская сторона попыталась прибегнуть к обходному маневру — заручиться поддержкой руководства Совета Федерации. Однако, это ничего не решало: кандидатуру премьера на первом, главном, этапе утверждала Дума, а не Совет Федерации.

В конце концов, вроде бы удалось подготовить проект соглашения, в котором отсутствовало требование изменить Конституцию, хотя и подразумевалось, что должен быть «начат процесс пересмотра» Основного закона, а также содержалось требование изменить некоторые другие законодательные акты. Этот проект как будто был приемлем для всех. Однако в последний момент, накануне голосования в Думе по кандидатуре Черномырдина, коммунисты заявили, что их фракция не подпишет проект и будет голосовать против предложенной президентом кандидатуры. Поскольку эта фракция располагала 135 мандатами, отрицательный результат голосования еще не был предрешен (для принятия решения по кандидатуре премьера требовалось не менее 226 голосов), однако, учитывая настроение других фракций и депутатских групп, более чем вероятен.

В Кремле были уверены: то, что коммунисты фактически сорвали подписание соглашения и, соответственно, вновь резко уменьшили шансы Черномырдина — это результат тайного сговора между Зюгановым и Лужковым, который сам тогда метил на место премьера и в дальнейшем президента.

Обещания Черномырдина

4 сентября, в день, когда должен был состояться второй тур голосования, Черномырдин в отчаянной попытке спасти положение вновь, уже вполне официально, обратился за поддержкой к Совету Федерации. Выступив на его заседании, он представил новую, весьма жесткую «стратегию экономической программы правитель ства». Эти жесткие действия, он вполне это осознавал, не вызовут в обществе большой радости, но его решительность в стремлении вывести страну из кризиса, как он полагал, должна понравиться и в верхней, и в нижней палате. Черномырдин заявил, что России сегодня требуется «фактически мобилизационное управление экономикой», что с января «государство переходит к экономической диктатуре», и он готов лично отвечать за реализацию этого курса.

Черномырдин постарался предстать перед аудиторией предельно искренним, он словно бы исповедывался перед слушавшими его государственными мужами.

«В марте меня «ушли» под аплодисменты, — сказал он. — И если без Черномырдина стало бы лучше, я бы здесь не стоял… Я твердо знаю: это, может быть, последний шанс построить в России нормальную экономику.

Да, наши действия будут непопулярными. Да, будут ругать снизу доверху. И правильно будут ругать: когда жизнь тяжелая, хвалить правительство не за что. Но есть только одно условие: не хватайте за руку правительство, дайте время и возможность сделать то, что необходимо, чтобы отойти от роковой черты…

Можно много раз бить правительство, извините, мордой об стол и заниматься словоблудием, но как можно в такой момент парализовать исполнительную власть в государстве! Это что, шутки?

То, что через пару недель в Сибири встанут реки — это что? Парализовали или парализуем завоз — это шутки? То, что даже в благополучной Москве сметают прилавки — это тоже шутки? То, что в армии сегодня самым серьезным образом обсуждается вопрос о двухразовом питании солдат — это тоже шутки? А я вам скажу, кто до сих пор шуткует, — да вы их знаете. Некоторые и здесь сидят сегодня, присутствуют на этом важном заседании».

«Казалось бы, серьезнейший документ, который вам сегодня представлен, — продолжал Черномырдин, — политическое соглашение между Федеральным собранием, президентом, правительством. Вроде бы договорились, что президент не распускает Думу, Дума не требует отставки правительства, правительство не провоцирует Думу. Договорились о внесении поправок в Конституцию, о консультациях с депутатами чуть ли не по всем членам правительства. Президент согласился с ценой этого компромисса. А Дума, которая могла бы считать это своим успехом — против. Соглашение сорвано, все вдребезги, не рассматривается.

Ну почему? Можно сегодня спросить, в чем же дело? Ответа нет. Как кто-то сказал, аппетит приходит во время беды.

А какая цена этому бессмысленному противостоянию, когда все происходит на глазах, когда все на глазах разрушается? В последние полтора-два месяца народ не понимает, что происходит: все «метут», а мы ведем разговоры, формировать или не формировать правительство…

В общем, для себя считаю: в мои шестьдесят лет мне хитрить нечего. Я был рабочим, был директором, был союзным министром, был председателем правительства России. Я испытал всю тяжесть власти и осознаю всю меру ответственности. Я считаю недопустимым продолжение политического спектакля на глазах у всего народа, не до игрищ сегодня…

Лимит времени исчерпан. Каждый потерянный день придется наверстывать месяцами, а то и годами. Я прошу вашей поддержки и вашего согласия на немедленные действия».

Совет Федерации большинством голосов предоставил Черномырдину эту поддержку.

Многие тогда были убеждены, что если повторное голосование в Думе будет тайным, кандидатура Черномырдина пройдет, если же оно вновь станет проводиться открыто, повторится то, что произошло в первом туре. Как сказал Александр Шохин, если депутаты примут решение о тайном голосовании, это станет сигналом: «левая оппозиция готова на компромисс», другое же решение продемонстрирует ее готовность «идти, что называется, до конца».

Заседание Думы с повторным рассмотрением кандидатуры Черномырдина должно было начаться 4 сентября в 16–00, однако, в последний момент, по предложению Ельцина, его отложили, перенесли на 7 сентября. Договорились, что перед этим, тогда же, 7-го, будет проведен «круглый стол» с участием лидеров думских фракций и депутатских групп, членов Совета Федерации, губернаторов, а также представителей профсоюзов, различных политических сил.

Заседание «круглого стола» началось в намеченный день в 10 утра. Вел его Борис Ельцин. В ходе заседания, помимо Черномырдина, назывались и другие возможные претенденты на должность премьера, в частности, Егор Строев, Юрий Лужков, Юрий Маслюков, Евгений Примаков, Виктор Геращенко. Чаще других упоминалось имя Лужкова. Сам Ельцин по-прежнему настаивал на кандидатуре Черномырдина, но в качестве шага по направлению к компромиссу предложил дать правительству «испытательный срок шесть-восемь месяцев».

Однако оппозиция не приняла эту «свечу». Участники заседания так и не пришли к единому мнению по кандидату в премьеры.

Наконец, уже после «круглого стола» в ходе самого заседания, представляя Черномырдина, Александр Котенков сообщил, что президент пошел на совершенно беспрецедентные уступки оппозиции. Он подписал политическое соглашение (ранее его уже одобрил Совет Федерации и подписал Черномырдин). Теперь слово оставалось лишь за Госдумой. Не дожидаясь ее, Ельцин внес на рассмотрение нижней палаты поправки к конституционному закону «О правительстве РФ». Согласно этим поправкам, расширялись полномочия Госдумы и самого правительства при формировании состава кабинета (во время заседания «круглого стола» президент вообще сказал, что предоставит правительству все те полномочия, какие оно запросит).

Однако заседание Госдумы с самого начала пошло по худшему для Черномырдина сценарию: голосование вновь было решено сделать открытым.

Как и следовало, в общем-то, ожидать, во втором туре Дума вновь провалила Черномырдина. Правда, при этом результаты голосования были чуть более благоприятными для Виктора Степановича («за» 138, «против» 273, один воздержался), но это, естественно, ничего уже не меняло.

Парламентская оппозиция вновь продемонстрировала, что готова идти на роспуск Думы. Решающее слово было за Ельциным.

8 сентября Ельцин встретился с Черномырдиным. Встреча прошла «в расширенном составе»: на ней присутствовал Примаков, в тот момент исполнявший обязанности министра иностранных дел. Надо полагать, на этой встрече Ельцин пристально присматривался к Примакову уже как к возможному кандидату в премьеры.

Правда, сам «Примус», как за глаза называли Примакова, заявил накануне, что согласия баллотироваться в премьеры «дать не может», однако все понимали, что такого рода заявлениям не стоит очень уж доверять.

9 сентября произошла еще одна знаменательная встреча: Ельцин опять принял Черномырдина и на этот раз — московского мэра Юрия Лужкова. По окончанию встречи Лужков заявил, что среди прочего на ней обсуждались результаты последнего думского голосования по кандидатуре Черномырдина; при этом говорилось об опасности возникновения в стране «глубокого кризиса власти». Лужков также сказал, что, по его мнению, президент и в третий раз выдвинет кандидатуру действующего и.о. премьера.

Многие тогда гадали, обсуждалась ли фигура самого Лужкова как возможного председателя правительства (иначе зачем бы его приглашать на такую встречу?). Об истинном тогдашнем отношении президента к московскому мэру мало кто догадывался.

Из всего, однако, складывалась более или менее ясная картина: Ельцин колеблется, на ком остановить свой выбор: на Черномырдине или на Примакове (вряд ли третьим тут был Лужков). Для колебаний президенту была отпущена лишь неделя. Так это определяла Конституция. Ельцин стоял, словно витязь на распутье: направо пойдешь… налево пойдешь… Решение в пользу Черномырдина — это роспуск Думы с неясными последствиями, вердикт в пользу Примакова — многие это воспримут как капитуляцию перед оппозиционерами.

Впрочем, в прессе, помимо Черномырдина и Примакова, в качестве кандидатов в премьеры по-прежнему назывались и другие имена, в частности, Юрия Маслюкова и Александра Лебедя. Как писала одна из газет, «двое суток Кремль судорожно подбирал кандидатуру премьера, не зная на ком — коммунисте, дипломате, генерал-губернаторе или ЧВС (то есть на Черномырдине Викторе Степановиче. — *О. М.*) ему остановиться». Правда, упоминание в этой связи «генерал-губернатора» Лебедя относилось совсем уж к области фантастики.

«Ухожу с тяжелым чувством»

10 сентября Ельцин, как сообщалось, провел «неоднократные встречи» с Примаковым, Маслюковым (в ту пору депутатом Госдумы от КПРФ) и опять с Черномырдиным. После них картина наконец прояснилась: Черномырдин попросил президента не выдвигать его кандидатуру на пост председателя правительства и предложил представить на эту должность Примакова. Ельцин принял это предложение.

На заседании правительства, как бы прощаясь со своими коллегами, Черномырдин так разъяснил этот свой шаг:

«Если Черномырдин является камнем преткновения, если вносит раскол во власть, если мешает, я сниму с себя полномочия премьер-министра. Я не могу вредить России, я не могу допустить, чтобы раскол привел к великим потрясениям… Это мой выбор, я только что сказал об этом президенту».

Одновременно Черномырдин предупредил:

«В настоящее время Дума почувствовала реальную возможность захватить власть и сменить, возможно, политический строй».

Впрочем, добавил:

«Могу быть уверенным, этого не произойдет. Поскольку в противном случае за этим может последовать кровь. Мир вздрогнет, если это начнется в России».

В середине дня Черномырдин также выступил по телевидению. Вот некоторые фрагменты этого выступления:

«Уважаемые сограждане! Сегодня я принял решение просить президента не вносить в третий раз в Государственную Думу мою кандидатуру. Обстановка накалена до предела, и я не хочу и не желаю становиться политической фигурой гражданского раскола в стране, символом распрей и раздора. Президент со мной согласился. Не без колебаний. Но он поддержал мой выбор, руководствуясь главным высшим интересом национального согласия…

Покидаю свое рабочее место в Белом доме, прямо скажу, с тяжелым чувством, ибо тиски кризиса сжимаются. Подчеркну, кризиса, которого при Черномырдине не было. Время неумолимо уходит, и каждый день ужесточает проблемы, с которыми сталкивается российская экономика…

Левое большинство нашей нижней палаты за последние две недели резко качнуло политическую ситуацию в стране. Не сомневаюсь, что оно готово было бы сделать это и вновь, столкнув страну в пропасть. Это не для меня. Мне слишком дорога Россия, чтобы играть в такие игры…

Дела еще можно поправить. Есть предложенная мною Думе и Совету Федерации программа. Есть конкретный план действий. Содержание их известно. Решения жесткие, болезненные, но необходимые. Проведем их — значит, сумеем выйти из кризиса. Кто бы ни стал моим преемником на посту главы правительства, ему все равно придется идти этим курсом. Сказки о всеобщей национализации, переходе к плановой экономике, государственному регулированию цен и тому подобное сказками и останутся. Или превратятся, упаси нас Бог, в настоящую драму, чего допустить нельзя!»

«Считаю, что пора называть вещи своими именами, — сказал Черномырдин в заключение. — У левой оппозиции вновь обострился революционный синдром. Ставка делается на форсированный демонтаж существующего политического и конституционного устройства страны, на отстранение президента от власти. Речь идет о ползучем перевороте и реставрации. Вот подлинная цена первых двух голосований по кандидатуре на пост председателя правительства. Хотел бы сказать всем, кто в эти дни с пеной у рта нападал на президента, на меня, на само государственное устройство России. Та система власти в стране, которую мы с таким трудом создавали все эти годы, не просто абстрактные демократические институты. Сегодня это, по сути, то, что позволяет удержать страну над пропастью, вытащить экономику из кризиса. Крушить государство, действовать по принципу «чем хуже, тем лучше» может только тот, кто желает для России беды!

Поэтому я еще раз обращаюсь к своим оппонентам. Не тешьте себя иллюзией! Ни красных, ни розовых не будет. Эти цвета закрасят черным и коричневым. Я уже это говорил с думской трибуны. И ваша обостренная реакция лишь подтверждает мою правоту. Одумайтесь! Займитесь делом! Еще есть время сохранить лицо! Потом придется сохранять другие части тела. Я обращаюсь и к президенту. Борис Николаевич, дело не в Черномырдине, дело в том историческом пути, по которому должна идти Россия. Проявите волю! Вспомните, чем закончился Мюнхенский сговор! У нас затевается что-то очень похожее! Я никого не собираюсь пугать и шантажировать. Но власть в России должна быть и будет! Власть, опирающаяся на Конституцию и законы!

Я буду помогать этому самым активным образом, оставаясь в российской политике».

…Сойдя с «премьерской» дистанции, Черномырдин, однако, подтвердил, что не отказывается баллотироваться в 2000 году на пост главы государства. Ясно было, однако, что теперь его шансы на успех сильно понижаются.

Совещание у Ельцина

…В начале сентября 1998 года руководитель Администрации президента Валентин Юмашев приехал к Ельцину на дачу и сообщил ему, что, возможно, Виктора Степановича Черномырдина не удастся провести в премьеры. Президент не поверил: «Не может быть!» В самом деле, Черномырдин тогда пользовался могучей поддержкой большинства так называемых «элит», трудно было себе представить, чтобы его не удалось продвинуть в премьерское кресло, тем более, что он уже отсидел в нем почти пять с половиной лет, хорошо в нем освоился. Однако «элиты» «элитами», а Дума Думой. Тут, похоже, нашла коса на камень. Глава администрации стоял на своем: возможность окончательного провала существует, вполне реальная. Если он случится, если Дума трижды проголосует против экс-премьера, придется ее распускать и объявлять новые выборы. Однако в ситуации после 17 августа это было бы полным безумием: скорее всего на этих новых выборах коммунисты одержали бы еще более убедительную победу, чем в 1995-м. Так что надо позаботиться о какой-то запасной кандидатуре на пост премьера. В качестве такой кандидатуры Юмашев предложил Примакова.

Немного подумав, Ельцин разрешил руководителю своей администрации поговорить с Евгением Максимовичем, хотя оставался во мнении, что несмотря ни на что Черномырдина удастся сделать премьером.

Юмашев отправился к исполняющему обязанности министра иностранных дел, не ставя об этом никого в известность, так сказать, инкогнито. Зная, что Примаков не собирается идти в президенты, он принялся прельщать его другой перспективой: если тот станет премьером, то, среди прочего, сможет поучаствовать в иной, не менее важной, исторической миссии: вместе с Борисом Николаевичем подобрать подходящего кандидата на пост следующего главы государства. Ельцин ставил условием, чтобы это был человек возрастом до пятидесяти, в крайнем случае, — пятидесяти с небольшим: во власть должно придти другое поколение, вообще политическая «элита» должна смениться.

(В скобках замечу: на мой взгляд, относительно кандидата в президенты эта установка была не очень оправданной — круг более или менее приемлемых претендентов сам по себе был ничтожно узок; если еще ранжировать их по возрасту… На первом месте, наверное, должен был бы стоять один критерий: способен ли человек стать главой демократического государства России, сохранить демократический, рыночный курс. Конечно, хорошо бы еще, чтобы президент был не слишком старый, однако смена поколений во власти, наверное, должна идти естественным образом, без выдвижения на первое место такого критерия, как возраст).

Однако Примаков отказывается идти в премьеры. Уверяет, что пост министра иностранных дел его вполне устраивает, никто его не трогает, он занимается своим делом, общается с Мадлен Олбрайт и прочими ведущими зарубежными политиками.

Примаков заверяет Юмашева, что делает и будет делать все от него зависящее, чтобы главой правительства стал Черномырдин. Обещает употребить ради этого все свое влияние на коммунистов. Он, как и Ельцин, уверен, что, в конце концов, Черномырдин пройдет.

В Администрации президента между тем возникает разноголосица. Уже давно известно, что некоторые из заместителей Юмашева — Ястржембский, Савостьянов, Кокошин — наиболее подходящим кандидатом на пост председателя правительства считают Юрия Лужкова. Примаков им не нравится. Еще один заместитель, будущий глава администрации Александр Волошин, возражает и против Примакова, и против Лужкова. Он продолжает стоять за Черномырдина. Полагает, что думцы не пойдут на роспуск, не хватит духа: сколько раз они уже заявляли, что роспуска не боятся, но в последний момент поджимали хвост. (На это следует возражение, что такой ситуации, как после августовского дефолта, не было никогда, за все последние «ельцинские» годы противникам президента впервые выпала такая удача).

Аргументы противников Примакова сводились к тому, что он никакой не рыночник, он все остановит, задушит все реформы; да и вообще Ельцин никогда не выдвинет Примакова в премьеры: после молодого, энергичного, современного Кириенко вдруг — этот осколок Совка, бывший кандидат в члены Политбюро… «Какой Примаков! Лужков это да, это действительно рыночник. Посмотрите, что делается в Москве. И, если ему дадут, он распространит это на всю Россию. Юрий Михайлович всегда, во всем, в том числе и в реформах поддерживал и поддерживает президента».

В свою очередь, противники Лужкова настаивают, что после утверждения его премьером, а в особенности после избрания президентом наступит полный мрак. То, что делается в Москве, к рынку никакого отношения вообще не имеет. Большей коррупции, чем в столице, нет нигде в стране. Сам Лужков, пользуясь своей должностью, уже неслыханно обогатился и продолжает обогащаться. При этом прикрывается «предпринимательской деятельностью» своей жены Елены Батуриной. А что будет, когда она станет женой президента? Весь российский бизнес попадет в зависимость от нее, от ее расположения или нерасположения. Все будет решаться через нее. При этом сам Лужков останется белым и пушистым, как бы не имеющим к жениному бизнесу никакого отношения.

Все доводы за и против Примакова и Лужкова были представлены Ельцину. Естественно, в несколько смягченном виде. Противники Лужкова напирали на то, что московский мэр — это человек, который всегда был в конфликте со всеми теми, на кого президент делал главную ставку, с кем создавал рынок: с Чубайсом, Немцовым, Гайдаром. Поэтому понятно, что какие бы дифирамбы в адрес президента, его реформ он ни пел, на самом деле, так сказать внутри, он совсем другой и к президенту относится совсем по-другому.

Что касается Примакова, среди его достоинств на первое место выдвигалось то, что он не собирается быть президентом. Стало

быть, целиком посвятит себя работе, а не пиару. Работать же он умеет, с полной самоотдачей, с искренней заботой об интересах страны, а не о собственном благе.

На это защитники Лужкова возражали, что обвинения в его адрес несправедливы, что Юрий Михайлович совершенно искренне восторгается Борисом Николаевичем, что он глубоко убежден: все то благое, что сделано в России в последние годы, все демократические, рыночные реформы, сделано благодаря президенту. У Примакова же, по мнению его оппонентов, явно «красная», или, по крайней мере, «розовая» политическая окраска. Он не имеет никакого отношения к рынку. Это фигура, взращенная на советских дрожжах и по своему менталитету застрявшая в советских временах.

Ельцин всех выслушал, поблагодарил, сказал, что подумает и примет решение.

Впрочем, частично это решение к тому времени он уже принял. Принял довольно давно. Когда все, кроме Юмашева, уехали, он позвал руководителя своей администрации и сказал твердо, что кандидатуру Лужкова «мы не обсуждаем».

В качестве возможного премьера и тем более президента Ельцин не рассматривал московского мэра никогда.

Кстати, против лужковского премьерства выступал и Путин, в ту пору — директор ФСБ. Он полагал, что назначение Лужкова председателем правительства автоматически ведет к его последующему президентству, а это обернется бедой для страны.

Третье, окончательное голосование в Думе по кандидатуре премьера должно состояться в пятницу 11 сентября 1998 года. Все говорит о том, что Черномырдин, если президент снова его предложит Думе, будет снова ею провален. Соглашение между президентом и Думой, которое планировалось как компромисс, позволяющий исполняющему обязанности премьера превратиться в полноценного председателя правительства, депутатами блокируется.

В общем, ясно, что на Черномырдине пора ставить крест, продолжать его поддерживать не имеет смысла, о чем Юмашев и сообщает ЧВСу. Тот в шоке. Продолжает уговаривать главу президентской администрации «попробовать еще раз». Уверяет, что располагает какими-то данными, что в третьем туре он пройдет.

На самом деле надежды на это никакой…

Стрелки окончательно переводятся на Примакова. К его фигуре склоняется и Ельцин. Однако все дело в том, что сам Примаков по-прежнему не желает идти в премьеры. Юмашев продолжает его уламывать. К этим уговорам подключаются Малашенко, Дьяченко… Березовский.

Самое забавное, что в этом деле участвует Борис Абрамович, непримиримый противник Примакова. Он не верит, что Примаков согласится на премьерство, но как всегда, будучи гроссмейстером политической интриги, пытается реализовать свой собственный вариант «склеить» Примакова с Черномырдиным: Черномырдин премьер, Примаков его первый зам. Как полагал Березовский, в тогдашних условиях такой тандем был бы наиболее устойчивым. Примаков в самом деле соглашался стать первым замом Черномырдина, а тот взять его на эту должность. Однако сомнения, что в третьем раунде Дума, в конце концов, проголосует за Виктора Степановича, все-таки взяли вверх. Она и не проголосовала бы, даже получив обещание о первом вице-премьерстве Примакова.

Едва ли не в последний день, когда кандидатуру на пост премьера еще можно вносить в третий раз (по Конституции на это дается семь дней), глава Администрации президента приглашает Примакова в Кремль и ставит вопрос ребром. По его словам, на сегодня осталось два варианта: если Примаков соглашается, он премьерминистр и включается в поиск будущего президента (это по-прежнему лейтмотив юмашевских уговоров), если не соглашается, Ельцин в третий раз вносит кандидатуру Черномырдина и распускает Думу со всеми вытекающими отсюда мрачными последствиями.

При этом кандидатура Лужкова не упоминается: как уже говорилось, Ельцин категорически против нее. Кстати, сам Примаков, по-видимому, тоже категорически против.

Наконец Примаков дает согласие.

Юмашев отправляется к Ельцину, буквально вбегает в его кабинет:

«Борис Николаевич, у нас радость: Примаков согласился».

10 сентября Ельцин направил в Думу письмо с предложением утвердить председателем правительства Евгения Примакова.

Выступив на следующий день с телеобращением к россиянам, президент оценил обстановку в стране как крайне тяжелую.

«Почти три недели у нас не было правительства, — сказал он. — Почти три недели бушевали политические страсти. Тем временем пустели прилавки. Вернулись слова «очередь» и «дефицит». Твердый рубль, которым мы так гордились, полетел вниз. Мы подошли к опасной черте…»

Вместе с тем Ельцин добавил, что серьезного политического кризиса, на пороге которого оказалась Россия, удалось избежать благодаря тому, что политические лидеры сумели найти компромисс. По словам Ельцина, кандидатура Примакова, выдвинутого им на пост председателя правительства, — это «кандидатура согласия», и он, президент, не сомневается, что его кандидат станет премьером.

Перед будущим правительством президент поставил такие первоочередные задачи: «срочно добиться снижения цен, вернуть товары на полки магазинов, восстановить банковскую систему, гарантировать сохранность вкладов».

(Вряд ли Ельцин и его окружение всерьез надеялись, что Примаков и подобранные им министры действительно способны решить эти задачи, однако ситуация в экономике была настолько тяжелая, что самым важным в тот момент представлялось несколько успокоить народ, в котором по-прежнему преобладали «левые», прокоммунистические настроения, добиться этого с помощью соответствующей риторики, на которую Примаков и его единомышленники были большие мастера. Впрочем, и Ельцин, и его приближенные считали, что правительство Примакова вполне может просуществовать до выборов 2000 года: по-видимому, в Кремле искренне поверили, что Евгений Максимович в самом деле, как договаривались, не будет претендовать на роль главы государства и, соответственно, не станет помехой для того, на кого поставит власть).

«Уважаемые россияне! сказал в заключение Ельцин. Понимаю, что сегодня тяжело всем. Но нельзя поддаваться эмоциям, опускать руки. Уроки из нынешнего кризиса еще предстоит извлечь. А сейчас надо работать над его преодолением. Работать всем вместе».

В свою очередь, Примаков в заключительном слове перед голосованием в Думе, пообещал, если его утвердят, «делать все для того, чтобы остановить дальнейший спад», чтобы принять все необходимые меры, которые могли бы способствовать подъему российской экономики, подъему благосостояния людей.

При этом, однако, кандидат в премьеры предупредил, что от него не следует ожидать «быстрых результатов», он «не фокусник».

«Здесь уже упоминали Рузвельта, — сказал Примаков. — А я еще скажу о Наполеоне, который изобрел «сто дней». Я думаю, что не надо судить по правительству по первым ста дням. Предстоит очень тяжелая повседневная работа…»

Дума, естественно, дружно проголосовала за Примакова. Тогда же, 11-го, уже на следующий день после выдвижения Примакова Ельциным. 317 «за», 63 «против», 15 воздержались. Контраст между отношением к кандидатуре Примакова и кандидатуре Черномырдина опять-таки был разителен.

Покидая Думу, Примаков всех заверил, что «отката от экономических реформ не будет».

«Но нужно говорить об ошибках, которые были сделаны во время нашего движения по пути реформ, — добавил новый премьер. — И мы сделаем все для того, чтобы эти ошибки были бы выправлены».

Трудно было понять, что, собственно говоря, новый премьер подразумевает под словом «откат», и какие такие ошибки реформаторов он собирается «выправить». Впрочем, кое о чем можно было догадаться…

По словам Примакова, приоритет он намерен отдавать развитию национальной экономики, промышленности, хотя это не означает, что будет закрыта дверь перед иностранными инвесторами.

Примаков сказал также, что отныне он не будет таким закрытым для прессы, каким был прежде, «когда работал на прежних должностях», и намерен в подробностях посвящать журналистов во все шаги, которые готовит правительство.

О своей открытости для прессы Примаков не однажды будет заявлять и потом.

От «плохих» реформ к «хорошим»

Большинство россиян встретило назначение академика Примакова с одобрением. Это назначение действительно в какой-то степени успокоило людей. Имидж сугубо положительного, рассудительного, мудрого, доброго дядюшки, который всегда являл собой этот деятель, вселял в людей надежду, что новый премьер сумеет выправить положение, выровнять накренившуюся и изрядно уже зачерпнувшую воды государственную лодку. Люди вообще склонны судить о политике, госдеятеле не по его реальным делам, а по чисто внешним признакам, манере говорить, выступать, вести заседания, по его статьям и интервью. После семи неспокойных лет реформ многие, наверное, даже большинство жаждали примаковской положительности и надежности. Думалось: да, уж этот-то человек не пустится в безоглядные эксперименты и авантюры.

Действительно, уже первые встречи и консультации руководителей кабинета подтверждали, что это правительство не собирается рьяно продолжать экономические реформы, начатые Гайдаром. В первые же дни первый зам Примакова Маслюков, назначенный ответственным за экономику, достаточно демонстративно пригласил к себе известных противников гайдаровских реформ — академиков Абалкина, Львова, Богомолова, Петракова. Один только этот состав приглашенных ясно говорил, каких ориентиров в экономической политике собирается придерживаться новое правительство.

Впрочем, и сам Примаков, не уставая заверять, что при нем экономические реформы будут продолжены, то и дело оговаривался, что новое правительство не может проводить реформы, «которые плохо отражаются на народе».

«Если «терапия» (то есть так называемая «шоковая терапия». — *О. М.*) затягивается чуть ли не на десятилетие, и просвета никакого не видно, — говорил Примаков, — то это, конечно, не в интересах страны, не в интересах народа».

Правда, было не совсем понятно, как Примаков собирается сделать реформы более социально направленными, не отказавшись от самих реформ. Многие считали все эти уверения нового премьера «пустыми и лживыми».

«Социально ориентированная экономика, существующая в некоторых странах Европы, — писали «Новые известия», — это, вероятно, лучшее на сегодня достижение мировой общественной жизни. Но сама социальная ориентация нигде не была и не могла быть начальным шагом построения такого общества, она стала итогом длительного развития рыночной экономики».

Кстати, координатором реформ в правительстве Примакова был назначен первый «вице» Юрий Маслюков, до той поры никакого отношения к экономическим реформам не имевший, более того, относившийся к ним откровенно негативно. Маслюкову поручалось также поддерживать отношения с Всемирным банком, Международным валютным фондом, Европейским банком реконструкции и развития. Трудно было себе представить, на каком языке будут говорить бывший председатель советского Госплана и самые, пожалуй, строгие и последовательные приверженцы рыночной экономики.

О том, сколь серьезный вес Маслюков имел в новом правительстве, можно было судить хотя бы по тому, что на него возлагались обязанности премьера в случае, если тот будет отсутствовать.

О теоретических взглядах Примакова можно судить хотя бы по его выступлению на заседании совета ассоциации «Большая Волга» 28 октября. По его словам, он склонен в качестве примера брать европейскую рыночную модель, которую сами же европейцы считают социально ориентированной. А социальная ориентация невозможна без государственного регулирования. По мнению Примакова, «на данном этапе» оно необходимо России.

«В настоящее время в мире нет ни чистого социализма, ни чистого капитализма, — сказал премьер. — Очевидно взаимное влияние того, что происходит в мире».

В общем, Примаков провозгласил тот самый подход, на котором все предшествующие годы настаивали явные и скрытые противники либеральных реформ. При этом, правда, как и подобает, Евгений Максимович оговорился, что в его понимании госрегулирование — «не просто вмешательство государства в экономику, а установление определенных правил поведения», «соблюдение реального бюджета, всех обязательств и контрактов, защита всех форм собственности, проведение приватизации на цивилизованной основе» и т. д. Тут, однако, надо сказать, что в ту пору, да и позднее, почти все сторонники усиленного госрегулирования вынуждены были делать подобные оговорки. Между тем, провозглашение установки на повышение роли государства в экономике само по себе служило вполне определенным сигналом для чиновников. Не особенно вдаваясь в тонкости, бюрократия однозначно его воспринимала, как призыв усиливать атаку на еще не окрепший, еще только формирующийся рынок.

Тезис о том, что регулирующую роль государства необходимо усиливать, Примаков постоянно повторял и в дальнейшем.

В общем, правительство Примакова сразу же окрестили «красным», или, по-другому, левым, опять же левоцентристским. Премьеру это, естественно, не нравилось. Он хотел иметь свободу рук, свободу маневра. На обвинение в «красноте» он отвечал, что «не является сторонником такого окрашивания».

«Это — национальное правительство, — уверял Примаков, — это — отечественное правительство, которое должно заботиться об интересах России, интересах народа… Деятельность правительства должна способствовать единству России».

4 декабря Примаков, в очередной раз назвав проведенные в России реформы «неудачными», сказал, что этим, мол, и объясняется недоверие к ним. Опять-таки, призвал к восстановлению «сильного государства».

По мнению Маслюкова, кабинету Примакова приходится разгребать те завалы, которые образовались в результате «краха курса, проводившегося предыдущими правительствами в последние семь лет».

Переговоры с МВФ

После августовского дефолта доверие к России за рубежом, естественно, резко снизилось. Если в июле Россия ожидала получить до конца года от МВФ и МБРР семь миллиардов долларов кредита, то теперь могла рассчитывать лишь на 2,4 миллиарда.

Вообще на возобновление сотрудничества с МВФ, прерванного после 17 августа, российское правительство могло надеяться лишь в том случае, если оно представит фонду хотя бы «базовые параметры» своей экономической программы.

Но и после того, как программа была представлена (как мы знаем, она называлась планом первоочередных мер по выводу страны из кризиса), золотой дождь на голову Евгения Максимовича не пролился. Не все в этой программе устраивало МВФ. Начались затяжные переговоры. Сотрудники МВФ гораздо охотнее разговаривали с бывшими членами правительства Кириенко, в частности, с Борисом Немцовым, нежели с упертым советским плановиком Маслюковым. Среди прочего, они как раз просили у Немцова совета, как вести себя с этим деятелем, ныне представляющим российское правительство, но по своему менталитету застрявшему в советских временах.

Не знаю, что уж там Немцов им советовал.

Впрочем, дело, конечно, заключалось не только в Маслюкове: Запад вообще довольно настороженно от несся к первым шагам нового правительства, к попыткам расширить сферу экономики, куда бы вторгалось государство, к увеличению расходов на социальные программы, для которого не имелось достаточных оснований, к безостановочной критике предыдущих, реформаторских, правительств, наводившей на мысль, что Примаков собирается-таки отступить от курса реформ, несмотря на все его заявления об обратном.

Свои замечания к примаковско-маслюковскому плану первоочередных мер представила, в частности, московская миссия МВФ. Как сказал Примаков, с некоторыми из них можно согласиться, с другими нет. Среди прочего, пояснил он, замечания миссии направлены против государственного вмешательства в экономику, что противоречит представлениям российского правительства. При этом Примаков добавил довольно резко: «Россия не та страна, которая будет лежать или стоять на коленях».

21 ноября 1998 года Примаков и Маслюков встретились с главой миссии МВФ, прибывшей в Москву. Официально было сообщено, что встреча была плановой и ничего сенсационного на ней не произошло. Уже из этого сообщения можно было понять: никакого продвижения вперед на переговорах не достигнуто.

В начале декабря в Москве состоялся очередной раунд переговоров, на этот раз между руководством российского правительства и директором-распорядителем МВФ Мишелем Камдессю. Заявление об итогах опять-таки было обтекаемым: дескать, эти переговоры «не носили меркантильного характера», Россия ничего дополнительно не просила у МВФ и, соответственно, ничего не получила; целью было познакомить Камдессю с положением в российской экономике.

Функционеры МВФ заявляли, что первоочередную задачу российского правительства видят в том, чтобы оно «восстановило макроэкономическую стабильность», достигнутую в предшествующие годы, и что главное условие сотрудничества международных финансовых организаций с Россией — отсутствие у нее намерений изменить «магистральный курс экономической стратегии России, начатый в 1991 году, направленный на взаимодействие с Западом и с промышленно развитым миром в рамках глобальной экономики».

Руководители международных финансовых организаций постоянно напоминали, что для Москвы зарезервированы многомиллиардные суммы, которые будут ей выделены, как только она согласует с МВФ свою экономическую программу.

В дальнейшем в СМИ регулярно появлялись сообщения, что на переговорах России и МВФ «позиции сблизились», что «несколько увеличилось» взаимное понимание и т. д. Однако в противоречие с этими обтекаемыми сообщениями то и дело вступали другие. Так, в начале марта 1999-го, после очередного раунда переговоров, они проходили в Вашингтоне, Мишель Камдессю заявил открытым текстом, что МВФ не удовлетворен проводимой в России экономической политикой и что, по его мнению, переговоры будут «долгими и трудными». Как бы отвечая на упреки, что в отношении России МВФ проявляет дискриминационный подход, что во многих других случаях, например, при финансовых кризисах в Южной Корее, Индонезии, Таиланде, Бразилии МВФ незамедлительно шел на массированные финансовые инъекции даже тогда, когда многие из требований МВФ не соблюдались, Камдессю спокойно сказал: неправильно было бы предоставлять российскому правительству кредиты, с благодушием смотря на то, что оно делает в сфере экономики, это «сослужило бы плохую службу самой России».

Со своей стороны, первый вице-премьер российского кабинета Юрий Маслюков обвинил Камдессю в том, что тот пытается «оказать давление» на Россию, «заставить нас сделать то, что мы не приемлем».

Впрочем, Маслюков добавил, что разногласия с МВФ — не катастрофа, и если не он, Маслюков, то кто-нибудь другой сумеет-таки достичь договоренности с фондом.

И снова последовали сообщения, что, с одной стороны, МВФ «начинает проявлять понимание» позиции России, а с другой — что сама Россия «готова быть достаточно гибкой в переговорном процессе», что вообще в отношениях с фондом «идет движение навстречу друг другу» и все это «дает повод для оптимизма» в отношении предстоящих очередных переговоров.

На деле стало очевидно, что воспользоваться кредитом МВФ как источником денег для выполнения своих социальных

обещаний Примакову будет довольно трудно, если вообще возможно.

Разворот над океаном

Дополнительным препятствием для получения Россией кредита стал югославский кризис, грозивший перерасти в вооруженное столкновение между Милошевичем и НАТО. По всем приметам можно было ожидать: авиация НАТО нанесет воздушные удары по Югославии как раз в тот момент, когда российский премьер будет находиться в США и участвовать там, в частности, в решающем раунде переговоров с главой МВФ. Как сказал 23 марта 1999 года Юрий Маслюков, это может торпедировать переговоры, вернуть их «к нулевой отметке».

По словам Маслюкова, он не знает, какое решение примет его шеф, если силовая акция в отношении Югославии будет предпринята. Сам он немедленно покинул бы США, вернулся в Россию.

Однако прерывать переговоры Примакову даже не пришлось. До Америки он так и не долетел. Как рассказывал губернатор Санкт-Петербурга Владимир Яковлев, входивший в состав российской делегации, вопрос о том, лететь или не лететь, стали обсуждать еще во Внукове перед отлетом 23 марта. В ирландском аэропорту Шеннон, где самолет совершил промежуточную посадку, по словам Яковлева, было принято решение лететь не в США, а «в направлении» Канады. Такое изменение курса было как бы последним предупреждением руководству НАТО. Оно не подействовало. Когда самолет находился над Атлантикой, в девять вечера, американский вице-президент Альберт Гор сообщил по телефону Примакову, что переговоры с Милошевичем зашли в тупик и вооруженный конфликт с ним неизбежен.

Удар по Югославии должны были нанести уже ночью, сказал Яковлев, и, видимо, это повлияло на решение Примакова.

Самолет развернулся и взял курс на Москву.

Бомбардировка Югославии началась в ночь на 25 марта.

В России примаковскую «фигуру высшего пилотажа» встретили с одобрением. Но были и скептические, даже негативные комментарии. Юрий Лужков, в целом похвалив премьера за его решительность, в то же время посетовал по поводу того, что поступок Примакова мира в Югославию все равно не принесет, но «объективно осложнит работу по получению очередного кредита МВФ».

«Между тем, этот кредит нам нужен, без него мы будем чувствовать себя очень плохо, даже катастрофически, — сказал Лужков. — Может быть, премьер-министру не стоило в этой ситуации разворачивать самолет, а прервать свой визит в США после каких-то первых военных акций».

Сходным образом Борис Немцов, недавний вице-премьер, в то время лидер движения «Россия молодая», назвав действия Примакова «безупречным шагом в политическом плане», вместе с тем предположил, что они утяжелят проблемы внутри страны: поскольку переговоры с МВФ о предоставлении кредита отложены, можно ожидать падения рубля, роста цен и, как следствие, увеличения числа бедных.

Сегодня как-то странно уже слышать, что кредит Международного валютного фонда еще совсем недавно был так важен, жизненно важен для России. Сейчас, благодаря бурному потоку нефтедолларов, мы не берем взаймы деньги, лишь отдаем старые долги.

Сам Примаков в своих воспоминаниях ничего не пишет о полете в сторону Канады: дескать, как летели в США, так и летели. Получив сообщение Гора, премьер собрал всю «команду», которая была с ним в самолете, губернаторов, министров, бизнесменов и спросил их, одобряют ли они в создавшихся условиях его решение развернуться над Атлантикой и лететь домой. (Примаков так и сказал: «мое решение»). Все без исключения высказались «за». После этого премьер вызвал командира корабля и велел ему развернуть самолет.

В дальнейшем в прессе началась разноголосица, согласовал ли Примаков свой воздушный маневр с Ельциным или нет. Одни уверяли, согласовал, другие это отрицали. В примаковских мемуарах читаем:

«Попросил соединить меня по телефону с Ельциным. Рассказал ему обо всем. Президент отреагировал односложно: «Принятое решение одобряю».

Прошу заметить: этот разговор состоялся уже тогда, когда самолет летел назад. Странно было бы, если бы Ельцин «не одобрил» решение премьера и велел бы ему еще раз крутануться на 180 градусов, продолжать свой путь в Америку. То есть премьер поставил президента перед свершившимся фактом: сначала он попросил одобрения у своих спутников губернаторов и министров, — развернул аэроплан и только потом сообщил о произошедшем президенту…

Итак, Примаков не согласовал заранее свои возможные действия ни с Ельциным, ни даже с Волошиным. При желании это, конечно, можно объяснить цейтнотом, необходимостью действовать быстро и решительно, но не исключено также, что в немалой степени премьером тут двигало желание поднять свой рейтинг, что оно взяло верх над опасением вызвать недовольство Ельцина.

Отставка Примакова

Невооруженным глазом было видно, что Примаков — готовый кандидат в президенты. Солидный, основательный, немногословный…

Тестовый эпизод, если так можно сказать, случился 20 октября 1998 года, вскоре после назначения Примакова премьером. В этот день известный в ту пору юрист и политик Сергей Шахрай довольно неожиданно стал его советником. Событие вроде бы малозначительное, но многие восприняли его как знаковое. Считалось, что Шахрай, благодаря своей безукоризненной интуиции и умению точно просчитывать развитие событий, всегда оказывался рядом с победителем, нынешним или будущим. В конце июня он, по-видимому, сознательно спровоцировал свой уход от Ельцина, с которым долго работал, и переметнулся к Лужкову. И вот очередная смена шефа. Об этом как будто неприметном событии знающие люди тогда оживленно судили и рядили. Президент Института стратегических оценок Александр Коновалов так его оценил:

«Сергей Шахрай всегда работал с первым лицом государства, и его новое назначение свидетельствует, что сам Шахрай считает премьер-министра наиболее сильным, весомым, значимым и перспективным политиком современной России. Но интересно и другое. Тот факт, что премьер-министр взял на работу своим советником человека, которого всего несколько месяцев назад президент уволил за нелояльность, позволяет заключить, что и сам председатель правительства не исключает, что в ближайшее время ему придется принять на себя президентские полномочия».

В то же время сам Примаков вроде бы не собирался идти в президенты. Тут он вполне вписывался в замысел Ельцина, который хотел, чтобы на высшие государственные посты пришло более молодое поколение, люди в возрасте до пятидесяти лет, в крайнем случае, немногим старше пятидесяти. На отсутствие у Примакова президентских амбиций упирал, в частности, Юмашев, отстаивая кандидатуру Примакова в спорах со сторонниками других кандидатур в Администрации президента. И уговаривая самого Примакова занять премьерскую должность, глава Администрации президента «соблазнял» его вовсе не перспективой обретения высшего государственного поста, а другой важной исторической миссией: вместе с президентом Ельциным тот будет подбирать претендента на роль главы государства из числа относительно молодых.

Между тем никакой особенной проницательности не требовалось, чтобы понять: положение премьера все более укрепляется в ущерб положению президента; и этот процесс «перераспределения политического веса» в дальнейшем будет идти по нарастающей.

Уже в начале своего премьерства Примаков осуществил ряд «знаковых» назначений на ключевые посты: первым своим замом, об этом уже говорилось, сделал того же Маслюкова, председателем Центробанка — Геращенко…

После обескуражившего всех дефолта это казалось естественным: Примаков был как бы призван на роль спасителя отечества. Все это еще укладывалось в рамки договоренностей с Ельциным, достигнутых при назначении Примакова. Однако затем новый премьер стал укреплять связи с силовыми министрами, систематически с ними встречаться. Тесный контакт с силовиками — уж это дело святое для каждого, кто планирует остаться у власти всерьез и надолго. Еще не известно, как повернется колесо фортуны. Формально силовики напрямую подчинялись президенту, но кто же станет возражать и против их добрых отношений с главой правительства? Сами силовые министры охотно откликались на предложение дружбы со стороны Примакова: то, что в недалеком будущем он сменит хронически нездорового, явно слабеющего Ельцина, представлялось более чем вероятным.

Нельзя сказать, чтобы Ельцину все это нравилось. С давних пор он привык руководителей Вооруженных Сил, МВД, ФСБ держать у себя под рукой. В какой-то момент он прямо заявил об этом, чтобы поняли все, кто не понимает:

Все силовые министерства подчиняются президенту, в том числе юстиции и налоговой полиции.

Но это мало что изменило. Слова они и остаются словами…

В ту пору, в декабре 1998-го популярность Примакова была достаточно высока. За неделю до Нового года, 24 декабря, Фонд «Общественное мнение» опубликовал список политиков, которых россияне выдвигают на получение почетного звания «Человек года». Этот список снова возглавил Примаков. За него проголосовали 19 процентов опрошенных. Далее следовали: Лужков (10 процентов), Явлинский (6), Зюганов (4), Кириенко (3), Лебедь (2), Старвойтова (2), Жириновский (2). Передовую десятку замыкали Ельцин и Черномырдин: у каждого по одному-единственному проценту.

В двадцатых числах января 1999 года Примаков направил спикеру Думы Селезневу письмо, в котором предложил выступить с совместным заявлением, как обеспечить в стране политическую стабильность. Согласно этому предложению, заявление должны подписать президент, председатели Госдумы и Совета Федерации, председатель правительства. На период действия соответствующего соглашения, если оно будет достигнуто, подписанты должны взять на себя такие обязательства: президент должен воздерживаться от роспуска Думы и правительства, правительство — не ставить перед Думой вопрос о доверии себе, Дума — отказаться от попыток импичмента и других шагов, которые могли бы привести к ее роспуску.

К письму Примакова прилагался проект закона о политических и иных гарантиях лицам, занимавшим пост президента России.

На первый взгляд, казалось бы, письмо как письмо, ничего особенного, однако вокруг него разгорелся настоящий скандал. Многие журналисты усмотрели в нем прежде всего попытку ограничить права президента, а то и вовсе каким-то образом отрешить его от власти (для того, мол, и предлагается законопроект о гарантиях).

Пресса с необычайным упоением расписывала, домысливала и комментировала происходящее. Так, в статье, опубликованной в газете «Сегодня», утверждалось, что в Кремле с утра до ночи идут бесконечные совещания, обсуждается вопрос, что делать с «мирными инициативами» Примакова. Президент (он находится в ЦКБ) пребывает в ярости. У него состоялся «тяжелый» разговор с премьером.

Такой разговор в самом деле был. Свои действия Примаков оправдывал тем, что за основу своих предложений он взял проект соглашения, который в свое время, осенью 1998-го, уже был одобрен Ельциным, когда он продвигал на пост премьера Черномырдина: это была как бы кость, которую тогда бросили оппозиции, чтобы она проголосовала за Виктора Степановича (как мы помним, оппозиция эту кость не приняла). На это президент отвечал раздраженно, что сейчас совершенно другая обстановка, с какой стати он должен идти на такие серьезные уступки своим противникам?

В общем, Ельцин хотя и не уволил Примакова немедленно — это было бы странным: формально никакой серьезной причины для отставки не существовало — но, по-видимому, именно в этот момент внутренне, для самого себя принял решение, что премьера надо убирать.

Наружу ничего такого, разумеется, не выплыло. Пресс-секретарь Ельцина Дмитрий Якушкин на пресс-конференции сообщил журналистам, что премьер, которому президент поручил «сделать общество стабильным», подготовил «сугубо рабочий документ» и послал его первым делом вовсе не в Думу, а именно президенту. В Думу же и в Совет Федерации были направлены копии письма. Однако Селезнев, мол, по своей инициативе предал письмо огласке.

Якушкин подтвердил, что между президентом и премьером в ЦКБ действительно состоялась «длительная беседа». Пресс-секретарь дал понять, что его шеф никогда не пойдет на усечение своих конституционных прав, в частности, права формировать и отправлять в отставку правительство. Вместе с тем, Якушкин ни словом не обмолвился, что Ельцин испытывает какое-то недовольство действиями премьера. В общем, в отношениях между Кремлем и Белым домом по-прежнему тишь да благодать.

Волна слухов, между тем, не спадала. Они подпитывались «утечкой информации» из «официальных кругов». 25 апреля 1999 года, по сообщению РИА «Новости», некий «высокопоставленный источник в Администрации президента» (возможно, это был Волошин — новый руководитель Администрации) заявил, что Кремль не считает правительство Примакова своим «стратегическим союзником», хотя и полагает, что в политике «на каких-то этапах необходимы компромиссы».

В эти же дни в правительстве началась перетряска, крайне неприятная для премьера. 27 апреля Ельцин сместил одного из главных «левых», на которых опирался Примаков, первого вице-премьера Вадима Густова, и заменил его Сергеем Степашиным.

В начале мая случился довольно забавный эпизод, связанный со служебным продвижением Степашина. В начале одного из заседаний (участники, включая президента, расположились за огромным круглым столом) Ельцин, медленно, грозно обведя очами присутствующих, произнес: «Не так сели. Степашин первый зам. Исправить!» Исправили. «Исправление» заключалось в том, что новый первый зам сел рядом с Примаковым, как бы подпирая его, вытесняя премьера из его кресла…

11 мая руководитель Управления правительственной информации Игорь Щеголев заявил по «Эху Москву», что завтра, 12 мая, состоится встреча Бориса Ельцина и Евгения Примакова, которая «относится к разряду обычных регулярных встреч».

То, что предстоящая встреча президента и премьера будет вполне обычной, подтвердил и пресс-секретарь Ельцина Дмитрий Якушкин. По его словам, на ней будет обсуждаться «широкий круг вопросов внутренней и внешней политики».

Однако, как это часто бывало у Ельцина, он преподнес всем сюрприз. На встрече 12 мая, которая началась в десять утра, президент объявил премьеру, что отправляет его правительство в отставку.

Исполняющим обязанности главы правительства был назначен Сергей Степашин.

Бывший советский премьер Николай Рыжков назвал решение Ельцина «огромной ошибкой».

«Мне кажется, — сказал Рыжков, — что президент не осознает того, что он делает. Ему следовало бы вначале хорошенько подумать, прежде чем идти на этот шаг».

Попытка взлететь на волне дефолта

Президентские амбиции Лужкова стали проявляться давно. Точнее, не проявляться (сам он не торопился делать их явными), а ощущаться обществом. И многими поддерживаться…

16 апреля 1998 года Фонд «Общественное мнение» опубликовал данные опросов, которые он провел в начале апреля 1997 года и в конце марта 1998-го. Людям задавали один и тот же вопрос: «Если бы вам сегодня пришлось выбирать из следующих двух политиков, за кого бы вы проголосовали?» То есть как бы моделировалась ситуация второго тура президентских выборов.

В 1997-м Лужков «проигрывал», причем крупно, Немцову, но «выигрывал» у Зюганова и Лебедя. В 1998-м он уже «выигрывал» у всех возможных соперников (в список был еще добавлен Черномырдин).

Иными словами, к весне 1998 года президентские шансы московского мэра стали вполне реальными. Правда, пока еще при голосовании во втором туре.

В открытую, явную фазу президентские устремления Лужкова перешли после отставки правительства Кириенко, когда встал вопрос о преемнике Сергея Владиленовича. Юрий Михайлович предпринял отчаянный штурм открывшейся перед ним высоты.

Как уже говорилось, он располагал мощной поддержкой в Администрации президента. За него были заместители Юмашева — Ястржембский, Савостьянов, Кокошин. Они усердно «проталкивали» Лужкова в премьеры, имея в виду, конечно, в дальнейшем продвинуть его и на пост президента.

Особенно активным стало это «проталкивание» после того, как Черномырдин во второй раз провалился в Думе. Ястржембский, тот вообще принялся совершать челночные рейсы между Лужковым и Юмашевым. Через этого посредника московский мэр буквально умолял главу Администрации, чтобы тот принял его для беседы, дескать, на этой встрече они могли бы обговорить, на каких условиях он, Лужков, может занять кресло премьера.

Юмашева осаждали и другие лужковские радетели, в том числе такие, которых он просто не мог не принять, причем обязан был принять в тот же день, когда человек его об этом попросит. К таковым, например, принадлежал патриарх.

Однако Юмашев категорически отказывался от встречи с мэром.

Возможно, Юрий Михайлович не знал (хотя, не исключено, и догадывался), что крест на нем поставил сам Ельцин, твердо отчеканив: «Кандидатуру Лужкова мы не обсуждаем».

Помимо некоторых деятелей президентской администрации, Лужкова активно продвигала в премьеры часть региональных начальников. Так, самарский губернатор Константин Титов в интервью на «Эхо Москвы» 5 сентября 1998 года, отвечая на вопрос, какова, с его точки зрения, наиболее предпочтительная кандидатура на должность председателя правительства, назвал именно столичного мэра.

«Юрий Лужков — фигура, консолидирующая народ, парламент, Администрацию президента», — сказал Титов.

Как фигура Лужкова консолидировала Администрацию президента, мы уже видели.

Еще более мощную поддержку губернаторов Лужков получил 7 сентября на заседании «круглого стола» как раз в тот день, когда в Думе должно было состояться повторное голосование по кандидатуре Черномырдина. Все губернаторы, участвовавшие в этом заседании, единогласно предложили московского мэра на пост председателя правительства.

9 сентября состоялась не очень-то проафишированная встреча руководителя Администрации президента Валентина Юмашева с Черномырдиным и Лужковым. О чем там шел разговор, не сообщалось. Вроде бы единственное, что можно было заподозрить — обсуждалось, что делать дальше после вторичного отклонения Думой кандидатуры Черномырдина. Непонятно, однако, зачем надо было приглашать на это совещание Лужкова: ведь Юмашев прекрасно знал, что кандидатура московского мэра на премьерский пост «не обсуждается». По этой причине он еще совсем недавно категорически отказывался от встречи с Лужковым.

На самом деле инициатором встречи был Черномырдин (она происходила в его кабинете в Белом доме). На протяжении нескольких (говорят, — чуть ли не десяти) часов Виктор Степанович уговаривал Юрия Михайловича, чтобы тот поддержал его в деле вторичного обретения поста премьера. Сначала разговор проходил в присутствии Юмашева, потом тот уехал, и беседа между Черномырдиным и Лужковым продолжалась тет-а-тет. Лужков то обещал экс-премьеру поддержку, то отказывал в ней. В итоге отказал окончательно, произнеся что-то вроде: «Виктор Степанович, вам не надо идти в премьеры, вы уже занимали этот пост».

В Кремле вообще считали, что Лужков сыграл решающую роль в организации провала Черномырдина. Впрочем, — действуя рука об руку с Зюгановым.

И то сказать, чего было и ждать от человека, который сам претендует на соответствующую должность, энергично добивается ее.

Мэр идет в бой

Окончательно удостоверившись, что Кремль и в дальнейшем не собирается делать на него ставку как на преемника, Лужков решил двинуться к вершинам власти самостоятельно, фактически первым, хоть и не объявляя об этом, начав президентскую кампанию. Хотя до президентских выборов было еще далековато, чуть менее двух лет, однако «большой мэр», по-видимому, считал, что у него достанет сил выдержать этот марафон: уверенности в этом ему придавал его высокий рейтинг, широкая популярность среди населения и, надо полагать, неограниченные финансовые возможности.

Впервые о том, что он «мог бы включиться в выборы» президента Лужков заявил 30 сентября 1998 года. Впрочем, оговорился: «при определенных условиях». Это достаточно откровенное заявление вызвало множество комментариев.

Правда, сам Лужков сразу же стал уверять: дескать, его слова неправильно истолковали в прессе (обычная манера тех деятелей, которые отваживаются на рискованные заявления).

Однако эти оговорки и отречения мало кто воспринял всерьез. Большинство тех, кто хотя бы мало-мальски следил за происходящим в стране, слова Лужкова поняли однозначно: московский мэр действительно готовится стать российским президентом.

Одним из первых отреагировал на заявление Лужкова от 30 сентября Виктор Черномырдин. Оно его ничуть не удивило.

«Всем было и раньше известно, — сказал экс-премьер, — что Лужков будет баллотироваться».

С этого момента со всех сторон особенно интенсивно стали раздаваться слова поддержки, адресованные Лужкову. По опросу Фонда «Общественное мнение», проведенному 3 октября, то есть непосредственно после лужковского заявления, его одобрил 41 процент опрошенных (не одобрили лишь 17).

Кстати, и по рейтингу доверия он в это время лидировал — 37 процентов, на шесть пунктов опережая следовавшего за ним Примакова (уже ставшего премьером), на восемь Зюганова, на десять Лебедя.

10 октября ФОМ повторил опрос, который проводил в ту пору регулярно: респондентов спрашивали, за кого из ведущих политиков они проголосовали бы сегодня во втором туре президентских выборов (то есть в ситуации, когда выбор пришлось бы делать из двух кандидатов). Лужков здесь снова выиграл у всех своих соперников: у Зюганова 23:21, у Лебедя 23:15, у Явлинского 23: 11.

Так, 7 октября депутаты Мосгордумы и лидеры столичных профсоюзов открыто призвали заменить Ельцина на московского мэра. Не уверен, что эти призывы были согласованы с самим Лужковым и сильно понравились ему. Все последующие месяцы он был исключительно осторожен в публичных разговорах о своем возможном президентстве.

Самую горячую поддержку стремление Лужкова стать президентом, естественно, встретило у его прямых подчиненных.

«Юрий Лужков — это та личность, которая нужна сейчас России и которая может решить стоящие перед ней острейшие проблемы», — заявил зам Лужкова в московском правительстве Владимир Ресин.

Стараясь поддержать и увеличить свою популярность, московский мэр, вроде бы безошибочно, выбрал несколько направлений своих постоянных ораторских нападок: беспощадную критику реформаторов, которые «разорили Россию», страстное обличение «воровской» приватизации, в результате которой страна была «разграблена», и бичевание ненавистного ему монетаризма.

По словам мэра, неумелые «архитекторы реформ» нанесли стране ущерб, «сопоставимый с тем, который она понесла в годы Великой Отечественной войны».

Между тем, как известно, Лужков еще недавно (причем, в самые критические моменты — и в 1993-м, и в 1996 году) поддерживал этих «архитекторов», во главе которых как их политический лидер стоял Борис Ельцин.

Но какое, в самом деле, это имеет значение? После только что разразившегося жуткого финансового кризиса, дефолта лучшего способа вскипятить свою популярность вроде бы было и не придумать.

От месяца к месяцу градус лужковских обличений, направленных в адрес «негодяев-реформаторов», все возрастал, приближаясь к эмоциональному пределу, выше которого, казалось бы, уже невозможно прыгнуть. Так, 19 февраля 1999 года на рабочем заседании Собрания российских городов, он призвал «забить последний гвоздь в крышку гроба монетаризма, поскольку он неприемлем и недопустим».

Тут же, естественно, последовали и традиционные проклятия, адресованные либералам-реформаторам:

«Усилиями Чубайса и Гайдара Россия стала превращаться в сырьевой придаток».

Монетаризму Лужков постоянно противопоставлял курс на «поддержку реального производителя». «Именно на такой курс следует переложить руль государственного управления», не уставал настаивать мэр.

(Как на деле Лужков «поддерживал реального производителя», не считаясь с требованиями рынка, хорошо видно на примере таких предприятий, как ЗИЛ, АЗЛК. Искусственное дыхание, которое им делал московский мэр, вкладывая сюда огромные средства, не сохранило им жизнь, не влило в них новые силы, но лишь продлило их агонию).

Вообще в пример горе-реформаторам московский мэр ставил «проверенный путь реформ», проложенный столичными руководителями, то есть им самим. В частности, он утверждал, что московская администрация «не дала расправиться с городской собственностью», сформировала действенную систему городского управления, оказала серьезную поддержку «реальному сектору экономики» и тем самым обеспечила заметный рост производства. По мнению Лужкова, «московская схема развития» вполне подошла бы «для тиражирования в других регионах».

Его противники возражали, что на самом деле ника кого рынка в Москве не существует, есть лишь псевдорынок, которым заправляют коррумпированные чиновники из окружения мэра.

Тем не менее, нацелившись на штурм премьерско-президентских высот, Юрий Михайлович не уставал противопоставлять Москву остальной России: дескать, в России после дефолта все плохо, а вот в столице ситуация не вызывает особой тревоги.

Москва выполнит все свои обязательства перед москвичами, заявил он 9 сентября. Столичные пенсионеры и работники бюджетной сферы могут быть уверены, что пенсии и зарплата им будут выплачиваться. Со временем в Москве будет проведена индексация пенсий, хотя это и потребует от города совершенно ошеломительных сумм.

Что касается приватизации, — тут дело обстояло так же, как и с монетаризмом. Изо дня в день с необыкновенным азартом столичный мэр принялся повторять, что «громадную собственность, которую незаконно приватизировали новые хозяева, «новые русские», необходимо отобрать, исправить то беззаконие, которое устроил «известный вам макроэкономист (Чубайс. — *О. М.*) да и прочие макроэкономисты».

На необходимость пересмотра итогов приватизации Лужков по ходу своей необъявленной президентской кампании нажимал все больше и больше.

«В настоящий момент НЕОБХОДИМ И ОБЯЗАТЕЛЕН (выделено мной. — *О. М.*) пересмотр результатов приватизации, хотим мы этого или не хотим…» — говорил он на одной из профсоюзных конференций, проходившей 20 октября 1998 года. Сейчас надо начинать мощную агитационную компанию за этот пересмотр».

Лужков признавал, что передел собственности грозит непредсказуемыми последствиями, но, по его мнению, еще более страшно и опасно — оставить все как есть, в конце-концов это может привести к «социальному взрыву».

Интересно, что бы московский мэр сказал, если бы к нему самому «пришли» и спросили бы, откуда взялись его собственные (женины) миллиарды и его («семейная») громадная собственность. Неужто они были получены исключительно честными и благородными способами, добыты одним только трудом в поте лица?..

Еще один объект лужковских атак, которые, как он был уверен, должны понравиться народным массам, — Международный валютный фонд, Международный банк реконструкции и развития, другие зарубежные финансовые институты. Так, в начале сентября 1998 года в одном из своих выступлений Лужков заявил, что Россия «постоянно терпит поражение, потому что над нами довлеют советы и указания западных деятелей экономики».

В результате, по сообщению Российского независимого института социальных и национальных проблем, на вопрос, кто станет новым президентом России (этот вопрос задавался в конце октября), 23 процента опрошенных (самая большая цифра) ответили: московский мэр.

По данным того же опроса, если бы Лужков вышел во второй тур будущих президентских выборов, то победил бы любого из известных на тот момент кандидатов.

Рождение «Отечества»

После лужковской неудачи с премьерством стали распространяться слухи, что московский мэр собирается, свергнув Строева, занять пост спикера Совета Федерации, чтобы уже его использовать в качестве трамплина в президентской гонке. Этому «проекту», если он действительно существовал, также не удалось сбыться: по-видимому, Строев все-таки оказался не по зубам столичному мэру, несмотря на весь его, мэра, могучий политический потенциал.

Однако Лужков не оставлял мысли создать для себя некую стартовую площадку общероссийского масштаба, более надежную, чем должность главы, хоть и ведущего, но все же лишь одного из субъектов Федерации.

В этот период, период активного стремления вскарабкаться на вершину власти, хотя, пожалуй, все же несколько преждевременного, Лужков стремится обзавестись максимальным количеством союзников. Не исключает он и союз с коммунистами. Впрочем, и сами коммунисты в ту пору считали его своим «попутчиком». Отвечая журналистам 21 сентября, как он относится к своему зачислению в «попутчики» красных, Лужков, в общем-то, не возражал против такого зачисления.

«Я довольно безразлично отношусь к определениям, — заявил он. — Я не безразлично отношусь к позициям, к определенным принципам… Если эти принципы совпадают с принципами коммунистов, я готов сотрудничать и решать вопросы вместе с коммунистами».

Левые, в общем-то, поддержали намерение Лужкова баллотироваться на пост главы государства, хотя у них имелся собственный бессменный кандидат в президенты — Зюганов. Московский мэр был ими сочтен одним из наиболее достойных кандидатов.

Этот наметившийся вдруг союз у многих вызвал недоумение. Так, по словам Черномырдина, его весьма удивило, что «Юрий Михайлович поменял свою ориентацию: раньше он никогда не был близок левым».

Впрочем, уже в середине ноября отношение Лужкова к коммунистам, по крайней мере, на словах, переменилось. 16-го числа он заявил в интервью телепрограмме «Итоги», что не хотел бы видеть КПРФ и самого Зюганова «у руля государства».

Что касается его собственных президентских намерений, он снова обозначил их уклончиво: дескать, пока он не заявлял о своем участии в президентских выборах, однако при определенных обстоятельствах может вступить в борьбу за президентский пост. Вот опять — «при определенных обстоятельствах». Позже мы узнаем, что это за обстоятельства.

По-видимому, к этому моменту мэр вполне осознал, что «союзничать» с коммунистами дело для него бессмысленное: они все равно будут голосовать за Зюганова, а не за него. А вот репутация Лужкова как «центриста» из-за флирта с коммунистами может быть сильно подмочена.

Итак, отодвинувшись от коммунистов, Лужков решил следовать иному плану — создать собственное, «центристское», движение. Об этом он заявил на пресс-конференции в Токио 17 ноября (так уж получалось, что ряд своих наиболее важных заявлений Лужков делал за границей; может быть, старался подчеркнуть, что он — фигура международного масштаба, за его действиями на политической сцене следит весь мир).

Позднее, объясняя цель и смысл образования нового движения, Лужков проведет аналогию с самолетом: дескать, сейчас Госдума резко полярное образование: «одно крыло правое, другое левое, а центристской сере дины нет»; но «самолет не может лететь с двумя крыльями, но без корпуса». В роли «корпуса» и должно выступить новое движение.

Как видим, претензия немалая: все-таки корпус, фюзеляж — главная часть самолета.

Основный же смысл образования «собственного» политического движения, которым руководствовался Лужков, опять-таки заключался в том, чтобы создать для себя надежный трамплин — мощную политическую организацию, опираясь на которую, можно было бы «двинуть» в президенты.

Учредительный съезд лужковского общественно-политического движения — оно было названо «Отечеством» — состоялся 19 декабря. Его центральную программную цель Лужков определил так: «Создание государственной системы социал-демократического типа с рыночной экономикой и развитой социальной политикой».

Что ж, цель вполне благородная.

Теперь уже громить «грабительскую приватизацию», «эксперименты с монетаризмом, начатые в России радикалами-либералами», «слепое подражание западным моделям экономических реформ», «агрессивное вторжение западных учений» он мог не только от себя лично, но и от имени созданной им организации.

«Кое-кто очень рвется к власти»

В конце декабря Ельцин наконец отреагировал на фактически начатую Лужковым предвыборную гонку, не назвав, правда, имени Лужкова. 25-го числа на встрече с руководителями трех ведущих российских телеканалов глава государства с раздражением в голосе заявил, что «кое-кто очень рвется к власти и уже начал свою предвыборную президентскую кампанию».

Лужков сделал вид, что это не о нем: он ведь прямо не заявлял о своем участии в президентской гонке. И вообще, мол, он относится к высказыванию президента «индифферентно».

В последующие недели и месяцы, несмотря на то, что отношения между Ельциным и Лужковым явно обострялись, Юрий Михайлович, до определенного момента, не уставал повторять, что лично он всегда поддерживал Бориса Николаевича, неизменно видел в нем «старшего соратника». Дескать, он и сейчас относится к нему таким же образом и вообще считает постоянство одним из главных достоинств политика.

Эти слова в устах Лужкова уже тогда звучали довольно комично: от прежней его горячей поддержки ельцинско-гайдаровских реформ к тому моменту ничего не осталось, по чисто конъюнктурным соображениям он сменил ориентацию на прямо противоположную. В дальнейшем «политическое постоянство» Лужкова станет проявляться еще ярче.

Забавно, кстати (еще к вопросу о постоянстве мэра), что в те времена (в частности, в январе 1999 года) Лужков ратовал за мажоритарную систему выборов: она, мол, позволяет «провести в Думу больше людей, которых интересуют социально-экономические вопросы, а не интересы политических партий».

Позднее, став одним из руководителей «Единой России», которая, как известно, ликвидировала мажоритарную систему, оставив лишь голосование по партийным спискам, он как бы забыл об этих своих аргументах.

…Время шло. По всему было видно, что лужковское «Отечество» обретает монопольную силу как «центристское» движение. Однако параллельно с ним неожидан но возникла другая политическая структура, назвавшая себя общественно-политическим блоком «Вся Россия» (его учредительный съезд состоялся 22 мая 1999 года в Таврическом дворце в Санкт-Петербурге). По-видимому, это не был «проект» Кремля, как можно было заподозрить. Его затеяли и возглавили несколько сильных региональных лидеров — республиканские президенты Минтимер Шаймиев, Муртаза Рахимов, Руслан Аушев, петербургский губернатор Владимир Яковлев, — убоявшиеся, что Лужков, неровен час, действительно станет президентом.

Основной заявленной целью новорожденного движения было добиться, чтобы новая Госдума представляла интересы регионов («всей России»), а не политических партий. Было ясно, однако, что «Вся Россия» создается именно в пику лужковскому «Отечеству», чтобы не допустить его монополии.

Осознав, что тягаться со «всей страной» ему, столичному мэру, будет трудновато, Лужков быстро принял решение заключить с ней союз, создать предвыборную коалицию «Отечество — Вся Россия». Труднее понять, зачем этот союз понадобился отцам-основателям «Всей России». Не исключено, решающее слово тут сказал Примаков, который, хоть и не входил во «Всю Россию», по всем признакам, был к ней близок, намечался на роль выдвиженца в президенты от этой организации. Он, по-видимому, счел, что лучше держать потенциального соперника на коротком поводке — превратить его из соперника в союзника, члена дружественной Примакову организации: в конце концов, не исключено, именно она решит, кто будет «кандидатом № 1».

С какого-то момента Лужков повел себя как один из руководителей страны, как государственный деятель международного масштаба. Особенно это стало заметно с того момента, когда Лужков понял, что он не входит в круг людей, из которых Ельцин будет выбирать своего преемника, и ему придется штурмовать властный Эверест своими силами.

Мало-помалу создавалось ощущение, что Лужков почти уже президент. Или, по крайней мере, премьер-министр. В любом случае — не меньше, чем министр иностранных дел. На такие мысли наводила, в частности, необычайно активная деятельность московского мэра на международной арене.

Так, на пресс-конференции 22 января 1999 года он много говорил о «проблемах, осложняющих отношения России и США». К ним Лужков отнес Косово, Ирак, Иран, проблемы, связанные с ПРО. Сообщил, что он «проинформирован» о желании госсекретаря США Мадлен Олбрайт встретиться с ним, Лужковым, и благосклонно одобрил это ее желание…

Высокий статус международных встреч и зарубежных вояжей Лужкова не уставали подчеркивать его приближенные. Так, Сергей Ястржембский, уволенный из Администрации президента и нашедший прибежище в правительстве Москвы на посту вице-премьера, заявил на встрече с журналистами 23 марта 1999 года, что «последние зарубежные поездки Юрия Лужкова вышли за рамки деловых поездок мэра Москвы и поднялись на уровень высоких политических контактов».

Ярко выраженную политическую окраску, сказал Ястржембский, носили визиты Лужкова в Германию, Швецию, Армению. Мэра Москвы принимали государственные деятели самого высокого уровня… Политическая составляющая приобрела особое звучание.

Такой же характер, по словам Ястржембского, будет носить и предстоящий визит Лужкова во Францию. Вице-премьер сообщил, что в ходе его Лужков встретится с президентом, премьер-министром, председателем сената, руководителем Ассамблеи Национального собрания этой страны.

Забегая вперед, скажу, что своей наивысшей точки «международный авторитет» Лужкова — в его внешних, «протокольных» проявлениях — достиг к осени 1999 года. В эту пору статус московского мэра как одного из фактических руководителей государства российского уже не вызывал сомнений почти ни у кого из зарубежных деятелей. Такое его восприятие проявилось, в частности, во время визита Юрия Михайловича в Словакию в третьей декаде сентября. Все словацкие газеты, телевидение тогда отмечали, что прием, оказанный ему в Братиславе, соответствовал скорее уровню главы государства или правительства, нежели деятеля городского масштаба. Лужков был принят президентом Словакии Рудольфом Шустером, вице-премьером Павлом Гамжиком, министрами экономики, сельского хозяйства, юстиции. При этом обращало на себя внимание, что главной темой переговоров московского мэра с руководителями Словакии были ни больше, ни меньше как экономические отношения между двумя странами.

Разумеется, такому взлету международного статуса Лужкова способствовало и то, что к этому времени часть самого российского чиновничества, верхнего его слоя (не одни только столоначальники, непосредственно подчиненные мэру), твердо уверовала, что Юрий Михайлович — будущий президент, во всяком случае, один из самых реальных претендентов на президентское кресло: даже если бы руководитель той или иной принимающей Лужкова страны усомнился в том, что его надо принимать по первому разряду, соответствующий российский посол, скорее всего, помог бы ему преодолеть эти сомнения, — настоял бы, чтобы прием был именно таким. Чиновничество своим чутким верхним обонянием мгновенно улавливает, кто есть кто в данный момент, и мгновенно выстраивается под предполагаемого будущего лидера. Именно так в те времена обстояло дело с Лужковым. И у Кремля просто не было, как говорят, необходимых ресурсов, чтобы жестко противостоять «международной деятельности» московского мэра, не соответствующей его рангу. На действующего президента многие уже смотрели как на «хромую утку».

Свой высокий международный статус Лужков старался продемонстрировать не только на встречах и переговорах с зарубежными лидерами, но и во всякого рода политических демаршах, которые нередко шли вразрез с официальной политикой Кремля.

Так, зимой 1998–1999 года он довольно резко выступил против ратификации «большого» российско-украинского договора. По его утверждению, подписав договор, Россия «потеряет Севастополь, Крым и выход к Черному морю, а также толкнет Украину в объятия НАТО».

И хотя, в конце концов, договор был одобрен, московский мэр, несомненно, укрепил свой имидж «патриота» и политика, имеющего собственный взгляд на между народные дела, подчас резко отличающийся от официальной точки зрения.

«Оборонять» Севастополь Лужков продолжал и позже. Так, на втором съезде «Отечества», проходившем в конце апреля 1999 года в Ярославле, он заявил:

«От ратификации российско-украинского договора проиграл не я лично, а вся Россия в целом».

При этом твердо заверил, что Россия никогда не откажется ни от Крыма, ни от Севастополя.

Кстати, я побывал тогда на этом съезде в составе огромного журналистского десанта (съездовскому пиару было уделено неслыханное внимание; соответственно, надо полагать, на него были выделены немереные деньги). В общем-то, речь на заседании шла о подготовке к думским выборам, однако не ограничилась ею. Хотя сам Лужков по-прежнему избегал разговоров о своем возможном покушении на президентство, редкое собрание его сторонников обходилось в ту пору без подобных разговоров. Не стал исключением и ярославский съезд.

«В России сейчас нет хозяина, — заявил, в частности, зампред Ставропольской краевой Думы Гонтарь. — Таким хозяином, российским президентом, ставропольчане и граждане семи соседних республик видят Юрия Михайловича Лужкова».

Несмотря на то, что сам Лужков, (председательствовавший, естественно, на заседании) с наигранным недовольством заметил, что эту часть выступления, дескать, «можно опустить», зал встретил слова оратора энергичными аплодисментами.

Что ж, народ, как говорится, требует. Такие требования не отбросишь просто так…

Мэр бросает перчатку президенту

Уже осенью 1998-го, видимо, осознав, что на поддержку Ельцина ему рассчитывать не приходится, Лужков начинает покусывать президента, которому он всегда, по его собственным уверениям и уверениям его приверженцев, вроде бы был предан душой и телом. 15 октября московский мэр дал интервью английской телекомпании Би-Би-Си, в котором содержались довольно двусмысленные слова, касающиеся Ельцина.

«Если действующий президент сам, в силу своего здоровья, не снимает своих полномочий, — сказал Лужков, — то мы должны терпеть».

Впрочем, добавил, что «не исключает такой ситуации, которая приведет к досрочным выборам президента или досрочной отставке президента».

Вообще-то, здоровье Ельцина в самом деле было неважнецкое, причем уже давно, однако прежде московский мэр никогда не позволял себе такого рода речей.

Телеведущий Сергей Доренко не преминул в связи с этим «отоспаться» на московском градоначальнике:

«Юрий Лужков демонстрирует гибкость в личных привязанностях. Никто не позволит себе усомниться в том, что он был искренне привязан к Ельцину до той поры, пока не заговорил о союзе с коммунистами (как раз в эту пору Лужков вроде бы стал налаживать такой союз. — *О. М.*) Никто также не поверит в то, что раньше Лужков льстил и агитировал за Ельцина для собственной выгоды. Таким образом, мы имеем дело с фактом переменчивости в любви и отметаем всякие подозрения в лицемерии».

Далее в программе Доренко были продемонстрированы фрагменты лужковских выступлений из телеархива за 1996 год (тогда Ельцин, уже и в ту пору тяжелобольной, решил идти на выборы). Лужков:

«Я считаю ваше решение, Борис Николаевич, вновь избираться на пост президента, единственно правильным… В 160-миллионной России сегодня нет другого человека, которому народ мог бы доверить свою судьбу до нового тысячелетия».

И еще:

«Все перемены, произошедшие в России, мы, уважаемые москвичи и дорогие соотечественники, связываем с именем одного человека, с именем Ельцина Бориса Николаевича, который первым встал на защиту свободы!»

И совсем уж пафосное, после победы Ельцина на выборах 1996 года:

«Россия, Ельцин, свобода! Россия, Ельцин, победа! Россия, Ельцин, наше будущее!»

Так что новые речи Лужкова, речи, которые он стал произносить всего лишь два года спустя, большинство людей осведомленных восприняли как предательство.

Впрочем, в политике это дело обычное и называется все это по-другому: изменение позиции. К тому же и сам московский мэр имел основания считать, что президент тоже к нему переменился. Ведь еще недавно Ельцин говорил:

«Юрий Михайлович тащит воз большой… Я не знаю лучшего мэра в России».

К тому же, как уже говорилось, до Лужкова могли дойти и те самые категорические слова президента, когда речь шла о будущем премьере: «Кандидатуру Лужкова мы не обсуждаем».

Правда, позиция Ельцина в отношении Лужкова могла означать и, скорее всего, означала только одно: президент действительно считал Лужкова хорошим мэром (по крайней мере, полагал, что так его следует оценивать публично), но мэрство это его, Лужкова, потолок для лидерства, в общероссийском масштабе он не годится, не годится по ряду обстоятельств.

Как бы то ни было ситуация в отношениях между Ельциным и Лужковым складывалась такая же, как между обычными повздорившими людьми: «Он первый начал!». Каждый из них мог считать другого предателем.

От месяца к месяцу отношения между Лужковым и Кремлем становились все напряженней. Забавный эпизод случился в мае 1999-го, когда в Думе решался вопрос об импичменте Борису Ельцину.

Хотя публично Лужков не однажды высказывался против импичмента, сторонники «Отечества» в Госдуме получили однозначное указание голосовать за него. Об этом корреспонденту РИА «Новости» сообщили, как заявил корреспондент, «заслуживающие доверия источники в нижней палате парламента». Хотя большинство пролужковских депутатов вроде бы беспрекословно выполнило это указание, импичмент, как мы знаем, не состоялся.

Не думаю, что об этом странном (чтобы не сказать больше) эпизоде не был уведомлен Ельцин.

Осязаемый укол Ельцину Лужков нанес в конце мая 1999 года, после отставки Примакова. Причем соответствующее заявление построил довольно хитро, опять-таки пребывая за границей, на этот раз в Италии, выступая там с лекцией. Ответственность за

отсутствие стабильности в России он возложил не только на президента (уж вина Ельцина тут вроде бы сама собой подразумевалась), но и на российский парламент. Таким образом, удар по президенту пришелся как бы по касательной.

В июне Лужков, не ограничиваясь прежними намеками и экивоками, повел открытую атаку на Ельцина. Дальше тянуть с этим было некуда. Пора! Все ближе выборы парламентские, а затем и президентские.

В первых числах месяца московский мэр заявил, что в связи с готовящимся объединением России и Белоруссии в Кремле якобы собираются изменить статус государства, а это, мол, ставит под сомнение, что президентские выборы в 2000 году состоятся.

В Администрации президента это лужковское утверждение, естественно, назвали «абсолютной ерундой». В беседе с корреспондентом РИА «Новости» некий сотрудник администрации «выразил сожаление», что в последнее время столичный мэр «на ровном месте нападает на президента и правительство».

Понятное дело, в агрессивное антикремлевское наступление Лужкова тут же включился его верный оруженосец Ястржембский. На пресс-конференции 9 июня он констатировал, что «оттепель» в отношениях между Кремлем и московским мэром сменилась «периодом зимы», полным «отсутствием контактов».

Столичный вице-премьер попенял также «высшим должностным лицам государства» за «вопиющее отсутствие», как он выразился, на некоторых мероприятиях, посвященных проходившему тогда празднованию 200-лет него юбилея Пушкина.

«Есть определенные правила политеса, которые не обходимо соблюдать даже по отношению к своему противнику», — сказал Ястржембский.

Впрочем, тут же спохватился, поправился: дескать, московский мэр противником «для президента никогда не являлся и не является».

На следующий день о том же самом говорил и сам московский градоначальник. Свои отношения с Кремлем он назвал «напряженными и сложными». Правда, публично президентская администрация по отношению к нему, как он выразился, «ровно дышит», однако в кремлевских кабинетах он уже объявлен «врагом номер один» и будто бы существует даже указание собирать на него компромат.

Тут, конечно, Лужков несколько преувеличивал значение своей фигуры как источника опасности в глазах Кремля. Более опасным Волошин, в частности, считал Примакова, а не Лужкова. Экс-премьер виделся противником более изощренным и сложным. А по московскому мэру сочувствующая Кремлю пресса чаще наносила удары просто по той причине, что он чаще подставлялся, был более удобной мишенью, чем Примаков.

16 июня глава Администрации президента Александр Волошин встретился с Лужковым. О чем там шла речь, официально не сообщалось. Было лишь обтекаемо сказано, что «собеседники обсудили текущую политическую ситуацию». Однако, думаю, не составляло секрета, что Волошин попытался сбить агрессивный пыл московского мэра, найти пути к «разрядке напряженности», выражаясь дипломатическим языком.

Дальнейшие события показали, что эта попытка особым успехом не увенчалась.

5 июля РИА «Новости» распространило интервью Ельцина польским журналистам. Лейтмотивом комментариев, опубликованных на следующий день в польских СМИ, был тезис: «Ельцин хотел бы видеть в органах власти новых людей».

Журналисты усмотрели в этом намек на то, что российский президент ищет или уже нашел себе преемника за пределами того круга политиков, который обычно обсуждался, когда речь заходила об этом преемнике.

Одновременно подчеркивалось: дескать, Ельцин «дал понять», что лучшее место для Юрия Лужкова — руководство московской мэрией, а не президентство. В общем-то, для тех, кто был более или менее знаком с настроениями в Кремле, тут не было ничего нового. Вне зависимости от своих личных отношений с Лужковым Ельцин считал его человеком слишком мелким, недостаточно масштабным, чтобы руководить страной.

6 июля российский президент дал интервью «Известиям», где, среди прочего также ответил на вопросы о Лужкове: аттестовал его как человека «основательного», который ничего не делает «просто так»: раз уж он, Лужков, взялся за создание собственного политического движения, у него наверняка есть большие личные планы; насколько эти планы реализуемы, «зависит только от него и воли избирателей». При этом Ельцин признался, что у него самого уже есть на примете человек, который мог бы стать следующим президентом, «продолжил бы курс на цивилизованное развитие России» (имя его он не хочет называть, иначе «ему не дадут спокойно жить, «заклюют»). Но это опять-таки, судя по довольно прозрачным намекам Бориса Николаевича, не Лужков и не Примаков, вообще не человек из этой «возрастной категории»: в России, по словам Ельцина, «должна появить ся новая власть — молодая, энергичная, с новыми государственными идеями».

О смене власти в стране в ту пору помышлял не только Ельцин. Летом 1999-го разразился скандал, связанный с фирмами «Интеко» и «Бистропласта», учредителями которых были жена Лужкова Елена Батурина и ее брат. По сообщениям прессы, Управление ФСБ по Владимирской области выявило ряд фирм, занимавшихся незаконным вывозом за границу многомиллионных сумм валюты. В числе этих фирм будто бы были и две «родственные» Лужкову. Как сообщалось, они перевели за кордон через один из провинциальных банков «примерно 120–130 тысяч долларов США».

Лужков, как лев, бросился на защиту своей супруги, утверждая, что обвинения, выдвинутые против возглавляемой ею фирмы «Интеко», организованы его политическими противниками. Мэр утверждал, что «Интеко» «не имеет никакого отношения» к компаниям, занимавшимся незаконными финансовыми операциями. В «наезде» на «родственную» ему фирму он прямо обвинил «власти», то есть, надо полагать, Кремль.

Не ограничиваясь оборонительными действиями, Лужков предпринял мощную контратаку на своих противников.

«Нам нужно менять власть, которая себя опозорила тем, что привлекает силовые структуры к политической борьбе», — без обиняков заявил он на встрече с журналистами 17 июля.

По словам Лужкова, Кремлю, Администрации президента «страшно не нравится» созданное им движение «Отечество», а в первую очередь «изжогу вызывает» он сам. «Мы можем показать результаты работы в городе, — сказал Лужков, — а они в стране нет. Это все страшно их раздражает».

Ответ на лужковский призыв к свержению российской власти последовал от тогдашнего премьера Сергея Степашина.

«Я понимаю Юрия Михайловича как мужчину, который защищает свою жену, — сказал он. — Однако форма, выбранная им, не весьма корректна: если есть претензии к правоохранительным органам, для этого существует суд, адвокатура, Генпрокуратура. Обобщать то, что произошло с его супругой, и призывать к свержению власти — это можно понять, но не объяснить, если только это не предвыборная риторика».

В действительности «наезд» на Батурину исходил не от Кремля: как правило, во второй половине девяностых в окружении Ельцина довольно четко следовали принципу — не использовать силовиков в борьбе с оппонентами. Скорее всего, скандал вокруг мэрской жены раздул кто-то из журналистов — возможно, из команды того же Доренко.

Если бы в Кремле действительно захотели, дело Батуриной без труда было бы доведено до логического, не очень приятного для мэра и его родственников, конца. А так оно быстро заглохло, рассосалось как бы само собой. Скорее всего, — по прямому указанию Волошина.

Несмотря на аккуратные премьерские увещевания (за которыми, без сомнения стоял и Кремль), Лужков, чем дальше, тем все напористее, выступал против президента и его команды. Причем не только от себя лично, но как бы и от могучих политических структур, стоящих теперь за его спиной, его собственного «Отечества» и блока «Отечество — Вся Россия» (их мощь он словесно старался всячески преувеличивать). 26 августа, выступая по радио «Маяк» и вновь обрушившись с критикой на кремлевскую администрацию, московский мэр сказал, что она, администрация, «побаивается возникновения новой реальной политической силы, которая будет претендовать на участие в решении государственных задач, будет по-другому решать проблемы жизни страны».

И грозно подтвердил, что не зря побаивается:

«О нас, как о половую тряпку, ноги вытереть не удастся».

17 сентября, когда Лужков выступал в МГТУ имени Баумана, кто-то из слушателей задал ему вопрос: как он считает, уйдет ли Ельцин досрочно, по собственной воле, в отставку? Мэр ответил: мол, «такая возможность номинально существует», но, «немного зная президента», он, Лужков, может сказать: «маловероятно, что он откажется от власти».

Из слов московского мэра можно было понять: напрасно Ельцин пренебрегает имеющейся у него «номинальной возможностью» по собственной воле удалиться от дел. Он посоветовал президенту «задуматься о вечном».

Отношения с Примаковым

Как уже говорилось, в отношениях с Примаковым Лужкову приходилось лавировать: как-никак они были потенциальными претендентами на президентский пост, причем в течение долгого времени — самыми сильными претендентами. Это лавирование давалось мэру нелегко: надо было точно улавливать момент, когда выступить в унисон с Примаковым, когда — поотстраниться от него или даже позволить себе критику в его адрес.

Пример первого — позиция по Скуратову. Лужков весьма эмоционально выступил против отставки генпрокурора. 21 апреля 1999 года, после очередного отказа Совета Федерации отстранить этого деятеля с его поста, на чем настаивал Ельцин, московский мэр заявил журналистам, что в сложившейся обстановке самое главное для президента — это «проявить мудрость, пойти навстречу сегодняшнему решению Совета Федерации и предоставить Юрию Скуратову возможность продолжать работу».

По словам некоего «кремлевского источника», московский мэр осознал, что «неотставка» Скуратова выгодна Примакову, что Совет Федерации пойдет именно за ним, и решил «приклеиться» к премьеру, стать ему в хвост, разделить с ним лавры победителя.

Но бывали и обратные ситуации. На уже упомянутом втором съезде «Отечества» в апреле 1999-го Лужков впервые выступил с довольно острой критикой правительства Примакова. Московский мэр признал, что это правительство стабилизировало обстановку в стране (это постоянно в ту пору ставилось всеми в заслугу Примакову), но такая стабилизация не обеспечивает экономического роста; более того, уровень оплаты труда снизился в два и более раза. По словам Лужкова, развитие экономики «происходит стихийно», правительство практически ее не регулирует, никак не стимулирует производство, не выработало четких ориентиров и приоритетов экономического развития.

Это уже было чем-то вроде атаки на главного соперника в предстоящей борьбе за пост президента. Хотя, быть может, атаки еще не решающей, не сокрушитель ной, а пока только напоминающей «разведку боем», призванную проверить, как отреагирует соперник, высветить его слабые места.

Впрочем, как уже говорилось, Лужков, несмотря на критику примаковского правительства, выступил с резким осуждением его отставки. Собственно говоря, он начал возражать против нее еще тогда, когда только поползли слухи о ее возможности.

«Смена правительства Евгения Примакова является абсолютно неприемлемым решением для экономики России», — говорил он еще в конце апреля, как бы предостерегая Ельцина от опрометчивого шага.

А уж когда отставка состоялась, московский мэр не жалел слов для ее осуждения:

«Это неприятное решение, неправильное решение и необъективное по отношению к Примакову и его правительству, по отношению к результатам работы правительства… сказал московский мэр непосредственно в день отставки. С точки зрения дела и авторитета Евгения Примакова никаких оснований для его удаления из правительства не было».

Казалось бы, Лужков, напротив, должен был испытывать «глубокое удовлетворение», что «задвинули» его главного потенциального соперника на будущих президентских выборах, однако он, по-видимому, прекрасно понимал, что увольнение Примакова, народного любимца, только поднимет его, Примакова, рейтинг, и тут важно не торопиться, не промахнуться, попасть в струю, продемонстрировать совпадение с мнением народных масс, а уж как дело пойдет дальше — там видно будет…

К концу лета 1999-го стала более отчетливо обозначаться позиция Лужкова относительно его президентских вожделений. И сам он, и его соратники не только принялись утверждать, что московский мэр не собирается баллотироваться в президенты (это они твердили и раньше), но, что он «поддерживает кандидатуру Примакова».

Трудно сказать, насколько искренней была эта поддержка. Вообще-то рейтинг экс-премьера в ту пору действительно был выше мэрского рейтинга, так что тут могла сказываться просто трезвая оценка соотношения сил. Но, возможно, ситуация здесь складывалась, как на велотреке: до какого-то момента гонщик, идущий вторым, предпочитает «не высовываться», а ловит мгновение, чтобы неостановимо «выстрелить» из-за спины лидера.

К тому же и с самим Примаковым дело оставалось неясным: то ли он будет баллотироваться в президенты, то ли нет. Евгений Максимович не торопился раскрывать свои намерения. Такая неопределенность была удобна для Лужкова. Он стал заявлять, что «ни при каких условиях не будет выдвигаться» на пост главы государства, если свою кандидатуру выставит Евгений Примаков: наконец-то, мол, «появился человек, которому можно доверить воз в стране». А вот если на президентское кресло станут претендовать люди, «которым нельзя доверять власть», то он, московский мэр, «вступит в борьбу и будет стараться ее выиграть».

По-видимому, у Лужкова, как у многих других, вовсе не было уверенности, что у Евгения Максимовича возникнет желание баллотироваться в президенты. Правда, мы помним, в пору его премьерства оно в какой-то момент у Примакова вроде бы возникло, но теперь у него был совсем другой статус, несравненно более низкий. Сможет ли он, стартовав с этой пониженной точки, удачно выступить на выборах? Будучи человеком осторожным, Примаков не мог не испытывать тут колебаний. Понятно, что если бы он так и не сумел их преодолеть, не решился бы вступить в борьбу за пост президента, руки у Лужкова оказались бы развязаны.

Телекиллер Доренко

В конце августа 1999 года в ряде западных СМИ («Файнэншл Таймс», «Коррьере Делла Сера») появились скандальные публикации о финансовых делах Кремля. В частности, Ельцина и двух его дочерей обвиняли в том, что они через Пал Палыча Бородина по трем кредитным карточкам получили взятку в миллион долларов от албанско-швейцарского предпринимателя Беджета Паколли, владельца строительной фирмы «Мабетекс», занимавшейся реставрацией Кремля. Взятки будто бы были получены во время официального визита российского президента в Венгрию.

Эту тему охотно подхватили российские политические оппоненты Ельцина, так, Лужков заявил:

«Я думаю, что те персоналии, которых касается эта информация, должны дать ответ обществу, причем персонально, лично. Это касается семьи президента, это касается президента, это касается околопрезидентского окружения.

Я думаю, что они персонально должны обществу сказать: «Да, это есть», или «Это клевета». Но этого мало. Сказав, что это клевета, я считаю, они должны подать в суд на клеветников. Если они это сделают, то мы, дожидаясь решения суда, не должны их обвинять в коррупции. И толь ко после решения судебных инстанций свой общественный, человеческий вердикт вынести этим личностям.

Пока нет объявления о том, что будут предъявлены судебные иски о клевете, я верю прессе, я верю средствам массовой информации.

Но и этого мало. Государство должно проявить официальный интерес силами нашей Генеральной прокуратуры, по меньшей мере, оно должно проявить официальный интерес и провести соответствующее расследование. Инициативой, побуждающей провести это расследование, должно быть соответствующее решение или комитета Госдумы, или Госдумы в целом.

Если мы этого не сделаем, то все, что пишется в этих газетах, я буду считать правдой».

Лучше бы Лужков этого не говорил. Для него же лучше. После этого мэрского заявления Борис Березовский, фактический хозяин ОРТ, что называется, спустил на столичного градоначальника всех собак. Уже 5 сентября ведущий первого канала Сергей Доренко нанес мэру российской столицы ощутимый контрудар, продемонстрировав телезрителям, что не такой уж он, Лужков, девственно-невинный.

«Вот журнал «Культ личности», — сказал Доренко. — Это далеко не первое и не единственное СМИ, которое пишет, в том числе, о состоянии Лужкова. Его личное состояние журнал оценивает в 300–400 миллионов долларов. Рядом с Лужковым его правая рука, родственник и теневой хозяин Москвы, господин Евтушенков. У Евтушенкова, как пишут, тоже от 300 до 400 миллионов дол ларов…

И нас эта публикация не удивляет. Я уверен, никто сейчас не удивлен. Ведь человек так долго сидит на Москве, а Москва — город хлебный, у нее деньги всей России. Чему же тут удивляться? Представляете себе сцену, как Ельцин говорит: «Я потребую у Госдумы и у прокуратуры, чтобы они расследовали эту публикацию про Лужкова, а не то стану верить всему написанному»».

В эти же дни немецкая «Бильд» сообщила своим читателям, что Лужков купил в Германии за сто пятьдесят тысяч марок (что-то около девяноста тысяч долларов) «супержеребца» для себя и еще двух пони для своих детей.

Лужков, естественно, стал оправдываться, заявил, что подаст в суд на СМИ и журналистов, опубликовавших ложные сведения о доходах его семьи и о жеребцах. Ему на помощь пришла супруга Елена Батурина. Доказывая, как скромно, на грани бедности, они живут, Батурина заявила «Московскому комсомольцу»:

«Лично у нас на конюшне лошадей немного — две моих, одна Юрия Михайловича и лошади для детей; это такие специальные маленькие лошадки, сто тридцать, сто сорок сантиметров в холке».

(В начале 2007 года журнал «Финанс» оценивал состояние Батуриной, а стало быть, и самого Лужкова, уже в 6 миллиардов долларов. Спрашивается, причем здесь пони и жеребцы, которые стоят хоть и дорого, но по лужковским масштабам — копейки?)

Короче, Лужков, можно сказать, по собственной инициативе, втянулся в громкий скандал накануне думских и, что особенно важно, президентских выборов. Больше всего мэр взъярился после того, как 25 сентября в программе Доренко было рассказано, что семья Лужкова получает деньги от той самой скандально известной швейцарской фирмы «Мабетекс». Посредником при переводе этих денег на личные счета и в оффшоры (указывались суммы, банки), по утверждению ОРТ, был президент «Банка Москвы» Андрей Батурин. Опровергая это, Лужков заявил, что не знает никаких «Мабетексов», не ведает даже, как правильно произносится это название (вместо «Мабетекс» он говорил «Мибатекс»). В своем опровержении московский мэр сделал упор на том, что при использовании фамилии Батурин совершена, дескать, элементарная подтасовка: Андрей Батурин вовсе не брат его, мэра, жены, а стало быть, и не родственник его самого, Лужкова. Брата жены зовут Виктор, именно он является ее единственным деловым партнером. «Никакого отношения Андрей Батурин не имеет ни к родственным связям с членами семьи моей жены, ни к бизнесу моей жены», — сказал мэр. Этот довольно косноязычный текст в дальнейшем стал, конечно, весьма удобной мишенью для издевательско-юмористических упражнений Сергея Доренко.

В следующих своих авторских программах телеведущий ОРТ «бомбил» Лужкова уже привычно, уверенно, по-хозяйски, с беспощадной издевкой.

«На этой неделе московский мэр стремительно терял честь и достоинство, — говорил Доренко в программе от 2 октября. — Мы же, как и подобает наблюдателям и юным натуралистам, продолжали самым хладнокровным образом изучать две эти сущности с цветом и запахом. Теперь уже изучаем то, что от них осталось, под микроскопом».

Насколько можно понять, при добывании компромата на мэра использовались серьезная агентура и спецсредства. Так, Доренко сообщал телезрителям, что «уже на следующий день» после выхода программы от 25 сентября упомянутый в ней Андрей Батурин сидел в кабинете у Лужкова.

«Обсуждали, что делать, — рассказывал Доренко. — План разработали такой. Прежде всего, глава фирмы «Мабетекс Германия» должен был осудить меня за сказанное в программе.

От Батурина к генеральному директору «Мабетекс Германия» Хильми Кллапия ушел проект письма. Вот он: «Уважаемый Андрей Борисович, как бы должен написать Батурину Кллапия, утверждение Сергея Доренко о том, что денежные средства по упомянутым в его программе платежным поручениям предназначались для семьи Лужкова, считаю абсурдными и оскорбительными для себя и для фирмы «Мабетекс Прожект инжиниринг».

И место для подписи.

Батурин и Лужков не опубликовали это письмо, потому что Хильми Кллапия его не подписал. Письмецо от семьи Лужкова так и лежит неподписанным».

Что касается утверждения Лужкова, что Андрей Батурин — вовсе не брат его жены, а брата зовут Виктор и что именно он — единственный партнер Елены Батуриной, тут уж Сергей Доренко, что называется, «оттянулся по полной программе»:

«Мы не утверждали, что Андрей Батурин — единственный партнер его жены в ущерб вышеупомянутому Виктору. Это подмена тезисов. Вообще, будь Лужков хоть сколько-нибудь мужчиной, не следовало бы ему вмешивать в такие дела свою жену. Это, Юрий Михайлович, не по-нашему, не по-сицилийски. Мы с вами, как два дона, дон Серджио и дон Джорджио, мы не должны трогать тему вашей жены. Как видите, я все еще пытаюсь защитить вашу честь, то, что от нее осталось. Дон Джорджио, не надо через слово упоминать свою жену.

Лужков нарочно всех путает, мы с ним так договаривались. Он говорит про членов семьи его жены. Вот его слова: «Никакого отношения Андрей Батурин не имеет к связям с членами семьи моей жены». Что значит эта фраза? Значит, что существуют некие связи с членами семьи лужковской жены, но к ним не имеет отношения Батурин. К связям не имеет. А к членам семьи его жены имеет или нет? До конца не понятно. А член семьи лужковской жены это кто? А это сам Лужков и есть, он себя так иносказательно называет. Ведь у лужковской жены семья с ним, верно? Я так понимаю. У лужковской жены только с Лужковым семья, верно? Раз женщина взрослая и замужем, то ее семья это которая у нее с мужем, правильно? Правильно. Значит, Лужков и есть член семьи своей жены. Экий путаник у нас, этот член батуринской семьи.

Раз Лужкову так нравится, мы тоже станем звать его член семьи его жены. Хотя нет, я придумал сокращение его жену звать Леной, стало быть, он член Лениной семьи, правильно? То есть Ленин муж. Чей муж? Ленин. То есть можно говорить Юрий Михайлович Ленин. А в официальных церемониях можно полностью, с титулом: член семьи своей жены Юрий Михайлович Ленин».

Через неделю Доренко вернулся к теме «Лужков и «Мабетекс». Но теперь целью его атаки был не только Лужков, но и генпрокурор Скуратов. Скажу даже так: сначала речь зашла о прокуроре и лишь потом, довольно необычным образом через предметы мужского туалета, перекинулась на мэра.

С уже упоминавшимся президентом фирмы «Мабетекс», которая занималась реставрацией Кремля, Беджетом Паколли Доренко встретился в Германии. В тот момент в Москве бушевал скандал, связанный с уголовным делом, возбужденным против Скуратова: его обвиняли в получении взятки от того же «Мабетекса». Взятка будто бы была получена не в рублях, не в долларах и не в какой-то другой валюте, а… в костюмах. В свойственной ему издевательско-ироничной манере Доренко задал Паколли вопрос насчет этой истории. Его собеседник отвечал по-русски, хотя и не очень уверенно.

Доренко: «Вся Москва жалеет сегодня Скуратова. Я тоже ему сочувствую в связи с тем, что у него остался только один костюм, а четырнадцать костюмов у него забрали. В самом деле, нам его жалко. Скажите, пожалуйста, эти четырнадцать костюмов покупали вы? Он вас просил об этих костюмах, или вы считали это гуманитарным даром, или вообще что это за история?..»

Паколли и не думает отпираться. Возможно, он, в самом деле, полагает, что взятка это когда дают деньги, а когда костюмы, это что-то другое.

Паколли: «Я, естественно, купил четырнадцать костюмов господину Скуратову. Он сказал правду, пусть будет гуманитарная помощь тоже для него».

Доренко: «Это считается гуманитарной помощью?» Паколли: «Гуманитарная помощь».

Доренко: «Это очень необычная гуманитарная по мощь».

Паколли: «Но интересно здесь, что я господина Скуратова никогда не видел и не общался с ним никогда, но знал, что эти одежды были для него, он выбрал сам, он подсказал, какой цвет, он подсказал, какие рубашки, он подсказал все… мы отправили к нему портной, там он сказал ему все, что ему нужно…»

Доренко: «Значит, это был какой-нибудь необычный портной, это был, наверное, серьезный портной все-таки?»

Паколли: «Да, это все стоило, по-моему, шестьдесят две или шестьдесят три тысяч долларов».

Доренко: «Шестьдесят две или шестьдесят три тысячи долларов за четырнадцать костюмов! Я когда-то учился в математической школе, черт побери, и мне кажется, что это каждый костюм, получается, по четыре тысячи».

Паколли: «Да, но там были еще рубашки, еще трусы, еще галстук, еще марка сзади».

Доренко: «Марка сзади, что это значит?»

Паколли: «Марка дизайнер… Знакомая (то есть известная, знаменитая, брэнд. — *О. М.*)…»

Доренко: «Это один из домов модели?»

Паколли: «Да, естественно, но сам господин Скуратов потом сказал, между прочим, он сказал, что материал был очень ужасный материал. Материал был хороший…»

«Я вот слушал и думал, — комментирует эту беседу Сергей Доренко, — а чего же он все голый-то скакал, я имею в виду Скуратова, когда у него столько превосходной одежды на целых шестьдесят три тысячи долларов (тут подразумевается показанный незадолго перед этим по телевидению сюжет, снятый скрытой камерой, где «человек, похожий на Скуратова» занимается любовью с двумя проститутками». — *О. М.*)? Но пока не изъяли, хотя, может быть, как раз и такой вариант возможен, что сначала Скуратов ходил голый и потом вот Паколли его пожалел или там другие люди пожалели и попросили для него у «Мабетекса» одежду. По данным наших московских источников, на костюмах, рубашечках и нижнем белье, подаренных генеральному прокурору России, стоит марка «Бриони». Согласитесь, это в высшей степени необычный способ поощрения и подарка генеральному прокурору великой державы».

Тут как раз и наступает момент, когда ведущий ОРТ возвращается к своему любимому персонажу, «союзнику и политическому партнеру» Скуратова (прошу заметить!), московскому мэру Юрию Лужкову. По словам Доренко, некоторое время назад, как бы предчувствуя скандал со скуратовской «импортной одеждой», мэр заверил телеведущего, что сам он в этом смысле настроен вполне патриотично, сильно тяготеет к продукции российских швейных фабрик. Разговор происходил тет-а-тет, тем не менее, Доренко представил запись со словами Лужкова: «Костюм у меня не наш, рубашка наша, трусики, простите, тоже наши отечественные, маечка тоже, носочки наши».

Эти «трусики» и «маечки» дают журналисту повод уже целиком переключиться на патриотическую деятельность Лужкова.

Один из примеров такой деятельности — восстановление больницы в Буденновске, пострадавшей во время налета боевиков летом 1995 года. Сам Лужков и пресса представляли дело так, будто восстановление больницы, причем осуществленное в короткие сроки, это в основ ном заслуга московского мэра. Разговор Доренко с Па колли призван раскрыть, как в действительности обстояло дело.

Доренко: «…Люди по всей России знают, что больницу в Буденновске построил господин Лужков, и люди в Хабаровске, и в Магадане, и в других местах знают, что это заслуга московского мэра. После разговора с вами я знаю, что больницу в Буденновске снабдили, по крайней мере, почти на миллион долларов вы. Я хочу понять ваши мотивы, я хочу понять: вы работали на политический авторитет московского мэра, оставаясь в тени, вы делали это из личной дружбы, вы делали это в надежде, что это будет воспринято как дар, что ли, такой спонсорский, или меценатский, или гуманитарный, или это любовь к России? Я не могу себе представить, чтобы человек немотивированно строил больницу в Буденновске, после чего мэр Москвы объявил бы, что это он построил больницу в Буденновске, а этот человек молчал».

Паколли: «Первоначально я отдал добрых пятьсот тысяч долларов… Потом получили перечень, этот перечень был больше пятьсот тысяч долларов, по-моему, восемьсот семьдесят тысяч долларов, плюс транспорт, монтаж и т. д. Этот перечень покупали, упаковали, поставили на две или три машины и отправили в Буденновск. Самое ужасное, что может быть, что я ни одно письмо не получил ни от кого, чтобы сказали: благодарю вас, или что хорошее оборудование, или плохое оборудование… Ничего никогда не получил по поводу этого».

Доренко: «Вы отправили оборудование почти на миллион долларов, как если бы вы отправили на Луну».

Паколли: «Еще отправили монтажеров, еще оплатили за монтажеров гостиницу и все остальное (обычно, нормально, если кто едет, заказчик оплачивает гостиницу). Ничего, все оплатили, и ни одну благодарность не получил ни от кого. Я не человек, который скажет: а я сделал это…»

Доренко: «Не знаю, сумеет ли нация теперь пережить новость о том, что буденновская больница, во всяком случае, ее оборудование, заслуга того самого «Мабетекса», о существовании которого Лужков будто бы ничего не знает, а не самого

Лужкова, и пережить очередную неискренность Юрия Лужкова, который сидит в залах для совещаний, сделанных «Мабетексом», и приписывает себе заслуги «Мабетекса» по восстановлению буденновской больницы».

В дальнейшем Доренко накопал новые данные о восстановлении буденновской больницы, пожалуй, даже более серьезные, чем участие «Мабетекса» в этом деле.

«Вы помните, — говорил он в одной из следующих своих передач, — Лужков сообщил нации, что он по зову сердца и на деньги Москвы восстановил больницу в городе Буденновске. Это было одним из важнейших подтверждений того, что Лужков стал политиком федерального масштаба… В действительности это были не деньги Москвы. Самая масштабная акция Лужкова оказалась самой масштабной его ложью… Но этим дело не кончилось. За всю помощь, оказанную Буденновску, Лужков выставил счет… Ставропольскому краю. Даже хуже того: за всю помощь Буденновску Лужков, безо всякого спроса у ставропольцев, забрал деньги в Министерстве финансов, и Министерство финансов России забрало деньги у ставропольцев. Получилось, что Лужков просто обобрал Ставрополье, навязал им немыслимо дорогую строй ку силами московских строителей, истратил 43 миллиона долларов, за которые можно было построить две та кие больницы, может быть, и больше. Потребовал чествовать себя как благодетеля, а потом прибрал деньги».

Похоже, и сами ставропольцы начали осознавать, что их ограбили. В программе давался фрагмент интервью с первым заместителем председателя правительства Ставропольского края Виктором Хорунжим. Он предложил Лужкову построить на Ставрополье храм, чтобы замаливать свои грехи перед людьми в этих местах. За этим вновь последовал «убойный» публицистический комментарий Доренко:

«Все-таки они наивные люди, ставропольцы, не правда ли? Если они позволят Лужкову вернуть им деньги путем строительства храма, то он их оберет еще раз. Это как пытаться отыграться у наперсточника».

Параллельно со своей авторской программой Доренко выступал по «лужковской» теме в других СМИ и в других программах ОРТ. Подчас не менее резко, чем в своей собственной. Так, в программе «Время» 13 октября 1999 года он прямо назвал московского мэра и его приближенных мафией, мафиозной семьей.

24 ноября на канале ТВ-6 к термину «мафиозо», отнесенному к Лужкову, было добавлено кое-что еще из этого же ряда. Доренко напомнил, что в свое время, после победы Ельцина на президентских выборах 1996 года, когда президент был «между инфарктом и шунтированием», Лужков кричал: «Россия, Ельцин, победа! Россия, Ельцин, свобода!», а теперь вот, среди прочих аргументов, направленных против Ельцина, использует и тот, что Ельцин, мол, «слишком больной». Доренко назвал столичного градоначальника проституткой. Впрочем, и посочувствовал ему издевательски, сказав, что он испытывает к Лужкову «христианские чувства» любви и преданности.

«Это абсолютно несчастный человек, — деланно сокрушался Доренко, — потерянный, обманутый сам собой и своими близкими. Вы же видите его, он говорит надтреснутым голосом, он сумрачен, он несчастен, реально несчастен…»

В передаче 10 октября Доренко «отоспался» на очередном шедевре великого скульптора современности Зураба Церетели — статуе под названием «Циклоп». А заодно на самом выдающемся ваятеле. Ну и, естественно, снова на московском мэре, которого со скульптором, как известно, связывают теплые дружеские отношения (ради мэра, понятное дело, опять-таки и был затеян весь разговор).

Статую «Циклоп» великий скульптор от широты душевной подарил испанскому курортному городку Марбелья. Если не знать некоторых скрытых от постороннего глаза обстоятельств, трудно понять, почему такого щедрого подарка удостоился именно этот мало кому известный в России населенный пункт. Между тем Марбелья — уютный приморский курорт, излюбленное место отдыха «денежных мешков». Бросить там якорь, хотя бы и в виде статуи, дело совсем не лишнее. Еще в 1994-м два мэра Лужков и его марбельский коллега Хиль подписали договор о сотрудничестве. Сотрудничество как раз и началось с этого щедрого подарка, «Циклопа», который Москва пообещала сделать испанскому городу-другу.

Сначала собирались поставить статую высотой сто сорок метров (гигантомания это, как известно, неодолимая слабость Церетели). Однако перевозка такого циклопического «Циклопа» оказалась финансово неподъемной для осчастливленного испанского городка. Остановились на двадцати трех метрах. Тоже, как вы понимаете, росток немалый.

«Итак, Москва и москвичи, — говорил в своей программе по этому поводу Сергей Доренко, — должны подарить городу Марбелья статую в знак нашей дружбы, в знак дружбы между нашими городами, в знак традиционной дружбы, которая связывает Москву и Марбелью. Возможно, не все москвичи знают о том, что два наших города связывают такие нежные отношения. Однако статуя уже подарена, и вы не должны с этим спорить, это данность. Думаю, что если мы это оспорим, нам могут вернуть статую, и тогда нам придется поставить ее где-либо в Москве. Возможно, этого лучше избежать.

Подарок российской столицы испанскому городу Марбелье вроде бы бесплатный (а как же иначе, подарок ведь). Однако потом выяснилось, что испанцы все-таки должны заплатить Москве деньги, причем немалые, более того, — несуразно огромные: свыше миллиона долларов. За транспортировку и таможенную очистку. Между тем, никаких документов, что статуя из России прибыла и что кому-то за это что-то было заплачено, обнаружить не удалось. Такая вот ситуация: монумент высится на испанской земле, а документального подтверждения, что он высится, нет.

И все же, согласно договору, Марбелья должна заплатить Москве за произведение искусства, пусть и переправленное на испанскую землю каким-то фантастически-телепортажным методом. Вместо денег марбельский мэр Хиль отдает российскому

городу-побратиму в качестве платы три земельных участка. Впрочем, как выясняется, участки отданы не городу, а конкретным лицам: Церетели и Лужкову.

Разразился скандал. Лужков пишет Хилю письмо, в котором отрицает, что подписывал договор на получение земли (действительно, оригинал документа с его подписью почему-то никак не могут найти — только ксерокопию).

Теперь все три участка стоимостью около полутора миллионов долларов вроде бы должны достаться Зурабу Церетели. Однако и тот в обстановке начавшегося скандала почитает за лучшее от них отказаться. Впрочем, вместо трех земельных участков скульптор получает в андалузском городе три квартиры примерно на эту же сумму и гонорар около трехсот тысяч долларов. Ни квартиры, ни гонорар, как утверждает местная оппозиция, не предусмотрены никакими договорами…».

Вряд ли кто-либо из политиков (да и не только политиков) мог бы устоять перед такой «бомбежкой», перед таким «артобстрелом», идущим при посредстве главного телеканала страны. Беспрецедентные телевизионные атаки не прошли бесследно для лужковского рейтинга.

К октябрю 1999-го особенно резко увеличилось число тех, кто, по их уверению, не будет голосовать за Лужкова ни при каких обстоятельствах, оно сделалось вдвое больше, чем в самом начале, в октябре 1996-го: было 24 процента, стал 51. Здесь, по-видимому, сказались уничтожающие наскоки беспощадного телекиллера: кто же станет отдавать свой голос герою разгромных телепередач? Одни лишь стойкие лужковские «фанаты», которых ничто не могло заставить изменить своему кумиру.

Короче говоря, в октябре 1999 года у Лужкова уже были весьма слабые позиции как кандидата на президентский пост.

Однако своего апогея доренковская атака на Лужкова достигла, пожалуй, в ноябре. В программе от 8-го числа Доренко обвинил московского мэра в организации убийства одного из совладельцев московской гостиницы «Рэдиссон Славянская», американца Пола Тэйтума (убийство было совершено осенью 1996 года). В качестве доказательства приводились последние слова, будто бы сказанные умирающим предпринимателем и услышанные его телохранителями: «Это сделал Лужков… За это отвечает Лужков…»

По словам Доренко, мотивы для убийства были вполне серьезные: спор шел о доходе в 50 миллионов долларов в год; «сейчас, после гибели Пола Тэйтума, доход получают другие люди». Телеведущий пообещал продолжить расследование этого дела. Еще бы: организация заказного убийства, да еще иностранца — это будет покруче всего, в чем до сих пор Доренко успел обвинить московского мэра…

Нельзя сказать, что Лужков ушел в глухую оборону и просто мямлил про отечественные «трусики» и «носочки», которые он носит под импортными штанами и вместе с иностранной обувью. Оборона была достаточно активной, предпринимались и мощные контратаки. Особенно энергично действовал друг и политический соратник московского мэра башкирский президент Муртаза Рахимов.

Правда, действия эти не отличались особенной изобретательностью, однако, если ты президент полуфеодальной республики, этого и не требуется. По распоряжению республиканских властей, например, в Башкирии принялись отключать не нравящиеся Рахимову передачи федеральных телеканалов. Так, в воскресенье 21 ноября в Башкирии не вышли в эфир авторская программа того же Доренко (напомню, она выходила на ОРТ) и программа Николая Сванидзе «Зеркало» (РТР). А при трансляции программы «Время» — вот это уже действительно некоторое изобретение — башкирское телевидение запускало поперек экрана бегущую строку: «Считаете ли вы, что ОРТ ведет целенаправленную дискредитацию лидеров блока «Отечество — Вся Россия» (то бишь Лужкова и его друзей. — *О. М.*)»?

Со своей стороны, пытаясь остановить те же передачи, Госдума 19 ноября приняла решение, позволяющее Счетной палате заморозить банковские счета ОРТ.

Сам Лужков после «циклоповской» программы Доренко подал в суд на ОРТ и лично на телеведущего, требуя защитить его честь и достоинство. Комментарий «подсудимого» по поводу этого шага московского мэра был такой же издевательско-ернический, как и по поводу «члена батуринской семьи»: «Сюжет насчет «Циклопа» Лужков называет порочащим его честь и в качестве компенсации несколько опрометчиво и косноязычно требует «взыскать с ответчиков моральный вред в размере 450 миллионов рублей»».

Понятное дело, «телевизионному убийце» только этого и надо. Он садится верхом на этот «моральный вред» и долго с него не слезает.

«Как я понимаю, — говорит он, — Лужков просит ему навредить на такую большую сумму. А ведь это на старые деньги выходит 450 миллиардов, а если взять до 1961 года, то вообще 4,5 триллиона рублей. Зачем Лужкову понадобился вред почти на пять триллионов рублей старыми? Прорва денег, примерно 18 миллионов долларов».

3 декабря Останкинский межмуниципальный суд Москвы удовлетворил иск Лужкова. Телеканал и телеведущего обязали опровергнуть ранее сделанные утверждения, то есть сообщить телезрителям, что у московского мэра нет личного состояния в 400 миллионов долларов, участка земли в Испании и что он не получал через Андрея Батурина деньги от фирмы «Мабетекс». Назначались и денежные выплаты в пользу пострадавшего мэра, впрочем, довольно незначительные…

На упавшем рейтинге Лужкова это, впрочем, уже никак не сказалось. Московский мэр выбыл из числа кандидатов на пост

президента России.

Ельцин объясняет

12 мая 1999 года Ельцин, как уже говорилось, отправил в отставку правительство Примакова. Исполняющим обязанности премьера был назначен Сергей Степашин, до того занимавший пост первого «вице».

Чтобы оправдать «рокировочку» «Примаков — Степашин» (повторяю, весьма неожиданную для многих, если не для большинства), президент выступил с телеобращением к гражданам России, в котором попытался объяснить смысл своих действий.

«Сегодня я принял непростое решение, — сказал он, — отправил правительство в отставку. Евгений Максимович Примаков пришел в очень трудный момент, в период тяжелого кризиса в стране. Это назначение поддержали все политические силы. Тогда удалось затормозить кризис в экономике и социальной сфере. Но постепенно оценки работы правительства изменились. Его деятельность стали связывать исключительно с политической стабилизацией. Но сегодня ситуация вновь далека от стабильности и в экономике, и в политике. Да, кредит доверия правительству Примакова по-прежнему велик, но, главным образом, за счет личных качеств премьера. Даже в самых трудных ситуациях он всегда демонстрирует поразительную выдержку, спокойствие, хладнокровие.

Однако социальное напряжение в регионах нарастает. Критика правительства усиливается по всем направлениям. Правительство делает вид, что все нормально, а на деле все иначе. Сегодня Явлинский, который горячо поддерживал назначение Примакова, заявляет: в области экономики абсолютный застой, ничегонеделание. Лужков, поддерживая премьера, не устает повторять, что процессы в экономике идут крайне вяло.

Что же произошло? Правительство полностью выполнило поставленную перед ним тактическую задачу. Однако в экономике мы по-прежнему топчемся на месте… Ключевые пункты экономической стратегии государства, о которых я говорил в своем ежегодном послании, правительство не критикует, но и не выполняет. Возникает ощущение, что вся экономическая деятельность правительства сводится лишь к переговорам с Международным валютным фондом, как будто лечение российской экономики зависит только от выделения западных кредитов. В целом ситуацию можно охарактеризовать так: оснований для серьезного и стабильного экономического роста нет… Правительству необходимо действовать…

Стабилизация нищеты и экономического упадка нам не нужна. Необходим серьезный прорыв. В России сотни тысяч толковых энергичных людей. В регионах работают грамотные руководители. На них можно опереться, чтобы вытащить нашу экономику.

Время успокоительных разговоров прошло… Мы не можем откладывать необходимые решения до окончания выборной кампании. Не должны бояться их принимать, если эти решения действительно необходимы для выхода из кризиса. Сегодня оттяжки и промедления, убежден, — это самый серьезный удар по экономике и социальной сфере, поэтому и вынужден был принять трудное, но необходимое решение об отставке правительства.

Я назначил исполняющим обязанности премьера Сергея Вадимовича Степашина. И предложил его кандидатуру на утверждение Государственной Думе… Сергей Вадимович Степашин демонстрирует большую энергию и работоспособность, имеет серьезный опыт руководства федеральными ведомствами. Уверен, он способен дать работе правительства дополнительный импульс, необходимую динамику».

В ту пору, по сложившейся традиции, человек, заступавший на пост премьера, считался главным кандидатом на пост будущего президента. Большинство так и восприняло назначение Степашина.

Правда, обращало на себя внимание, что в своем телеобращении Ельцин ни слова не сказал о возможном будущем президентстве Степашина, как он это иногда делал в прошлом, представляя других своих назначенцев. Но это еще вроде бы могло быть чем-то малозначительным, достаточно случайным. Лишь несколько человек, близких к Ельцину, — Волошин, Дьяченко, Юмашев, — знали, что на роль своего преемника президент уже выбрал совсем другого человека, а Степашин — всего лишь промежуточная фигура.

(Кстати, упомянутую троицу и стали вскоре именовать ельцинской «семьей», произвольно включая туда все новых и новых членов — в основном из числа высокопоставленных чиновников и олигархов).

Естественно, положение «промежуточного премьера» довольно унизительное, особенно если тебе не говорят об этом, если о своей «промежуточности» ты будешь поставлен в известность лишь в последний момент. В связи с этим в Кремле не обошлось без разногласий. Юмашев считал, что на должность председателя правительства надо сразу назначать Путина, без всяких промежуточных прокладок. Президент и глава его администрации (теперь уже Александр Волошин) полагали иначе: сразу же после всеобщего любимца Примакова назначить никому не известного человека — слишком рискованный вариант, необходим премьер-амортизатор, который мог бы успокоить народ.

— А перед Сергеем вам не будет потом неудобно? — спрашивал Юмашев Волошина. — Как вы будете смотреть ему в глаза?

Тот соглашался: да, не очень хорошо получается, но другого выхода нет.

К тому же как бы подразумевалось, что «теоретически», если Степашин очень хорошо себя покажет, все можно будет переиграть в его пользу. Тем паче, что Степашина очень активно поддерживал Анатолий Чубайс, считавший его наилучшим кандидатом на

пост главы государства. Мнение Чубайса всегда было очень важным для Ельцина. Кстати, именно это мнение, по-видимому, сыграло решающую роль при назначении Степашина премьером.

Если бы Степашин догадался, что он «временный», он, разумеется, никогда не пошел бы в премьеры. Тот, кто хорошо его знает, отзывается о нем как о человеке необыкновенно самолюбивом и амбициозном. В качестве иллюстрации приводится, например, такой случай. Степашина, возглавлявшего МВД, и еще одного министра как-то вызвал к себе Примаков, в ту пору премьер. И вот эти двое сидят у Евгения Максимовича в приемной. Проходит пять, десять, пятнадцать минут… Степашин в негодовании вскакивает и направляется к выходу. Коллега-министр пытается его остановить, но Степашин неумолим. «Я — министр внутренних дел! — чуть не кричит он. — У меня министерство «со звездочкой»: я подчиняюсь непосредственно президенту, а не какому-то козлу Примакову. Все, пошли, он нас не уважает!»

Вот так. Это при том, что у Степашина с Примаковым всегда были дружеские отношения, они всегда были «на ты». Но вот, поди ж ты, человек, как говорится, имеет слабость «заводиться с полуоборота», «заводиться» от мелочей. Предложение стать «временным» премьером он, без сомнения, почел бы для себя оскорбительным и унизительным.

Палки в колеса премьера

Первые проблемы у Степашина возникли уже при формировании правительства. Главная проблема — Аксененко. Складывалось ощущение, что Кремль навязывает его председателю правительства как единственного первого вице-премьера, который должен заниматься практически «всем». Иными словами, ему вроде бы отводилась роль дублера, второго премьера. Эта предполагаемая коллизия со «вторым премьером» сразу же была подхвачена прессой, наделала немало шума.

Правда, в разговорах со мной знающие люди уверяли и до сих пор уверяют, что окружение президента вовсе не делало ставку на Аксененко как на соперника и раздражителя Степашина, что вся эта история была рождена в разгоряченном воображении самого премьера: дескать, он сам себя «заводил», взбудораживал и настраивал против первого «вице», повсюду видел его козни и интриги, считал его главным своим карьерным конкурентом; в свою очередь, все эти постоянные подозрения, истерические настроения Сергея Вадимовича по отношению к Аксененко передавались окружению премьера, журналистам, которые соответствующим образом излагали то, что происходило внутри правительства.

Может, оно и в самом деле было так. Не знаю… Не исключено, что Кремль в самом деле тут был не при чем, но Аксененко вел себя по отношению к Степашину так вызывающе и нагло, что было полное ощущение — «при чем». Все-таки там, «наверху» существуют определенные правила игры, которые никому не позволяется нарушать; каждый чиновник знает границы своей самостоятельности, которые ему нельзя переступать.

Аксененко этих границ словно бы не ведал. Откуда произошло такое неведение (если оно действительно было)? Вообще-то для этого могли быть кое-какие основания. Одно из главных: фамилия Николая Емельяновича дважды возникала в списке возможных кандидатов в премьеры. Впервые весной 1998-го, когда сняли Черномырдина. Тогда ему предпочли Кириенко. Во второй раз теперь вот, год спустя, когда обсуждался преемник Примакова. Степашин или Аксененко? По-видимому, ключевую роль тут сыграли аргументы Волошина: Степашин более опытный, более пластичный политик… Резко против Аксененко выступал и Чубайс… Однако то обстоятельство, что Аксененко дважды побывал в миллиметре от премьерства, тоже кое-чего стоило.

Не исключено даже, что в какой-то момент Ельцин думал об Аксененко и как о возможном будущем президенте, хотя соответствующих слов, сказанных вслух, ни кто от него никогда не слышал.

В общем, все это не могло не вселять в Аксененко уверенность в своих силах. Уверенность превращалась в самоуверенность.

Так или иначе, хотя это и не характерно для византийских нравов, царствующих в коридорах российской власти, но Аксененко в какой-то момент мог начать выстраивать свою линию поведения без особой оглядки на Кремль. Достаточно было, что оттуда не слышится прямого окрика «Осади!» Роль Кремля как мощной поддерживающей силы, стоящей у него за спиной, на какое-то время ему могла заменить могущественная империя под названием МПС, которую он еще недавно возглавлял. А что? Около двух миллионов одних только работающих на железной дороге, плюс члены их семей. Внушительная армия. Конечно, в политике участвует лишь ее генеральный штаб, но он всегда имеет возможность кивнуть на возглавляемые им железнодорожные массы. Так вот, не исключено, что эти дорожно-рельсовые штабисты и «подзуживали» Аксененко, побуждали его смело идти в бой, храбро карабкаться на вершину власти.

Повторяю, дело тут вполне могло обойтись и без Кремля. Во всяком случае, известно, что ни Волошин, ни Дьяченко, ни Юмашев, ни Березовский не подстегивали и не поддерживали чрезмерные властные амбиции бывшего железнодорожного министра.

К 3 июня 1999 года распределение обязанностей между вице-премьерами было в основном завершено. На пресс-конференции в Белом доме Аксененко так разъ яснил, чем будет заниматься он и чем Виктор Христенко (сменивший Михаила Задорнова на посту второго первого «вице»):

«В целом за мной остается реальный сектор экономики, за Виктором Борисовичем политико-экономическая часть и финансы».

На вопрос одного из журналистов, не находит ли он странным, что ряд вопросов, которые прежде курировал один из первых вице-премьеров (то есть сам Аксененко), теперь переходят в ведение другого, бывший железнодорожный министр ответил:

«Ничто не вечно, в том числе и распределение прав и обязанностей между вице-премьерами».

Это можно было понять так: погодите, не торопитесь, цыплят по осени считают.

Любопытно, что в ходе пресс-конференции у выступающих по каким-то «техническим причинам» то и дело отключались микрофоны. Лишь у премьера микрофон работал безупречно. На это Степашин шутливо заметил:

«Я же говорил, что председатель правительства главный: только у него микрофон и работает».

Скрытое соперничество между ним и Аксененко продолжалось, то и дело прорываясь наружу, даже в виде шуток.

Окончательно распределение обязанностей между премьером и его замами было оформлено 8 июня специальным постановлением, которое подписал Степашин. Сам он получал огромные полномочия, каких не имел никто из его предшественников: в его ведение передавались Минфин, Мингосимущество и многое другое. В то же время из постановления

следовало, что Николаю Аксененко уже не будет «дела до всего». Степашин твердо предупредил, «до всего будет дело» только ему, премьеру. В качестве подслащения пилюли Николаю Аксенен ко предоставлялось право замещать Степашина во время его отсутствия. Иными словами, он признавался несколько «главнее», чем другой первый вице-премьер Виктор Христенко.

По-видимому, чтобы отдохнуть от этой мышиной возни, Степашин отослал Аксененко в длительную командировку по районам Крайнего Севера и шахтерским поселкам. Тем самым в правительственной сваре был сделан перерыв. Но не слишком большой.

26 июня Степашин несколько изменил распределение полномочий между руководителями правительства, урезав в пользу Аксененко полномочия Христенко и свои собственные. Под крыло Аксененко, в частности, переходили такие важные ведомства, как Российский фонд федерального имущества и Мингосимущества, которые раньше курировал сам премьер.

Возможно, это был тактический ход, направленный на то, чтобы несколько угомонить Аксененко, охладить его боевой пыл.

Станет ли он президентом?

Естественно, сразу после утверждения Степашина председателем правительства начались разговоры, что он кандидат в будущие президенты. Это вполне соответствовало традиции, сложившейся к тому времени в России (о ней уже говорилось): премьер — главный претендент на пост главы государства. Григорий Явлинский заявил 20 мая, что новый руководитель правительства «может оказаться очередным претендентом на пост президента и, вероятно, будет развивать свою деятельность в этом направлении».

Такое же мнение высказал и Анатолий Чубайс:

«У Сергея Степашина, безусловно, есть президентский потенциал… Однако необходимо некоторое время, чтобы это стало ясно».

Сходной была и точка зрения коллеги Чубайса по «Правому делу» Бориса Немцова.

«Правое дело», — сказал он, могло бы поддержать на предстоящих президентских выборах Сергея Степашина… Но это произойдет лишь в том случае, если он добьется объективных положительных результатов в экономике».

Наконец, и глава Администрации президента Александр Волошин в интервью в «Известиях» от 8 июня высказал мнение, что Сергей Степашин вполне может оказаться преемником Бориса Ельцина на посту главы государства. По словам Волошина, «человек, который за год до выборов становится премьер-министром, должен обладать президентскими амбициями».

Впрочем, Волошин добавил, что не уверен, будет ли президент на этот раз объявлять своего преемника, хотя кто-то из политических фигур, участвующих в президентских соревнованиях, возможно, и будет ему импонировать.

Вообще-то, это довольно интересный момент в истории степашинского премьерства. Волошин был одним из троих (двое других Дьяченко и Юмашев), кому были известны планы Ельцина относительно Степашина, — знавших имя того, кто должен его в скором времени сменить. Однако все трое были убеждены, что если Степашин хорошо себя покажет, ельцинские планы могут еще измениться в пользу Сергея Вадимовича. И все трое старались помочь ему себя показать.

Некоторые политики довольно скептически отнеслись к словам Волошина о возможном преемничестве Степашина. Губернатор Самарской области Константин Титов сказал, что «в ближайшее время Волошин увидит еще не один десяток претендентов на пост главы государства». По словам Титова, «чем раньше назвался груздем, тем длиннее дорога в кузов». Коллега Титова из Алтайского края Александр Суриков напомнил, что в прошлом преемниками Ельцина на президентском посту называли многих людей и где они?

Тем не менее, Волошин уже и в начале августа тоже в одном из интервью среди возможных кандидатов в президенты поставил Степашина на первое место, сказав, что «был бы рад» видеть его в кресле президента России (впрочем, так же, как и Явлинского).

Однако сам Ельцин никаких заявлений по этому поводу не делал. Как уже говорилось, этим «случай Степашина» отличался от некоторых других аналогичных случаев, бывавших в прежние времена.

Естественно, уходил от вопросов о своем возможном президентстве и сам Степашин. Довольно резко отвергал эти вопросы. Так, 6 августа (!) в тех же «Известиях» было опубликовано его интервью, где среди прочего зашла речь о состоявшейся накануне очередной его встрече с Ельциным. Премьер довольно подробно рассказал о ней. В частности, сообщил, что Ельцин высоко оценил работу финансового блока правительства. Отвечая на вопрос, заходил ли на этой встрече разговор о том, как глава государства относится к возможному участию нынешнего премьера в президентских выборах 2000 года, Степашин заметил довольно раздраженно, что это «совершенно несвоевременные пересуды».

«Считаю циничным любое кокетство с идеей борь бы за президентский пост, — сказал Степашин. — Сегодня государственному человеку надо не столько мечтать о высоких должностях, сколько думать о реальном укреплении российской государственности. Ныне вообще стоит вопрос о сохранении власти в стране, о предотвращении хаоса. Накал борьбы за власть грозит сделать из политической арены пепелище. А тогда ни президент, ни парламент уже не будут нужны. Не одумаемся, потеряем Россию».

Рассчитывал ли все-таки сам Степашин внутренне, «не для печати» на президентство? Валентин Юмашев уверен, что рассчитывал:

«Сергей считал, что он очень сильный политик, что, будучи в роли премьера, он сможет убедить Бориса Николаевича, что лучшего кандидата на президентский пост в 2000 году у страны нет. Он был уверен, что сможет удержать ситуацию, сможет продолжить тот же курс, который проводил Борис Николаевич: демократическая Россия, экономические реформы. Он считал, что единственно, кто ему мешает, это Аксененко. А все остальные члены его команды, это люди, которые продолжают и будут продолжать реформы, начатые в девяностые годы, и эту команду он сохранит, став президентом».

Отставка

9 августа 1999 года Ельцин, по сообщениям прессы, должен был принять Степашина в очередной раз. Предполагалось, что, среди прочего, президент и премьер снова будут говорить о подготовке к декабрьским выборам в Думу.

Однако этому разговору не суждено было состояться. Встреча прошла с совершенно другой «повесткой дня». 9-го утром Ельцин принял Степашина, поблагодарил его за хорошую работу и… отправил в отставку. Все произошло примерно так же, как и с Примаковым. Для широкой публики это известие опять стало громом среди ясного неба.

Однако люди осведомленные знали, что Ельцин собирался отправить Степашина в отставку еще 5 августа (как раз на той встрече, о которой Степашин рассказал в «Известиях), для чего и вызывал его к себе в Кремль. Однако в тот раз премьеру удалось уговорить президента не предпринимать такого шага. Увы, этот уговор отдалил окончательное решение лишь на четыре дня…

9-го Степашин, по его словам, вновь высказал президенту «свою позицию» по поводу собственной отставки (в общем-то, можно догадаться, какова она была), но, как говорил он позднее, послать правительство в отставку «это право президента, он президент, верховный главнокомандующий».

«Я был, есть и буду вместе с ним до конца, — добавил Степашин. — Я искренне благодарен этому человеку за то, что мальчишкой он ввел меня в большую политику».

Вот такими на деле оказались «ровные деловые и человеческие» отношения президента и премьера.

Исполняющим обязанности премьера Ельцин назначил директора ФСБ Владимира Путина…

Еще одна любопытная деталь, связанная с отставкой Степашина… Категорически против нее был Анатолий Чубайс, в ту пору один из ближайших неформальных советников Ельцина. Он был убежден, что Степашин — готовый кандидат в президенты. Когда Анатолий Борисович узнал, что готовится эта отставка, он прореагировал на эту новость необычайно бурно.

«Вы идиоты! — кричал он Волошину и Юмашеву. — Вы сейчас просто угробите страну! У вас есть реальный кандидат в президенты… Да, я знаю все его недостатки, но Сергей — это абсолютно вменяемый человек, представитель нового поколения. Убирая его, вы просто приведете к власти Примакова и Лужкова, это я вам на сто процентов гарантирую».

После такого напора Юмашев, по его словам (он мне и рассказал обо всей этой истории), «очень сильно завибрировал», а Волошин отправился к президенту и передал ему точку зрения Чубайса.

Однако в своем решении отправить Степашина в отставку президент был непреклонен. Он вообще почти никогда не колебался после того, как примет решение. В таких ситуациях все его дальнейшие помыслы были направлены лишь на то, чтобы это решение «продавить».

Отклики на очередную правительственную «рокировочку», естественно, были разные. Президент Татарстана Минтимер Шаймиев посчитал отставку правительства Сергея Степашина «несвоевременной». По словам Шаймиева, общественное мнение не было подготовлено к смене правительства, между тем, «если общество выбрало демократический путь развития, то президент страны обязан считаться с общественным мнением».

Многие люди недоумевают, почему же произошла отставка Сергея Степашина и его кабинета, сказал Шаймиев, и это недоумение вполне обоснованно.

Аналогичная точка зрения была у Юрия Лужкова (возможно, оба этих деятеля Лужков и Шаймиев, в ту пору тесные союзники, — прямо согласовали тут свои позиции). Московский мэр заявил, что отставка Сергея Степашина выглядит «абсолютно нелогично»: премьер-министру «даже не дали отработать 100 дней». Что касается назначения Путина, то и оно кажется Лужкову непонятным. Хотя он и относится к Путину «довольно ровно», это назначение, по словам Лужкова, выглядит «довольно тревожно»: «здесь нет ясности».

Были и иные отклики. Борис Березовский высказал мнение, что отставка Степашина объясняется его «недостаточной твердостью»: в частности, он не сумел ни «отстоять позиции Кремля перед лицом оппозиции», ни создать политическую силу с прицелом на парламентские выборы, ни «навязать себя новому блоку «Отечество — Вся Россия».

Вообще-то, Сергей Степашин действительно выглядит довольно мягким человеком, однако за тот срок, который был ему отпущен, и более твердые люди без мощной поддержки Администрации президента, других структур вряд ли смогли бы сделать то, чего хотел бы от Степашина Березовский, — например, «создать политическую силу с прицелом на парламентские выборы».

Некие неназванные представители кремлевской администрации (цитирую по сообщению РИА «Новости») утверждали, что Степашин выполнил основную задачу, поставленную перед ним президентом, «полностью пресек возможность левого реванша»: при Примакове реформаторы отступали, при Степашине вернули свои позиции, при Путине должны будут перейти в наступление.

Что касается зарубежных политиков, они комментировали смену правительства в Москве довольно скудно и неохотно: главной

причиной тому было, по-видимому, то обстоятельство, что почти никто из них не знал, что собой представляет Путин.

Президент называет преемника

Непосредственно в день отставки Степашина Ельцин выступил с очередным телеобращением к россиянам. До их сведения было доведено, что основной причиной замены премьера послужило желание Бориса Николаевича за год до президентских выборов обнародовать имя своего преемника на посту главы государства и предоставить ему возможность за оставшийся без малого год проявить себя (хотя прямо слово «преемник», естественно, не прозвучало).

«Я решил назвать человека, — сказал Ельцин, — который, по моему мнению, способен консолидировать общество. Опираясь на самые широкие политические силы, обеспечить продолжение реформ в России. Он сможет сплотить вокруг себя тех, кому в новом XXI веке предстоит обновлять великую Россию. Это секретарь Совета безопасности, директор ФСБ России Владимир Владимирович Путин».

Ельцин сказал, что хорошо знает этого человека, «давно и внимательно наблюдал за ним» еще со времен, когда тот был первым вице-мэром Санкт-Петербурга, а последние годы они работали «бок о бок». По словам Ельцина, на всех должностях Путин «действовал уверенно и твердо, добивался хороших результатов», «имеет огромный опыт государственной работы».

«Я в нем уверен, — сказал Ельцин. — Но хочу, чтобы в нем были также уверены те, кто в июле 2000 года придет на избирательные участки и сделает свой выбор».

Все. Вопросов насчет дальнейшей судьбы Путина больше не оставалось.

Хорошо, конечно, когда президент прекрасно знает своего преемника, однако, неплохо было бы, чтобы и другие люди хоть немного его знали, особенно как государственного деятеля, человека, имеющего «огромный опыт государственной работы». Кстати, президентский пресс-секретарь Дмитрий Якушкин признал, что Путину предстоит пережить «определенное недоверие к себе», поскольку та «специфическая» работа, которой он занимался ранее, требовала меньшей публичности.

Итак, Ельцин реализовал тот план, который давно наметил. В своей книге «Эпоха Ельцина» бывшие помощники президента так об этом пишут:

«Ельцин… разработал и воплотил в жизнь двухходовку в своем стиле, одновременно рискованную и выверенную. Первым ходом отправил в отставку Примакова и его правительство и предложил Думе кандидатуру Степашина…

К ЭТОМУ МОМЕНТУ ПРЕЗИДЕНТ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ, ВЕРОЯТНО, УЖЕ ОСТАНОВИЛИ СВОЙ ВЫБОР НА ПУТИНЕ (выделено мной. — *О.М.*) Но было рискованно сталкивать малоизвестного стране чиновника с популярным Примаковым: в этой борьбе можно было утратить последнюю фигуру. Поэтому он расчетливо использовал Степашина как штурмовой отряд, который должен погибнуть, но расчистить путь основным силам».

И все же оставалась какая-то, пусть не очень большая, вероятность, что Ельцин может изменить свой план и остановить свой окончательный выбор на Степашине. Почему же все-таки не изменил, не сделал Степашина своим преемником? Вроде бы все необходимые качества для этого у Сергея Вадимовича имелись? По крайней мере, их было не меньше, чем у Путина, а проявились они к тому времени — благодаря премьерству — в более полной мере. Причина, как мне говорили осведомленные люди, была довольно странной, если не сказать смехотворной: считалось, что Сергей Вадимович пребывал «под тотальным влиянием жены». И когда он стал премьером, это проявилось в полной мере: банк его супруги сразу же пошел в гору, она принимала министров, других высокопоставленных чиновников, давала им указания…

— И что, — спрашиваю, — с этим ничего нельзя было поделать?

Выясняется: нельзя. Со Степашиным вроде бы говорили на эту тему, пытались как-то воздействовать на него — все напрасно.

Обо всем этом, естественно, сразу же доложили Ельцину.

Вот ведь, оказывается, какие обстоятельства, бывает, решают судьбу России!

Кстати, на проблему «руководящих» жен Ельцин давно обращал внимание, независимо от супруги Степашина. Каждому ясно: жена — это тот человек, который каждое утро, каждый вечер, каждую ночь может что-то нашептать на ухо своему мужу, в том числе и президенту. Такого человека нельзя сбрасывать со счетов. Нельзя закрывать глаза на ее, женино, влияние. Еще в восьмидесятые годы от Ельцина можно было, например, услышать, что Горбачев «не мужик», что страной рулит Раиса Максимовна (это, конечно, говорилось в узком кругу). Поэтому Наину Иосифовну Борис Николаевич даже близко не подпускал к политике, к государственным делам…

Наконец, еще один вопрос: даже если бы так случилось, что Ельцин все же остановил свой выбор на Степашине как на преемнике, сумел бы тот выиграть выборы у тандема Примаков — Лужков? На этот счет существуют большие сомнения. Упомянутый тандем обладал огромными ресурсами — и ресурсами популярности, и финансовыми, и административными… Да даже и Зюганова Степашин вряд ли сумел бы одолеть…

Почему именно он?

Когда смотришь на биографию Путина, не видишь никаких особых причин, почему именно этот человек должен был стать преемником первого президента демократической России. Скорее наоборот, все вроде бы говорило, что вряд ли этот персонаж будет очень сильно востребован демократической властью.

Окончив в 1975-м юрфак Ленинградского университета, молодой юрист сразу же был направлен не без его желания, разумеется, на работу в КГБ (очень демократическая и очень «юридическая» организация!), 10 лет прослужил в ленинградском же ее управлении. Следующие пять лет с 1985 по 1990-й занимался шпионской деятельностью в составе дрезденской разведгруппы (численностью в шесть человек), входившей в организацию под официальным названием «Представительство КГБ СССР при Министерстве госбезопасности ГДР».

В январе 1990-го, когда коммунистическая ГДР фактически уже развалилась со всеми вытекающими отсюда последствиями для ее «советских друзей», Путин, дослужившись до подполковника, вернулся в Россию, в Ленинград. Оставаясь сотрудником КГБ, стал работать «под крышей» своей альма-матер ЛГУ, помощником ректора по международным связям.

В советское время такие помощники, референты, а особенно кадровики «в штатском» были рассованы по всем госучреждениям.

Трудно сказать, сколько Путин просидел бы на этом месте, если бы, будем так считать, не случай. Согласно рассказу самого Владимира Владимировича, один из его друзей по университету то ли просто преподаватель, то ли профессор попросил его «помочь» Собчаку, который к этому времени стал председателем Ленсовета.

Собчак взял его к себе в советники. Через год, в июне 1991-го, Путин получает от Собчака повышение. Из советника превращается в председателя Комитета по внешним связям мэрии (в 1994-м на него возлагаются еще и обязанности первого зама Анатолия Александровича в городском правительстве).

Борис Немцов, в свое время работавший нижегородским губернатором, так описывает круг обязанностей человека, отвечающего за внешние связи «на региональном уровне»:

«Это, по большому счету, представительские функции, не требующие принятия каких-то важных решений. Заместитель губернатора по международным делам отвечал за встречу иностранных делегаций, ездил вместе с губернатором по городам-побратимам, следил за чистотой в местах скопления иностранных туристов, их питанием и так далее».

Впрочем, сам Путин и его бывшие коллеги по питерской администрации представляют тогдашнюю международную деятельность своей мэрии в более солидном виде: мол, путинский комитет курировал создание в Петербурге валютной биржи, открыл первые в стране представительства западных банков, стал привлекать в город иностранных инвесторов, поучаствовал в прокладке оптоволоконного телефонного кабеля до Копенгагена, озаботился подготовкой специалистов, знающих языки…

Так что дело вроде бы не ограничивалось встречей и проводами иностранных делегаций.

Правда, вполне самокритично Путин признает, что были в этой солидной деятельности и ошибки, и просчеты. Не уследили, например, за предпринимателями, которые вывозили за границу сырье, а в обмен должны были завозить продукты для города: некоторые поставщики растворились вместе с продуктами…

В прессе тогда возник скандал. Расследованием этого дела занималась депутатская комиссия во главе с известной в ту пору демократической деятельницей Мариной Салье. На репутацию Путина была брошена тень…

Еще один прокол случился с игорным бизнесом, над которым Путин, по его словам, попытался «установить жесткий контроль», передав 51 процент акций игорных заведений специально созданному муниципальному предприятию. И снова ловкачи без труда «объегорили» контролеров: в документах показывали им лишь убытки; доходы же уводили налево «черным налом».

Репутация собчаковского заместителя и тут не улучшилась: его обвинили в коррупции, в том, что он имеет немалый доход от деятельности казино…

Следующим своим карьерным шагом Путин также обязан землякам-питерцам — Кудрину и Чубайсу: вскоре после поражения Собчака на выборах в Санкт-Петербур ге в 1996 году оставшийся не у дел Путин вошел в Управление делами президента. Путин занимался здесь юридическими и внешнеэкономическими делами, эта работа была не совсем тем, чего он желал.

Хотя жена была довольна:

«…Что уж тут жаловаться? Дача в Архангельском. Дом, правда, старый и старая обстановка, зато два этажа, шесть комнат. Две внизу, четыре наверху — шикарно!»

В марте 1997-го Анатолий Чубайс покидал пост главы Администрации президента, переходил на работу в правительство первым вице-премьером. С собой в Белый дом Анатолий Борисович брал ряд своих сотрудников, в том числе начальника Главного контрольного управления президента (и одновременно — заместителя главы Администрации), уже упомянутого Алексея Кудрина, путинского сослуживца по Ленсовету и питерской мэрии (в дальнейшем, как известно, Алексей Леонидович долго работал на высоких вице-премьерских и «финансовых» постах в правительстве).

Сменщиком Чубайса в должности главы президентской администрации становился Валентин Юмашев. Тогда-то, уходя, Чубайс и посоветовал Юмашеву поставить Путина на освобождающееся кудринское место. Возможно, самого Анатолия Борисовича попросил об этом тот же Кудрин, с самого начала принимавший активное участие в столичном трудоустройстве своего питерского коллеги.

Так Путин сделался начальником ГКУ — заместителем главы Администрации президента.

Эта работа, по его словам, ему тоже не очень нравилась:

«Работа такая… несозидательная сама по себе. Важная, нужная, я все понимаю, но неинтересно мне было».

Больше того, он вроде бы даже собирался уходить из Администрации президента:

«Не знаю, чем бы я занялся, если бы все же ушел. Наверное, создал бы какую-то юридическую фирму. Трудно сказать, можно ли на это жить, но это действительно интересно. Многие из моих друзей занимаются этим, и у них все получается».

В искренность этих слов о желании покинуть высокую должность в Кремле и пуститься в свободное «юридическое» плавание что-то не очень верится. Больше похоже на кокетство: вот, мол, главное для меня, чтобы работа была интересной, творческой, а все остальное ерунда. Думаю, вряд ли известен хотя бы один случай, чтобы кто-то из заместителей руководителя Администрации президента добровольно покинул свой пост по такого рода мотивам.

В действительности, став заместителем Юмашева, Путин вышел на высокую политическую орбиту федерального уровня, вступил на политический Олимп. Дорога до его вершины займет у него каких-то три года.

Через год, чуть более, Юмашев повысил Путина до своего первого зама, распознав в нем некие способности, отсутствующие у других.

В мае 1998 года Юмашев попросил Ельцина обратить на Путина особое внимание. Надо полагать, эта просьба возымела на Ельцина какое-то действие, хотя, может быть, и не сразу…

Как на одного из серьезных кандидатов в преемники Ельцин, по-видимому, стал смотреть на Путина после социальных потрясений лета 1998-го в частности, после «шахтерского» кризиса, когда горняки перекрывали железные дороги, требуя удовлетворения своих требований.

Борис Немцов, в ту пору он был первым вице-премьером и как раз занимался в правительстве разрешением этого кризиса, в своей книге «Исповедь бунтаря» так описывает сложившуюся тогда ситуацию:

«По всей стране бастуют шахтеры. Сидят на Горбатом мосту перед зданием правительства и стучат касками по мостовой. Березовский этот спектакль спонсирует и подвозит забастовщикам бутерброды. Вся страна блокирована: Транссиб, Северная железная дорога, Северо-Кавказская дорога… Железнодорожное движение парализовано по всей России… Мы понимали, что страна вот-вот разлетится на куски… ведь Транссиб единственная железная дорога, связывающая Дальний Восток и Сибирь с центром России… На Северо-Кавказской дороге собралось столько пассажиров с детьми, ехавших на отдых, что там создалась в прямом смысле взрывоопасная обстановка… Более ста составов простаивали в поле и на станциях на юге. Кругом антисанитария, отсутствие элементарных условий. Эпидемия могла вспыхнуть со дня на день…

С другой стороны, шахтеры выдвигали во многом справедливые требования, хотя и был перехлест, подогреваемый обиженными олигархами».

В июле 1998-го Ельцин по рекомендации Юмашева и Кириенко назначает Путина директором ФСБ: по мнению осведомленных людей, Николай Ковалев, предшественник Путина на этом посту, во время шахтерских волнений показал себя не лучшим образом, «поплыл», ударился в панику. Путин же, как утверждают свидетели, действовал логично и хладнокровно, выдвигал разумные идеи, которые, будучи реализованы, показывали свою эффективность.

Тут, правда, надо сказать, что не все, кто в то время работал рядом с Путиным, столь же высоко оценивают его деятельность в период шахтерских волнений. Тот же Борис Немцов рассказывает о таком случае:

«Я как вице-премьер руководил комиссией по урегулированию ситуации. Собрал экстренное совещание, пригласил всех силовиков. Все пришли, кроме директора ФСБ Владимира Путина… Путин позвонил и сказал, что он прийти не может, потому что у него заболела собака. Я был в шоке и долго не мог прийти в себя. Поведение руководителя ФСБ мне показалось настолько вопиюще нелепым, немудрым и негосударственным, что я отказывался верить в происходящее. Не помню, в каких выражениях я говорил тогда с Путиным, но наверняка не в очень вежливых».

Что на это сказать? Хотя формально Путин в то время и был вроде бы подчиненным Немцова, поскольку как директор ФСБ входил в правительство, по-настоящему важным для него было не то, что о нем подумают в Белом доме, а то, что подумают в Кремле…

Но вообще история с собакой — какая-то странная, необъяснимая…

Пост директора ФСБ еще больше приблизил Путина к кабинету президента. Теперь уже регулярные, мимо главы администрации

и премьера, по крайней мере, раз в неделю, встречи Ельцина и Путина вполне соответствовали путинскому рангу.

Как отмечали многие, в общении, в диалоге, в вопросах, ответах Путин всегда производил приятное впечатление. Он прекрасно реагировал на слова собеседника, прекрасно формулировал собственные мысли. Все это, надо полагать, не могло не понравиться и Ельцину…

Второй этап плотного общения Ельцина и Путина начался в марте 1999-го, в момент еще одного кризиса, «скуратовского» (напомню: президент пытался снять опозорившегося генпрокурора, однако натолкнулся тут на упорное сопротивление Совета Федерации). Директор ФСБ, как правило, участвовал тогда вместе с премьером и главой администрации в совещаниях, которые Ельцин проводил по этой теме, хотя она вроде бы не относилась прямо к его компетенции.

Уже невооруженным глазом было видно: Ельцин явно выделяет Путина среди других чиновников, причем дело не ограничивается частотой их встреч. Ельцин, например, практически полностью передал на попечение своего нового фаворита Совет безопасности (Путин стал секретарем СБ в марте 1999-го, оставаясь при этом главой лубянского ведомства), ввел его в узкий круг тех, кто решал самые главные вопросы, точнее, давал президенту рекомендации по этим вопросам. В этот круг, помимо Путина и все тех же Волошина, Дьяченко, Юмашева, входил Чубайс и позже Степашин.

В этот момент, в марте — апреле 1999 года, Ельцин, надо полагать, и подошел вплотную к своему решению сделать Путина своим преемником. То есть, чтобы у него вызрело это решение, понадобилось около девяти месяцев. Срок от зачатия до рождения ребенка…

Миф о Березовском

В день своего назначения исполняющим обязанности премьера Путин, среди прочего, заявил журналистам: он, мол, не считает, что в отношениях с олигархами у него возникнут проблемы, хотя в бытность директором ФСБ он уволил из рядов спецслужбы некоторых людей, считавшихся, например, ставленниками Березовского. Это было довольно неожиданное признание: все были уверены, что у Путина с Березовским прекрасные отношения и, более того, что Березовский был одним из тех, кто сделал Путина сначала премьером, а потом президентом.

Каких же «ставленников Березовского» уволил Путин? Возможно, он имел в виду подполковника Александра Литвиненко и некоторых его коллег, принявших участие в скандальной телевизионной пресс-конференции в декабре 1998-го (напомню, сотрудники ФСБ заявили тогда в прямом эфире, что их лубянское начальство заставляло их осуществлять заказные убийства; среди прочего, речь шла о «заказе» на Бориса Березовского).

Утверждение (до сих пор живущее), что Березовский «сделал» Путина, это одна из многочисленных легенд, которыми под завязку забито наше «информационное пространство» и, соответственно, головы наших сограждан. У Березовского просто не было таких возможностей, «сделать» президента (преемника Ельцина), хотя бы по той простой причине, что он не имел прямого выхода на действующего главу государства. Однако пресса усердно раздувала масштабы этих возможностей. Да и сам Борис Абрамович всегда с удовольствием занимался тем же самым: пиар и самопиар он считал нормальным инструментом политической деятельности, политической борьбы.

Березовский не имел прямого отношения к восхождению Путина по ступенькам кремлевской служебной, карьерной лестницы (о том, кто имел, мы уже говорили). Но он, в самом деле, весьма одобрительно отнесся к известию, что Путина прочат в преемники. Он считал, что если этот «проект» получится, это будет фантастической удачей.

Березовский не «сделал» Путина, но он сделал другое — придумал блок «Единство», который стал хорошим подспорьем для Путина при его продвижении на вершину власти. Хотя придумывал его Березовский совсем не для этого.

В тот момент Борис Абрамович был с головой погружен в борьбу с Примаковым и Лужковым, вел ее напористо и агрессивно. (Известна его характеристика этих двух деятелей, которую он дал в интервью французской газете «Монд» 12 августа 1999 года, сразу после отставки Степашина. Березовский назвал Лужкова «безответственным популистом». По его мнению, приход столичного градоначальника к власти приведет к «кровавой бане» из-за его намерений пересмотреть результаты приватизации. Что касается Примакова, тот, по мнению олигарха, в отличие от Лужкова, «серьезно думает об интересах России», однако он «принадлежит ушедшему прошлому и испытывает ностальгию по великой империи, каковой был Советский Союз» — такой подход «смертелен для России»).

Так что Березовский придумал «Единство» как инструмент борьбы с двумя наиболее перспективными, как тогда представлялось, кандидатами в президенты. Первоначально это была просто идея. Такие идеи, как известно, Березовский генерирует непрерывно, отсюда его репутация как непревзойденного «креатора», «креативщика» или как там еще это называется. В Кремле замысел Бориса Абрамовича встретил противоречивое отношение. Некоторые отнеслись к нему скептически, считая, что с этим «Единством» шансов у Кремля никаких: при том разброде, который тогда царил в Администрации президента, в лучшем случае удастся набрать пять-шесть процентов, не более. Процентов десять — это был бы уже успех…

Но Березовский, с его вулканической энергией, «завел» всех. Как и в случае, когда он фактически сам себя сделал исполнительным секретарем СНГ, он облетел два-три десятка губернаторов, заручился их поддержкой. Впрочем, добиться ее было не так уж трудно, поскольку среди этой публики всегда немало ярых ненавистников Лужкова. К тому же новый альянс, а первоначально он планировался как некая партия регионов, вроде бы открывал новые возможности для реализации разнообразных губернаторских амбиций. Так или иначе, губернаторы выразили готовность предоставить свои ресурсы для предложенного Березовским «партстроительства».

Позднее, когда Кремль (прежде всего Волошин) поддержал-таки эту идею, Березовского оттерли от этого дела. Он, конечно, был уязвлен, но считал, что главное он уже сделал и продолжал поддерживать этот «проект» через телевидение.

Березовский и Путин довольно тесно сотрудничали еще в ту пору, в начале девяностых, когда Путин был заместителем Собчака, а Березовский занимался в Петербурге автомобильным бизнесом. После, когда Юмашев рассказал ему, что по совету Чубайса он собирается взять Путина на работу в Администрации, Березовский горячо это одобрил: «Ну, тебе повезло! Это совершенно потрясающий мужик! Мы с ним работали. Сразу видно, что яркий человек. То, что ты его берешь к себе, абсолютно правильное решение».

До какого-то момента их симпатии были взаимными. Как и многие, Путин ценил в Березовском его «креативные» способности. Однажды, будучи директором ФСБ, он даже приехал к Борису Абрамовичу домой поздравить с днем рождения то ли его самого, то ли его жену. В этот момент Примаков (премьер), серьезно «наехал» на Березовского, и тот факт, что его заклятого врага с дружеским визитом навестил столь крупный чиновник не мог остаться незамеченным.

(Правда, потом Березовский совершенно некстати рассказал об этом визите в одном из газетных интервью: дело было накануне выборов, и Путину абсолютно не нужны были откровения олигарха об их дружбе).

Думаю, те восторги в адрес Путина, которые Березовский расточал в стенах Кремля, конечно, тоже могли поработать на

создание «светлого образа» будущего президента. Так что утверждать, будто Борис Абрамович совсем уж непричастен к воцарению Путина, наверное, не стоит. Хотя эта причастность, как видим, была довольно косвенная и опосредованная. Не прямая. Прямых возможностей провести Путина в президенты у Березовского, как уже говорилось, не было. Хотя бы потому, что он фактически не был вхож к Ельцину: тот, по-видимому, за все время принял его не более двух-трех раз.

Чубайс о Путине

Анатолий Чубайс познакомился с Путиным еще в Ленинграде, однако не сказать, чтобы между ними были какие-то тесные отношения. Поначалу они вообще работали в «параллельных» организациях: Путин в мае 1990 года пришел к Собчаку, тогда председателю Ленсовета, стал его советником по внешнеэкономическим вопросам, Чубайс в октябре того же года поступил на службу в Ленгорисполком на должность сначала зампреда, а потом первого зампреда его председателя Александра Щелканова. В июне 1991 года, когда Собчак стал мэром, он назначил Путина своим замом по внешнеэкономическим связям, а Чубайса, в сентябре, — главным экономическим советником. Как говорит Чубайс, должность эта была символическая, «отступная». Пробыл он на ней недолго — в ноябре переехал в Москву на работу в правительство. По словам Чубайса, отношения с Собчаком у него были «сложные»…

Вопреки мнению, что Чубайс сыграл значительную роль в карьерном продвижении Путина, сам он говорит, что роль эта была «близка к нулю», хотя относились они друг к другу, по словам Анатолия Борисовича, «вполне позитивно, по-доброму». Впрочем, из его же рассказа можно заключить, что упомянутая роль была и не такой уж «нулевой» — все-таки оба они, и Чубайс, и Путин, ощущали себя членами одной питерской команды.

— В июне 1996 года, — рассказывает Чубайс, — Собчак, как известно, с треском проиграл выборы губернатора. Соответственно, вылетели все. Тогда ведь Путин заявил, что ставший губернатором Яковлев — Иуда. Несмотря на это Яковлев вроде бы предлагал ему вернуться в мэрию, но Путин отказался. Держался стойко… Надо было искать какие-то варианты. Для Леши Кудрина я придумал вариант — возглавить Главное контрольное управление президента. А с Путиным мы что-то долго мучились… Потом появился вариант начальника Управления по связям с общественностью в Администрации президента, на которую и должен был идти Путин Владимир Владимирович. Но как-то это все затянулось… А в это время, как я понимаю, Путину предложил должность начальник Управделами президента Бородин, возможно, при участии Алексея Алексеевича Большакова, первого вице-премьера в правительстве Черномырдина. А потом уже, когда я забрал Алексея Леонидовича Кудрина в Минфин, — это было уже весной 1997 года, — Леша предложил назначить Путина на оставляемое им место в ГКУ. Я был за.

Но это уже был не мой вопрос…

— Юмашев говорит, что назначить Путина на должность руководителя ГКУ ему предложили именно вы…

— Ну, может быть, и я предложил. Леша мне предложил, я Вале позвонил… Но это все было неформально… Формально я уже не мог никого назначать в Администрации. Я уже работал в правительстве. Так что это было решение Юмашева.

В дальнейшем, после ГКУ, продвижении Путина по карьерной лестнице, Чубайс, по его словам, тоже не участвовал.

Все же, думаю, Анатолий Борисович недооценивает свою роль в восхождении будущего президента на вершину власти. Не исключено, что, не будь его рекомендации, Путин и не занял бы место начальника ГКУ — заместителя руководителя Администрации президента, должность уже не хозяйственную, которую он занимал у Бородина, а по-настоящему весомую, политическую.

О том, что Ельцин остановил свой выбор на Путине, Чубайс узнал где-то в конце июля 1999-го.

— А до этого момента, спрашиваю я Чубайса, — вы никогда не думали, что Путин может стать президентом?

— Скорее, нет, не думал, — не очень уверенно отвечает Анатолий Борисович.

— Насколько я знаю, вы считали, что в президенты следует двигать Степашина?

— Да, это правда. Я отстаивал «вариант Степашина», возражая против «варианта Путина».

— Ваши возражения принимались во внимание?

— Как мы знаем, в результате они не были приняты во внимание.

— Я имею в виду, принимались ли они во внимание до какого-то момента, до момента принятия окончательного решения?

— Ну, их слышали, они были известны… Но было принято другое решение.

На самом деле «другое решение» было принято уже давно. Тут, как утверждают коллеги Чубайса, участники этих событий, из памяти Анатолия Борисовича каким-то образом выпало, что Степашин, в общем-то, с вероятностью близкой к ста процентам, с самого начала рассматривался как фигура промежуточная между Примаковым и Путиным; то, что он может стать президентом, считалось маловероятным. Собственно говоря, я уже писал об этом ранее.

Впрочем, может быть, дело не в изъянах памяти Анатолия Борисовича, а в чем-то другом…

— Я не знал, что Степашин рассматривается как временная фигура, тем более с самого начала, со времени назначения его на пост премьера, — говорит Чубайс. — Мне казалось, что на него смотрят не как на временную фигуру, а как на фигуру будущего

президента, что именно с такой перспективой он был назначен на пост председателя правительства.

Писал я и о том, что, узнав о решении заменить Степашина Путиным, Чубайс со всей страстью и свойственной ему энергией выступил против этого решения. До сих пор многие считают, что Чубайс возражал против Путина «как Путина». В действительности все было совсем не так.

— Моя позиция была продиктована очень простой логикой: я считал, что мы находимся в настолько драматической политической ситуации, на таком драматическом этапе нашего развития, что задача избрания самоценна. А это означало, что при оценке фигуры кандидата требования к нему как к кандидату были более важны, чем требования к нему как к будущему президенту: уж совсем раскаленная была обстановка, только что в мае чуть-чуть не получили импичмент. За год с небольшим смещался четвертый премьер, назначался пятый. Делегитимизация власти достигла наивысшей точки. Отношение людей к ней было примерно такое: «У вас там во власти какая-то полная каша! Что у вас там происходит? Что творится? Премьеров меняют одного за другим. Только что состоялся дефолт…» Ужасная обстановка. Так что было не до жиру. Не до замечательного, великолепного, идеального президента. Тут главное избрать бы не Примакова, не Зюганова! Именно в силу этого я считал, что избираемость кандидата гораздо более важный критерий, чем качества будущего президента. И с точки зрения избираемости, как мне представлялось, Степашин был выше, чем Путин. В то же время я совсем не считал тогда, что Путин хуже как президент.

В общем Чубайс активно боролся за Степашина.

— Во что конкретно вылилась эта ваша борьба, ваша бурная деятельность, имевшая целью воспрепятствовать выдвижению Путина?

— Ну, я переговорил со всеми ключевыми лицами, начиная с самого Путина и кончая Юмашевым…

— Любопытно, что же вы сказали Путину? «Владимир Владимирович, вам не стоит идти в президенты»?

— Я высказал ему свою точку зрения, сказал, что считаю неправильным, что его выдвигают кандидатом на пост президента, что это рискованно, что мы можем вообще все проиграть.

— И какова была его реакция?

— Он высказался не очень определенно. Смысл его позиции сводился к тому, что он не рвется в президенты, но решение принимает не он. Если оно не будет принято, значит, не будет, если будет принято, значит, будет. Примерно такая была реакция.

Попытался Чубайс поговорить и самим Ельциным, убедил Бориса Николаевича принять его для соответствующего разговора. Однако Ельцин к тому моменту, по-видимому, уже все для себя решил.

— Ельцин назначил мне встречу на восемь или на девять утра, а на семь вызвал к себе Степашина и сообщил ему, что отправляет его в отставку. Пока я ехал к Ельцину убеждать его, что Степашина не нужно увольнять, Степашин мне позвонил и сообщил, что он уже уволен — все в порядке!

Существует чуть ли не всеобщая убежденность: к тому моменту Ельцин был уже в таком состоянии, что не способен был сделать осмысленный выбор преемника, Путина подсунуло ему его окружение по каким-то там хитроумным своекорыстным мотивам. Спрашиваю Чубайса:

— Кто из близких Ельцину людей своими советами более всего повлиял на него, когда он принял решение остановить свой выбор на Путине? Юмашев? Татьяна Борисовна? Волошин?

— Мне сама постановка вопроса кажется неправильной. Я не согласен с очень распространенной версией о том, что Ельцин находился под безраздельным влиянием некоего круга близких ему людей, так называемой «семьи». Эта версия, как я знаю, была придумана Игорем Малашенко (напомню: Малашенко был генеральным директором НТВ при Гусинском. — *О. М.*) Надо признать, она оказалась очень эффективной как пиар-оружие, но совершенно не соответствующей действительности. Уж я-то очень хорошо знаю, что такое в чем-то убедить Бориса Николаевича. Это задача такой категории сложности, что лично мне удалось ее решить разве что пару раз за все годы работы…

Да, Ельцин был способен выслушивать аргументы… Правда, при этом не очень любил выслушивать аргументы в защиту какой-то позиции, противоположной той, какую занимал он сам, но тем не менее выслушивал их… Другое дело, что их не любили высказывать те люди, которые имели возможность с ним говорить. Но, тем не менее, кто хотел, мог это сделать. Ничего, все остались живы. Так что на вопрос, кто больше всего повлиял на него при выборе Путина, могу совершенно определенно ответить: да никто! Вопрос надо ставить по-другому: какие аргументы повлияли в наибольшей степени на этот выбор? В данном конкретном случае должен признать: что касается моих аргументов, они были неверны. Я-то выступал с той позиции, что Путин неизбираем, что мы его не изберем, а Ельцин прислушался к тем, кто говорил, что он избираем. Кто оказался прав? Я? Нет. Он!

— А кто ему говорил, что Путин избираем? — Ну, Юмашев, наверное… — Волошин?

— Волошин, конечно.

— В народных массах широко распространена версия, что президентом Путина сделал Березовский. Играл ли в

действительности Борис Абрамович какую-то существенную роль в этой «операции» или его участие ограничилось «раскруткой» Путина в СМИ и, соответственно, в уничтожении его соперников, прежде всего — Лужкова и Примакова, в частности, при помощи «телекиллера» Доренко?

— Честно говоря, я не помню, какую роль играл Березовский в выборе Путина. В самом деле, не помню. Говорю, как на духу. Но то, что он принял важное участие в «раскрутке» Путина и в его избирательной кампании, это стопроцентная правда.

Почему все-таки Путин? Задаю Чубайсу все тот же вопрос, который задаю всем, кто так или иначе был причастен к событиям конца лета 1999 года: почему все-таки Ельцин выбрал именно Путина, ведь Путин к тому времени не проявил себя как зрелый политик?

— Лично вам, — говорю, — Борис Николаевич не объяснял этого, вы ведь были близки с ним?

— Нет, он мне этого не объяснял. Он же меня не принял. И он знал, что я против. Чего он мне будет объяснять? В это время я вообще в правительстве не работал. Нет, никаких объяснений я на этот счет не получал. Да и было бы странно, если бы он мне что-то объяснял.

— Вы сказали, что главным критерием для выбора Путина стала его избираемость. Причем вы считали, что Путин ею не обладает, а Ельцин, что обладает… — Да, и он, повторяю, оказался прав, а я не прав.

— Но ведь этому критерию избираемости могли соответствовать и другие люди…

— Нет. В том-то и дело, что нет. В том-то и дело, что нет. У нас были единицы, о ком можно было бы вести речь при таком подходе.

— У Путина первый измеренный социологами «президентский» рейтинг, его измерили 14 августа 1999 года, через пять дней после назначения Путина и.о. премьера составлял… всего лишь один процент. 74 процента ответивших сказали, что прежде вообще ничего о нем не слышали… О каких предпосылках избираемости тут можно было говорить?

— Да дело же не в этом! Все начинают с нуля…

Юмашев о Путине

Итак, как бы о том ни судить, никаких твердых, надежных оснований, чтобы считать Путина потенциальным перворазрядным публичным политиком, государственным деятелем (а кто же тогда президент?) не было. А что же было? Кроме твердости характера, силы воли, кроме тех деловых качеств вполне квалифицированно го чиновника, госслужащего, достаточно высокого (хотя, может быть, и не самого высокого) уровня, которые все время перечисляются, было еще обаяние. Может быть, Борис Николаевич (а заодно и все его советники, формальные и неформальные) действительно поддались прежде всего этому обаянию? Хорошо ведь видно, как и теперь оно, еще более отточенное самоотверженным трудом имиджмейкеров, неотразимо действует на народные массы. Я и сам, глядючи по телевизору на артистические выступления Путина, ему поддаюсь…

— Нет, — возражает мне Валентин Юмашев, — насчет того, что главную роль при выборе Путина сыграло его обаяние, — это полная чушь. Начать с того, что сам он никогда не хотел быть президентом. У него такой идеи вообще не было. Это первое. Второе — обаяние, как известно, используется для того, чтобы делать карьеру. А каждое его очередное повышение происходило из-за каких-то совершенно не зависящих от него обстоятельств. Взять хотя бы такое. Чубайс уходит в правительство с поста главы Администрации президента. При этом забирает с собой пол администрации. Предлагает мне занять его место. Но я не администратор. У меня нет ни опыта административной работы, ни людей. Я отказываюсь. Чубайс меня уговаривает, обещает: «Я тебе наберу команду». В конце концов, увидев, кого он предлагает в эту самую «команду», я соглашаюсь. Среди подобранных Чубайсом кандидатов был и Путин: его он предложил на место Кудрина (руководитель ГКУ — заместитель главы Администрации). Никакого путинского обаяния тут не потребовалось…

Второй случай — так называемый «писательский скандал» (помните, Чубайс и ряд его близких сотрудников получили крупные гонорары от одного из зарубежных издательств за еще не написанную книгу о приватизации, после чего «дружественное» Чубайсу телевидение раздуло «дело о коррупции»). Борис Николаевич, вынужденный считаться с «общественным мнением», увольняет Казакова, через какое-то время отстраняет от должности Бойко, Коха… — всех, кто участвовал в этом скандале.

Кроме самого Чубайса.

Казаков, который, по рекомендации Чубайса, занимал должность первого зама главы администрации, оставляет после себя пустое место. Я ставлю на это место Викторию Митину, однако вскоре понимаю, что ошибся: она явно «не тянет». Я увольняю ее и смотрю, кто бы из числа моих замов мог бы стать первым. Этот? Этот? Этот? И останавливаюсь на Путине. Почему? По чисто технологическим соображениям.

Ни каких-то особенно близких отношений у меня с Путиным не сложилось, вообще не было ничего личного… Просто Путин грамотно, точно работал с регионами, много ездил по стране (работа в ГКУ этого требует). За этот год с небольшим, в течение которого он пробыл на этом месте, он хорошо узнал всех губернаторов. Обо всем этом я мог судить достаточно уверенно: я с замами встречался раз в неделю, так что у меня набралось, наверное, более полусотни встреч с Путиным, это кроме встреч на различных совещаниях. Так что я был уверен: Путин вполне готов был к тому, чтобы подняться на ступеньку выше. Не пытался он ни понравиться кому-то, ни произвести на кого-то хорошее впечатление…

Вообще было ощущение, что он не очень-то и дорожит своей работой. После он мне говорил: «Если бы ты не поставил меня в тот момент первым замом, я бы ушел… Потому что машина уже работала, и мне не очень хотелось там просто так сидеть».

И вот он стал первым замом. Это серьезная должность. Когда глава Администрации куда-то уехал или его просто нет на месте, за все отвечает первый зам. То есть это серьезный политический игрок. Соответственно, и число встреч Путина с Борисом Николаевичем автоматически увеличилось во много раз…

Короче, возвращаясь к вопросу об обаянии, Путин не то что никогда не «включал» это обаяние, напротив, если бы он хотел кого-то «обаять», он бы делал все точно наоборот, нежели он в действительности делал. Он вообще не предпринимал ничего, чтобы начальство к нему хорошо относилось. Попросту абсолютно методично выполнял круг своих обязанностей…

Буйнакск, Москва, Волгодонск…

31 августа 1999 года произошел взрыв в торговом центре под Манежной площадью. О нем сейчас мало вспоминают, хотя именно он положил начало серии громких терактов той осени. Не вспоминают, надо полагать, потому, что погибших, к счастью, не оказалось, лишь раненые, 29 человек.

Следующий взрыв был уже не таким «щадящим». 4 сентября поздно вечером взорвали жилой дом в одном из военных городков в дагестанском Буйнакске, где как раз в это время шли боевые действия между федералами и чеченско-дагестанскими боевиками. Дом взорвали, подогнав к нему машину со взрывчаткой. Погибли и умерли от ран 64 человека.

9 сентября, рано утром, практически еще ночью, в Москве, на улице Гурьянова, взорвали жилой девятиэтажный дом. Обрушили два подъезда.

Первоначальная «официальная» версия МЧС: взорвался бытовой газ. Об этом сказал сам Путин, открывая утром в этот же день заседание правительства. Однако днем позже объявили, что бытовой газ тут не при чем, сработало взрывное устройство, обнаружены следы гексогена и тротила.

Погибли 106 человек. Множество раненых.

Спустя четыре дня, 13 сентября, еще одна трагедия в столице: взрывом (он случился опять-таки рано утром) полностью разрушен восьмиэтажный кирпичный дом на Каширском шоссе. Погибших 131 человек.

Следующая точка, выбранная варварами-подрывниками, почему-то Волгодонск, возле Ростова. 16 сентября. То же примерное время — раннее утро. Как и в Буйнакске, взорвалась начиненная взрывчаткой автомашина, припаркованная между девятиэтажным панельным домом и зданием местного РУВД. Обрушились фасады двух подъездов жилого дома, начался пожар… На этот раз жертв было несколько меньше — семнадцать…

В какой-то момент некоторым показалось, что череда страшных взрывов, неостановимо следующих один за другим, могут положить конец карьере Путина, что премьерское кресло под ним зашаталось. В других странах такое нередко бывает: кому же и нести ответственность за такой террористический беспредел, как не главе правительства. А в нашем случае к тому же пост премьера только что занял человек, руководивший службой безопасности, тут на него вроде бы ложится двойная ответственность. Во всяком случае, слухи о близкой путинской отставке поползли по Москве.

Однако Кремль тут же категорически опроверг их.

«Этого (то есть отставки председателя правительства. — *О. М.*) не будет, — заявил пресс-секретарь Ельцина Дмитрий Якушкин. — Ельцин считает, что Путин сильный премьер с огромным потенциалом, и он ему доверяет».

При этом Якушкин счел нужным вернуться к истории замены Степашина Путиным, сказав, что решение Бориса Ельцина отправить Степашина в отставку «не было случайным, спонтанным решением». И пообещал: «Придет день, когда мы сможем более подробно говорить о причинах этого решения».

Однако этот день так и не наступил. Широкая публика так и не узнала, почему же все-таки Ельцин снял одного и назначил другого.

Странное происшествие в Рязани

23 сентября утром информагентства сообщили об очередном… как бы это поточнее сказать… подрыве — не подрыве… К счастью, очередной подрыв жилого дома (дело было в Рязани, на улице Новоселова) не состоялся, но, как следовало из сообщений, по чистой случайности: один из жильцов, возвращаясь домой поздно вечером, заметил, как двое неизвестных занесли в подвал здания какие-то мешки… Поднял тревогу.

Сообщения о предотвращенном происшествии предварялись кричащими заголовками. РИА «Новости»: «Минувшей ночью сотрудники милиции обнаружили в подвале жилого дома в Рязани три мешка со взрывчаткой».

Газеты на следующий день уже подробно описывали, как все произошло. «Коммерсант»:

«В ночь на четверг в Рязани была обезврежена мощная бомба, заложенная террористами в подвал двенадцатиэтажного дома. Жертвами теракта могли стать 240 человек, проживающие в нем. Спас их водитель рейсового автобуса Алексей Картофельников, также живущий в этом доме.

Около девяти вечера Алексей Картофельников вернулся после смены домой. Поставил машину в гараж и пошел к подъезду. В цокольном этаже дома расположен круглосуточный продовольственный магазин «День и ночь». Проходя мимо него, водитель обратил внимание на то, что рядом с соседней дверью, ведущей в технический подвал, стоит автомобиль ВАЗ-2107 белого цвета. Цифровой код региона на госномере машины был заклеен бумагой, а на ней от руки написано число 62 (код Рязанской области).

«Из «семерки» вылезли двое мужчин и женщина в спортивном костюме, — рассказывает Картофельников. — Они стали заносить в подвал какие-то мешки. Я находился в слабо освещенном месте, и они меня, к счастью, не заметили…»

Картофельников пробрался в свой подъезд и позвонил в милицию. Патруль примчался минут через пять, но «семерки» на месте уже не было. Спустившись в подвал, милиционеры обнаружили три лежавших друг на друге мешка по 60 килограммов каждый. Верхний был вскрыт. В нем находилось вещество, похожее на сахарный песок, из которого торчали провода. Патрульные сразу же доложили о находке в ОВД. Буквально через несколько минут у дома собралось руководство всех силовых структур города и области.

Жильцов минут за пятнадцать вывели на улицу.

«Было страшно, — говорит жительница дома Татьяна Голубенко. — Но никто не паниковал. Быстро собрали деньги и документы, одели ребенка и уехали к родственникам».

Среди жильцов оказалось несколько инвалидов, которых сотрудникам МЧС пришлось выносить на улицу на руках.

На время обезвреживания бомбы большинство жильцов отправили в расположенный рядом кинотеатр «Октябрь».

«Люди были в шоке, — рассказывает его директор Валентина Рытова. — Но постепенно начали приходить в себя…»

Вскоре к дому приехала опергруппа инженерно-технического отдела муниципальной милиции… Привезенный ими детектор паров взрывчатых веществ показал, что в мешках находится гексоген… Взрывотехники аккуратно разгребли сахар вокруг проводов. Оказалось, что они подсоединены к электронным часам, изготовленным в виде пейджера, и трем батарейкам. Время взрыва было установлено на 5-30 утра. Детонатором служила гильза от охотничьего патрона двенадцатого калибра, заполненная порохом. Часы остановили за семь часов до взрыва».

Не только жильцы едва не подорванного дома, но и вся страна пребывала в шоке. Получалось, что любой дом в любом российском городе может взлететь на воздух, если только этому не помешает какая-то случайность.

Премьер Путин, выступая 23-го вечером в Ростове-на-Дону, попытался приободрить население, сделал упор на то, что «мешки, в которых оказалась взрывчатка», все-таки были ведь замечены! Поставил рязанцев в пример остальным россиянам: мол, «сегодня удалось избежать трагедии в Рязани исключительно благодаря бдительности жильцов дома, позвонивших в милицию и сообщивших о подозрительных мешках, которые неизвестные пытались спрятать в подвале их дома».

Призывы к всеобщей бдительности продолжали раздаваться и на следующий день. Министр внутренних дел Владимир Рушайло, самокритично заявив, что «все мы без исключения оказались не в полной мере готовы к отражению массированной угрозы терроризма», вместе с тем отметил, что все же тут есть определенные положительные сдвиги, вот предотвращен взрыв жилого дома в Рязани.

Эти слова руководитель МВД произнес 24 сентября примерно в одиннадцать утра, а чуть позже, около трех часов пополудни, его коллега глава ФСБ Патрушев в интервью НТВ огорошил всех сногсшибательной новостью:

«Это не был взрыв… И предотвращения взрыва не было… Это было учение, там был сахар. Взрывчатого вещества не было».

Ничего себе! Ну ладно, журналисты не знают, что попытка подорвать многоэтажный жилой дом на сей раз была не настоящей, проводились учения. Ладно, местные рязанские власти, включая губернатора, об этом не знают. Ладно, этого не ведает министр

внутренних дел (хотя его рязанские подчиненные уже с ног сбились, разыскивая подрывников, скрывшихся на белой «семерке» с заклеенным номером). Но, черт возьми, председательто правительства должен обо всем этом знать! Но и он, выходит, не знает…

Странные какие-то, ей-богу, учения. Не встречавшиеся до той поры, я думаю, нигде, ни в одной стране мира.

…Так или иначе, Патрушев во всеуслышание признал, что мешки в подвал рязанского дома закладывали сотрудники его ведомства.

Что касается «учений»… Не все в них поверили. Так, газета «Челябинский рабочий» в номере от 29 сентября, то есть спустя пять дней после заявления лубянского начальника, писала:

«Как стало известно «Челябинскому рабочему» из хорошо информированного источника, никто из оперативников МВД и их коллег в УФСБ по Рязанской области не верит в «учебные» закладки взрывчатки в городе… По мнению высокопоставленных сотрудников правоохранительных органов, жилой дом в Рязани был реально заминирован неизвестными с применением настоящей взрывчатки и тех же детонаторов, что и в Москве… А милиционеры, общавшиеся со своими коллегами-криминалистами, проводившими первую экспертизу мешков, по-прежнему утверждают, что в них действительно был гексоген, и ошибки быть не может. Это показала и специально обученная собака, привезенная на место обнаруженной закладки».

Аналогичную информацию опубликовал ряд других региональных изданий.

«Будем мочить их в сортире!»

С середины сентября глава российского правительства стал прямо утверждать, что хасавюртовские соглашения по Чечне были «ошибкой» и высказался за их пересмотр.

Здесь его охотно поддержали и Дума, и Совет Федерации.

Но что собой представляли Хасавюртовские соглашения? Сам документ, обозначаемый этим именем, был довольно безобидным: в нем фиксировались лишь общие принципы, которым Россия и Чечня обязуются следовать в своих отношениях. Однако позднее под Хасавюртовскими соглашениями стали понимать ряд документов, в том числе подписанных до и после самого соглашения, указы Ельцина, частные договоренности между Лебедем и Масхадовым. Весь этот пакет документов узаконивал полный вывод федеральных войск из Чечни и фактическое предоставление независимости этой республике.

Возможно, российская сторона, в самом деле, пошла тут на чрезмерные уступки. Однако, думаю, эти документы были достаточно приемлемы как первый шаг в направлении к миру на чеченской земле. За ним должны были последовать другие шаги, необходимо было проводить упорную, последовательную работу, чтобы закрепить и развить достигнутые договоренности.

Эмиль Паин, специалист по чеченской проблеме, так писал по этому поводу:

«Мирный договор является лишь первым шагом на пути долгосрочного мира. Если следом за ним не начинается весьма кропотливая работа по рекультивации политического ландшафта, разрушенного длительным вооруженным конфликтом, то даже самые продуманные договоры терпят неудачу. Как раз такой рекультивации не было проведено…»

Говоря проще, требовалась серьезная, кропотливая практическая работа по помощи населению, по восстановлению республики, по обузданию экстремистов, по укреплению во власти людей умеренного умонастроения… Ничего этого сделано не было. Не знали даже, как к этому подступиться. Да и не хотели ничего такого делать. Никакой существенной материальной поддержки республике, отпущенной в свободное плавание, не оказывалось. Средства, которые вроде бы выделялись на ее восстановление, неизменно разворовывались, причем их разворовывание начиналось еще в Москве.

В целом упомянутые выступления Путина были необычайно жесткими и воинственными. Среди прочего, Путин безапелляционно заявил: он-де не сомневается, что между событиями в Дагестане и террористическими актами в Москве и Волгодонске существует связь. Вот так. Взрывы домов только что случились (последний в Волгодонске всего лишь за три дня до путинского выступления 16 сентября), а Путин уже «не сомневается»: там есть «чеченский след». Попробовал бы теперь какой-нибудь следователь, только еще приступающий к поиску виновников этих взрывов, не заметить такого «следа»! С той поры едва ли не после каждого такого происшествия следователи начинали свою работу, держа наготове «презумпцию виновности» чеченцев. А уж если откуда-то сверху следовало прямое указание или хотя бы намек, в какой стороне искать виноватых, тут и говорить нечего…

В полдень 23 сентября федеральная авиация нанесла ракетно-бомбовый удар по грозненскому аэропорту имени шейха Мансура. Об этом сразу же сообщила чеченская сторона. Чеченцы попытались проявить сдержанность: «Оперативный штаб при главнокомандующем ВС Чечни» приказал не открывать огонь по самолетам, чтобы «не провоцировать новые удары, которые могут привести к жертвам среди мирного населения». Было заявлено, что «чеченское правительство намерено использовать политические методы решения проблемы», в частности, срочно провести консультации с лидерами других северокавказских республик, привлечь их к урегулированию ситуации в регионе.

Федералы поначалу заявили, что «не располагают информацией» об авианалете на грозненский аэропорт, однако позже подтвердили, что да, такой налет был: ударам подверглись те объекты на территории аэропорта, «которые используются чеченскими боевиками для совершения террористических актов и разбойных нападений», в частности, склады с оружием и радиолокационная станция. Частично разрушена была и взлетно-посадочная полоса…

Удары были нанесены также по северной окраине Грозного и по окрестностям некоторых селений за пределами чеченской столицы. Произошло существенное продвижение вперед в раздувании огня новой войны: до сих пор авиация бомбила лишь объекты на территории Дагестана или вблизи дагестанско-чеченской границы, теперь же было решено подвергать бомбардировкам «базы террористов» по всей Чечне. Как сказал один из военных, «сегодня, когда боевиков выбили из Дагестана, а Чечня окружена плотным кольцом федеральных войск, переход к этой новой фазе операции вполне закономерен».

Приказ о начале бомбардировок, без сомнения, отдал сам Путин, проведший в этот день утром совещание с силовиками в аэропорту «Внуково-2» перед отлетом в Ростов-на-Дону: бомбы и ракеты посыпались на Чечню менее чем через час после этого совещания.

Уже в Ростове премьер заявил, что «есть общая установка — бандиты будут преследоваться там, где они находятся: если они оказались в аэропорту, то значит в аэропорту». По словам Путина, он решительно намерен прекратить политику заигрывания с бандформированиями.

Снова последовали утверждения, что в Чечне действуют международные террористы, что у него, Путина, есть «точные данные»: там неоднократно бывал даже сам бен Ладен, он поддерживает постоянные контакты с чеченскими боевиками, в Чечне присутствуют его представители.

Вообще-то, насколько известно, бен Ладен редко куда выбирался за пределы своего убежища на границе Афганистана и Пакистана, но вот в Чечне, видите, «неоднократно побывал». На этот счет есть «точные данные».

К этому времени вокруг Чечни была уже сосредоточена почти пятидесятитысячная группировка федеральных войск. Все говорило о том, что вот-вот начнется «наземный этап» операции в Чеченской Республике. При этом, однако, «информированные» люди утверждали, что речь может идти «не о широкомасштабной войсковой операции, направленной на установление контроля над всей территорией Чечни, а о серии спецопераций по уничтожению бандформирований в сочетании с ударами по базам боевиков с воздуха».

Это подтвердил и Путин уже в казахской Астане, куда прилетел из Ростова-на-Дону. По его словам, никакой широкомасштабной военной операции в Чечне не планируется.

24 сентября все в той же казахстанской столице Путин сделал свое знаменитое, можно сказать, обессмертившее его имя заявление:

«Российские самолеты наносят и будут наносить удары в Чечне исключительно по базам террористов, и это будет продолжаться, где бы террористы ни находились… Вы уж меня извините, если в туалете поймаем, то и в сортире их «замочим»…»

С этого времени такого рода полублатные, «народные» речевые обороты сделаются фирменным стилем российского премьера, а впоследствии президента. Без сомнения, многим они придутся по нраву, будут содействовать росту популярности Путина у народных масс.

Решительные жесткие действия нового начальника на Северном Кавказе также нашли живой отклик в сердцах российских граждан. По опросам Фонда «Общественное мнение», проведенным 13 ноября и 11 декабря 1999 года, эти действия одобряли две трети наших соотечественников, отрицательно их оценивали менее одной пятой.

Подавляющее большинство опрошенных высказалось также за то, чтобы федеральные войска продолжали продвижение вглубь Чечни, не останавливаясь ни у Терека, ни у горной ее части (тогда кое-где в прессе еще велись споры об этом)…

В общем, основная масса российских граждан выступала за то, чтобы «мочить их в сортире».

Понятно, что «серия спецопераций» в Чечне переросла, вопреки уверениям Путина, именно в широкомасштабную войну и закончилась взятием Грозного.

Друг голосует за друга

Осенью 1999 года произошло некое «предвыборное» событие, связанное с именем Путина. 29 октября, будучи во Владивостоке, глава МЧС, он же лидер «Единства», Сергей Шойгу прямо заявил:

«Я не скрываю, что мы хотим провести в Госдуму проправительственную фракцию».

Иными словами, «Единство» открыто заявило о себе как о «партии Путина».

Ответный жест со стороны премьера последовал менее чем через месяц. 24 ноября 1999-го Путин сделал встречное заявление: на предстоящих выборах в нижнюю палату и он «как гражданин» будет поддерживать движение «Единство». При этом он назвал две причины такого решения: «Единство» единственное из всех партий и политических движений, которое к этому моменту четко заявило, что оно «будет работать с правительством»; вторая причина: лидер «Единства», министр по чрезвычайным ситуациям Сергей Шойгу его, Путина, «близкий друг».

Что ж, причины уважительные. Ты мне, я тебе.

Результат взаимной симпатии двух друзей (публично высказанной) был четко зафиксирован социологами Фонда «Общественное мнение» уже 27–28 ноября: по данным опроса, проведенного в эти дни, доля тех, кто собирается голосовать за «Единство», выросла почти вдвое с восьми до четырнадцати процентов. По заключению социологов, «столь резкое усиление «Единства» нельзя не увязать с прозвучавшей на прошедшей неделе поддержкой этого объединения со стороны премьер-министра Владимира Путина».

19 декабря состоялись очередные выборы в Госдуму. Коммунисты оказались первыми (24,29 процента), но «Единство» уступило им совсем немного (23,32). Общее мнение было: это триумф Путина, это широко распахнувшиеся перед ним двери в президентство.

Голосуя за «Единство», люди голосовали за Владимира Путина, уверенно констатировал пресс-секретарь этого движения Михаил Маргелов.

«Итоги парламентской кампании стали доказательством того, что Борис Ельцин не ошибся в выборе своего преемника — Владимира Путина. Результаты голосования в Госдуму однозначно определили фаворита президентской кампании», — захлебываясь от восторга, заявил первый заместитель главы кремлевской администрации Игорь Шабдурасулов (именно он нес в администрации персональную ответственность за продвижение «Единства»).

Борис Березовский, ставший депутатом от Карачаево-Черкессии, сказал, что выборы в Госдуму были «важным шагом на пути преемственности власти». И добавил: он не видит «серьезных оппонентов» Владимиру Путину на будущих президентских выборах. По словам Березовского, соперничать с ним может только «мощная интеллектуальная сила», которой пока нет.

Готовность оказать «программную и кадровую поддержку Владимиру Путину на президентских выборах» выразил Союз правых сил устами своего лидера Сергея Кириенко.

Сам Ельцин, по словам Шабдурасулова, также «высоко оценивает итоги парламентских выборов».

Пресс-секретарь президента Дмитрий Якушкин добавил к этому, что его шеф удовлетворен высокой активностью избирателей и призывает россиян относиться к результатам выборов «с уважением».

В общем-то, довольно дежурные слова, мало что выражающие. В действительности, узнав об итогах голосования, убедившись, что его преемник практически получил мощную народную поддержку, Ельцин принял для себя окончательное решение…

«Я не хочу ему мешать»

В последний день 1999 года, 31 декабря, ровно в 9-30 в Кремле началась встреча Ельцина с Путиным. Как ожидалось, как сообщали информагентства, во время этой встречи президент и премьер должны были обсудить «финансово-экономические и политические итоги года, ситуацию на Северном Кавказе, а также перспективы взаимоотношений исполнительной и законодательной власти» (имея в виду результаты только что прошедших думских выборов)…

Однако спустя два с половиной часа в телеобращении к россиянам Ельцин заявил, что досрочно уходит в отставку.

Объясняя это свое решение, совершенно неожиданное для абсолютного большинства его сограждан, он сказал, что «долго и мучительно» размышлял над ним. Не потому, что держался за власть: расхожее утверждение, будто он любыми путями будет за нее держаться, это, по словам Ельцина, «вранье». Просто он хотел, чтобы все произошло, как того требует Конституция, чтобы президентские выборы состоялись вовремя в июне 2000 года.

«Это было бы очень важно для России, — сказал Ельцин, — мы создаем важнейший прецедент цивилизованной добровольной передачи власти, передачи ее от одного президента России другому, вновь избранному».

И все же, по словам Ельцина, он решил уйти раньше положенного срока:

«Я понял, что мне необходимо это сделать. Россия должна войти в новое тысячелетие с новыми политиками, с новыми лицами, с новыми умными сильными, энергичными людьми, а мы — те, кто стоит у власти уже многие годы, — мы должны уйти».

Тут Ельцина подвели спичрайтеры, помогавшие ему при составлении текста: в действительности новому веку и новому тысячелетию предстояло начаться только еще через год в 2001-м. Но больно уж, видимо, хотелось, чтобы все прозвучало покрасивее, подраматичнее.

Дальше у Ельцина следовало признание, в какой именно момент он окончательно решил уступить место Путину. Это произошло после думских выборов:

«Посмотрев, с какой надежной и верой люди проголосовали на выборах в Думу за новое поколение политиков, я понял: главное дело своей жизни я сделал, Россия уже никогда не вернется в прошлое, Россия всегда теперь будет двигаться только вперед. И я не должен мешать этому естественному ходу истории, полгода еще держаться за власть, когда у страны есть сильный человек, достойный быть президентом, и с которым сегодня практически каждый россиянин связывает свои надежды на будущее. Почему я должен ему мешать, зачем ждать еще полгода?! Нет, это не по мне, просто не по моему характеру».

В завершение своего выступления президент попросил прощения у россиян:

«Я хочу попросить у вас прощения за то, что многие наши с вами мечты не сбылись, за то, что нам казалось просто, а оказалось мучительно тяжело. Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним махом, одним рывком сможем перепрыгнуть из серого застойного тоталитарного прошлого в светлое богатое цивилизованное будущее. Я сам в это верил. Одним рывком не получилось. В чем-то я оказался слишком наивным, где-то проблемы оказались слишком сложными… Я ухожу, я сделал все, что мог… Мне на смену приходит новое поколение, поколение тех, кто может сделать больше и лучше».

Ельцин сообщил, что подписал указ о возложении обязанностей президента России на председателя правительства, который будет исполнять эти обязанности в течение трех месяцев до новых выборов. Сказал, что всегда был уверен «в удивительной мудрости россиян», а потому не сомневается, какой выбор они сделают в конце марта 2000 года.

Близкие к Ельцину люди утверждают: прежде всего, он был озабочен тем, чтобы передать власть человеку, при котором Россия продолжала бы двигаться в том же направлении, в каком ее двигал и он (собственно, Ельцин сам об этом сказал в своем последнем обращении к россиянам). Пока он не нашел такого человека и не убедился, что серьезных препятствий на его пути в президенты нет, он не уходил с президентского поста, хотя мог бы уйти и раньше, чем 31 декабря. Опасения на этот счет в его окружении были: весну, лето, начало осени 1999-го Ельцин провел в состоянии необычайного психологического напряжения. Как рассказывают, из-за всякого рода конфликтов, нападок, которым он подвергался, «внутри у него все клокотало».

Главным толчком, побудившим Ельцина досрочно уйти в отставку, стали, повторяю, декабрьские выборы в Думу, успешное выступление «Единства». Об этом вскользь сказано и в его прощальном телеобращении. Успех новорожденного политического движения, как полагал Ельцин, означал, что дорога в Кремль для его преемника, имя которого уже прочно связали с «Единством», открыта. Для него это было своего рода внутренним освобождением: «Все, я нашел человека! Мы выиграли!» И настроение у него переменилось. Ельцин обрел уверенность: с Путиным он «попал в десятку». Наступило душевное спокойствие…

О чем говорили Ельцин и Путин

Если быть совсем точным, досрочно уступить свое место Путину Ельцин решил еще до думских выборов, незадолго до них, когда, в общем-то, стало ясно, что «Единство» добивается высокого результата, выходит на второе место. Во всяком случае, Путину он сказал об этом своем желании на их встрече в своей загородной резиденции 14 декабря (выборы, напомню, состоялись 19-го). Правда, не уточнил, когда именно он собирается покинуть Кремль.

Путин не ожидал досрочного ухода Ельцина. Да и во обще такое решение уйти раньше срока не было характерно для Бориса Николаевича. Но он-таки его принял, это решение. Главным аргументом, скажу еще раз, послужил удачный старт недавно созданного и быстро ставшего «пропутинским» «Единства».

Ну и, кроме того, Ельцин, конечно, просто устал… Это не вызывает сомнения.

Что касается Путина, он, надо полагать, к этому времени психологически уже был готов к тому, что займет ельцинское место, и, по-видимому, был рад, что томительный период ожидания закончился, ситуация становилась более определенной. Хотя каких-то внешних проявлений этой его радости никто не заметил.

Более того, он вроде бы даже был удручен приближающейся довольно резкой переменой в своей судьбе. Первая его реакция была: «Думаю, я не готов к этому решению, Борис Николаевич». Такая реакция «обескуражила» Ельцина…

Об этом своем разговоре с президентом Путин рассказал на встрече с Волошиным, Юмашевым и Татьяной Дьяченко. По словам его собеседников, он действительно был довольно сильно удручен. Однако все четверо пришли к заключению, что отставка президента состоится где-нибудь весной 2000 года, так что всерьез говорить об этом рано. Никто не мог предугадать, что это произойдет в ближайшие недели.

Вторая «предотставочная» встреча Ельцина и Путина состоялась утром 29 декабря. Как только преемник вошел в его кабинет, президент, по его словам, сразу почувствовал, что он, Путин, «уже другой, более решительный, что ли».

Ельцин сказал своему гостю, что решил уйти 31 декабря…

О чем говорили Ельцин и Путин во время двух последних (перед ельцинским уходом) встреч? Широко распространен и прочно вбит в человеческие головы миф, будто главной темой их разговоров была тема бытового обустройства и гарантий безопасности, неподсудности Ельцина и членов его семьи после ухода президента. Будто бы Ельцин запросил у Путина соответствующих гарантий, а Путин пообещал их предоставить. Люди информированные — те, кому вполне можно верить, — утверждают, что никаких таких разговоров не было: мол, не царское это дело — говорить о таких пустяках; как все должно сложиться в дальнейшем для экс-президента, ясно было и без всяких разговоров, все это подразумевалось само собой.

Но не было будто бы в разговорах двух мужей и несравненно более важной темы о сохранении курса, о том, что Путин, став президентом, продолжит движение по той дороге, которую проложил Ельцин. Единственно, что вроде бы можно отнести к этой теме, это обращенные к Путину и всеми уже услышанные слова Ельцина: «Берегите Россию!»

Ясно, однако, что эти слова можно повернуть как угодно.

Не было и обсуждения кадровых вопросов. Юмашев:

«Все разговоры о том, что Ельцин будто бы просил сохранить на своих постах каких-то чиновников, например, Касьянова, Волошина, Рушайло — полная чушь. Ни о ком он не просил: «Оставьте, кого считаете нужным»».

После решающего разговора и сообщения президента, что он твердо решил уйти в отставку, Путин, с разрешения Ельцина, переговорил с силовиками, сказал, что после ухода своего предшественника он их всех оставит на своих местах (что он и сделал).

Что касается указа о бытовом обустройстве и неприкосновенности ушедшего главы государства, который, собственно, и стал основанием для того мифа, о котором говорилось выше, он возник сам собой в силу элементарной практической необходимости. Никакого документа, который бы регламентировал детали перехода власти от одного президента к другому, в ту пору не существовало. Так что после того, как Ельцин подписал указ о собственной отставке, ему уже можно было не выделять ни денег на существование, ни даже подавать машину, чтобы он мог покинуть Кремль… В этом деле царил простой и примитивный порядок: если нет указа или хотя бы устного распоряжения действующего (или исполняющего обязанности) главы государства, ни одна машина ФСО не сдвинется с места, ни один сотрудник этого ведомства не будет привлечен к охране ушедшего руководителя…

По этой причине и появился этот пресловутый указ (после трансформировавшийся в закон) о гарантиях экс-президенту.

Естественно, этот указ (а после закон) касался не только Ельцина, но и любого другого российского президента, который в будущем оставит свой пост.

В указе, подписанном Путиным, перечислялись в общем-то обычные для подобных случаев «правовые, социальные и иные» гарантии, пожизненное денежное содержание (75 процентов месячного «вознаграждения» действующего президента),

государственная охрана самому экс-президенту и членам его семьи, проживающим вместе с ним, медицинское обслуживание в том объеме, каким оно было в момент отставки президента, пожизненное пользование одной из госдач, право бесплатно пользоваться правительственной и другими видами связи, содержать за счет бюджета аппарат помощников и т. д.

Ельцин на пенсии

Уже в марте о Ельцине почти ничего не стало слышно (разве что в один из дней мелькнул на модном спектакле). А ведь начал он свою пенсионную жизнь весьма бурно — «знаковой» поездкой в Святую землю на православное Рождество.

Это был вояж не пенсионера, а как бы все еще президента, хотя формально президентский срок Ельцина к тому времени уже неделю как закончился. Огромная, в полтораста человек, свита, почти президентский протокол (некоторые изъятия из него мог заметить разве что наметанный глаз специалиста), почести, полагающиеся лишь первому лицу, небывалый ажиотаж среди журналистов… Прилетел Ельцин на президентском самолете, привез с собой президентский автомобиль, прочую «кремлевскую» технику (за исключением разве что «ядерного чемоданчика»)…

Главное же — собственное тогдашнее самоощущение Ельцина. Было такое чувство, что он как бы запамятовал, что произошло с ним 31 декабря, воспринимает свое отречение от престола как некий сон, который уже почти развеялся. Только так можно было истолковать его тогдашние реплики: «На Святой земле чувствую себя, как святой!», «Я еще в отставке не побывал. Имейте в виду — я еще святой президент!» Или утверждение, сделанное на встрече с Арафатом: дескать, все, что происходит в России, — в его, Ельцина, руках; Путин у него под контролем, и выбирал он его из двадцати человек (откуда взялись эти двадцать, одному Богу известно).

После этого поползли слухи, что Ельцин в самом деле по-прежнему остается президентом: ведь указа о его уходе с высокого поста и о назначении Путина исполняющим обязанности никто не видел. А вся эта предновогодняя процедура передачи власти — всего лишь спектакль, преследующий какие-то тайные политические цели.

В окружении Путина такой поворот событий, по-видимому, произвел переполох: что-то еще «отчебучит» «дедушка»? Надо полагать, было решено как-то укротить выплески его остаточной энергии. Этому, по всей вероятности, и были в основном посвящены разговоры Владимира Владимировича с Борисом Николаевичем после возвращения последнего из Святой земли на грешную российскую.

Возможно, отзвук тех разговоров мы услышали 23 февраля в показавшихся многим странными словах Ельцина, когда он оценивал деятельность своего преемника и как бы намечал свою будущую роль при нем: «Он (Путин. — *О. М.*) выбрал правильный путь, который был определен еще при мне, и твердо этот путь держит». «Я поддерживаю и буду поддерживать Путина до дня выборов, а затем мы станем ВМЕСТЕ РАБОТАТЬ (выделено мной. — *О. М.*)»

Тут вроде бы отчетливо слышатся увещевания престолонаследника, адресованные отставному монарху: да, да, Борис Николаевич, все будет так, как мы договаривались — вы займете пост, и мы будем «вместе работать»; давайте только подождем до выборов, а то ведь кто-то может все неправильно истолковать.

Какой пост может занять Ельцин — главного президентского советника, пожизненного сенатора, главы российско-белорусского союза, какой-то еще— совершенно не важно. Может и никакого не занять. Важно то, что, по-видимому, он хотел бы играть роль Дэн Сяопина, неформального лидера, этакого небожителя, остающегося в тени, но определяющего ключевые направления государственной политики. Одним словом — «святого президента». (Восемь лет спустя в конце 2007-го такое же неодолимое желание возникло у самого ельцинского преемника).

Не исключено, на каком-то этапе престолонаследник обещал ему что-то подобное, однако, скорее всего, раз за разом, от разговора к разговору объем обещаемого сокращался, как шагреневая кожа…

Можно предположить, что для достижения той же цели, поглощения и погашения нерастраченной ельцинской энергии, пригодилось и еще одно проверенное, безотказное средство — сочинение мемуаров. Сидя на даче, Ельцин надиктовывал своему традиционному литзаписчику Валентину Юмашеву (удалившемуся от нелюбезных ему административных и политических дел) очередную книгу воспоминаний. Условное название — «Полуночные дневники» (в окончательном виде мемуары стали называться «Президентским марафоном»).

В общем, человек был при деле. Некоторое недоумение вызывало, правда, то, что еще в начале января тогдашний пресс-секретарь Ельцина Дмитрий Якушкин говорил, что ничего не знает о намерениях своего шефа сочинять книгу. Как он предполагал, главное занятие Ельцина в ближайшее время будет заключаться в другом: теперь его шеф много времени станет уделять встречам с различными политиками, государственными деятелями — либо в Горках, либо в Кремле, где ему будет предоставлен кабинет рядом с «главным кабинетом страны». Якушкин: «Это не значит, что он будет вмешиваться в дела, но он будет КАК-ТО РУКОВОДИТЬ (выделено мной. — *О. М.*)».

В реальности получилось как раз наоборот: основным занятием Ельцина в тот период сделались мемуары. Что касается «многочисленных встреч»… Кроме встречи с Путиным и министром обороны Сергеевым, никаких таких «саммитов» вроде бы не было. Возможно, они были кем-то сочтены не очень желательными…

Если говорить о наших согражданах, к этому времени они окончательно распростились с Ельциным как с политиком, воспринимали его как обычного пенсионера (из анекдотов той поры: «Москва. Кремль. Путину. Володя, когда заплатишь пенсию за январь? Ельцин»). Опрос, проведенный в марте ВЦИОМом, показал: первый президент России пользуется сейчас наименьшим доверием россиян, то есть попросту никаким — он получил ноль процентов.

Выборы

Президентские выборы состоялись 26 марта 2000 года. Уже в конце этого дня стало ясно, что Путин побеждает с довольно большим — более 16 процентов — отрывом от следующего за ним вечного коммунистического кандидата в президенты Зюганова.

Окончательные итоги выборов были опубликованы 5 апреля. Преимущество фаворита стало еще больше:

Путин почти 53 процента, Зюганов несколько более 29-ти. На третьем месте оказался Явлинский, обогнавший Тулеева, ранее занимавшего это место, 5,8 процента.

Никто из остальных восьми кандидатов не преодолел трехпроцентного барьера, так что всем им предстояло вернуть в казну деньги, полученные на предвыборную агитацию…

Интереса ради можно все же перечислить, в каком порядке выстроились эти аутсайдеры: Аман Тулеев (более 2,2 миллиона голосов), Владимир Жириновский (несколько более 2 миллионов), Константин Титов (около 1,2 миллиона), Элла Памфилова (почти 759 тысяч), Станислав Говорухин (около 329 тысяч), Юрий Скуратов (более 319 тысяч — совсем неплохой результат для героя «кассетного» скандала), Алексей Подберезкин и Умар Джабраилов — оба менее чем по 100 тысяч.

Итак, Путин президент…

В «Президентском марафоне» Ельцин пишет, что когда он узнал об этом фактически уже свершившемся событии 26 марта 2000 года, то пришел в восторг:

«Я от волнения не мог усидеть на месте. Победа! Быть может, главная моя победа! Господи, как долго я этого ждал!»…

«Скукота, делать нечего. Путина избрали…»

Беспокоиться о своем будущем и думать о каких-то гарантиях стоило разве что Березовскому и Абрамовичу: не все нажитое ими было нажито, мягко говоря, трудами праведными. Однако Борис Абрамович, как мы видели, немало сделал для избрания ельцинского преемника, так что у него не было каких-то оснований для беспокойства. У него не было никаких сомнений, что Путин о нем не забудет и что ему, Березовскому, не нужны какие-то особые заверения в дальнейшем безбедном существовании (вообще-то, как мы видели, Путин действительно «своих» не сдает). Когда же он убедился, что Путин как президент совсем не тот, за кого он, Березовский, его принимал, Борис Абрамович, как говорится, сам полез на рожон, пошел войной на нового главу государства. Хотя мог бы, наверное, заботясь о своих личных интересах, о том, чтобы сохранить те самые полученные будто бы от Путина гарантии, действовать более осторожно.

Борис Немцов так об этом вспоминает:

«Вскоре после инаугурации Путина Березовский ко мне пришел и сказал: «Скукота, делать нечего. Путина избрали, теперь можно балдеть». Я его заверил: «Не бойся, не соскучишься. Скоро тебе мало не покажется». Он тогда дико смеялся. А потом, через некоторое время, смеяться перестал…»

Что касается Абрамовича, тот при Путине действительно не только сохранил, но и умножил те жизненные блага, которыми располагал. Но, разумеется, вовсе не благодаря каким-то гарантиям, которые Путин будто бы дал ельцинскому окружению. Совершенно ясно, что Роман Аркадьевич абсолютно самостоятельно нашел путь к сердцу Владимира Владимировича, стал (или остался) одним из его ближайших друзей и доверенных лиц, пользующихся неограниченным благорасположением своего высоко вознесенного друга. Достаточно вспомнить, как государство не без разрешительной отмашки Путина, разумеется, заплатило Абрамовичу тринадцать миллиардов долларов за пакет акций «Сибнефти».

Немцов:

«Да, пожалуй, единственный человек в этой команде, который умудрился процветать и при Ельцине, и при Путине, — это Абрамович. Об уровне его близости с Путиным и его влияния на президента можно судить хотя бы по такому факту. В декабре 2007-го, когда преемником назначали Медведева, буквально накануне, Абрамович побывал у Путина в Ново-Огареве. Официальная сводка об их встрече была абсолютно сухой и невыразительной, что-то в таком роде: «Обсуждали социально-экономическое положение Чукотки». Вы можете в это поверить, что в тот важнейший для России момент этих двух джентльменов действительно обеспокоила ситуация на Чукотке?»

Не знаю, тогда, может быть, это было случайное совпадение. В конце концов, почему бы чукотскому губернатору и не поговорить с президентом о подведомственном ему регионе? Но доказательств сердечной дружбы Путина и Абрамовича и без того достаточно.

Все критикующие начальство — экстремисты

Став президентом, на словах Путин не однажды выступал за то, чтобы гражданам не чинились препятствия в проведении митингов и демонстраций. Да, собственно, не только на словах: в апреле 2004 года, например, он воспротивился принятию Думой законопроекта, ограничивающего соответствующие права граждан (ретивые думцы уже приняли его в первом чтении).

«Кому это нужно сегодня: в условиях нашей действительности ограничивать права и свободы граждан на демонстрации и шествия? Не должно быть никаких ограничений, с этим связанных», — заявил Путин на совещании в Кремле.

Однако на деле полицейщина достигла при Путине таких масштабов, каких Россия не знала с советских времен.

В июле 2006 года Путин подписал поправки к закону «О противодействии экстремистской деятельности». Понятие «экстремизм» в нем безмерно расширялось. В частности, экстремизмом теперь предлагалось считать деятельность, направленную на «осуществление массовых беспорядков… по мотивам идеологической, политической… ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы», «публичную клевету в отношении лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации».

Стало быть, под определение «экстремизм» отныне попадали не только, допустим, действия «лимоновцев», проникших в приемную Администрации президента, но и организация шествий, митингов с лозунгами против власти, против правящей бюрократии, участие в этих шествиях и митингах. Ведь власть, правящую бюрократию вполне можно отнести к «социальной группе» — это понятие довольно неопределенное.

Более того, к экстремизму теперь можно было отнести любую критику того или иного высокопоставленного чиновника, любое выступление оппозиционного политика, в котором он обвинял представителей власти в коррупции или в нарушении прав и свобод граждан, расценив эту критику как клевету. Правда, квалифицировать соответствующую публикацию или выступление в таковом качестве должен был суд, но за этим у нас, как известно, дело не станет…

Вспоминается анекдот советских времен. В колхоз приезжает иностранная делегация. Картина неприглядная: дороги разбиты, машины буксуют в грязи, на фермах — дерьма по колено… После отъезда гостей инструктор райкома набрасывается на председателя чуть не с кулаками: «Ты что же, сукин сын, дороги не поправил, на фермах не навел порядок! Они же такое про тебя напишут!» — «Та нэхай клевещуть» — спокойно отвечает председатель.

Так и здесь: что бы ты ни сказал про начальство, — все будет клевета.

По-новому расшифровывалось и понятие «экстремистские материалы»: как говорилось в «поправленном» законе, — это «предназначенные для обнародования документы либо информация… призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности». Так что опять-таки любые статьи, заметки, интервью, где содержалась критика власти, чиновников, любые пропагандистские, предвыборные материалы оппозиционного свойства можно теперь было отнести к экстремистским, а тех, кто так или иначе причастен к их созданию и распространению, — к экстремистам.

Как видим, новый закон со всех сторон обкладывал всех оппозиционеров, всех несогласных, всех чем-то недовольных: не моги супротив нас слова сказать — засудим!

Естественно, людей, которые попадали в категорию «экстремистов», теперь ожидали более суровые наказания, нежели те, которые полагались, допустим, просто «хулиганам» или «клеветникам» (наиболее часто используемая еще с советских времен квалификация для всякого рода оппозиционеров и диссидентов; помните частушку про Владимира Буковского: «Обменяли хулигана на Луиса Корвалана»?)

Устранение опасного конкурента

Выборы при Путине вообще стали постепенно терять свое истинное предназначение — предоставлять людям возможность выбирать тех, кого они хотят, и, в конце концов, превратились в обыкновенный фарс.

Решительный шаг по разрушению выборного законодательства был предпринят летом 2006 года — на выборах всех уровней в избирательных бюллетенях была отменена графа «против всех». К этому времени власть уже наловчилась снимать неугодных кандидатов, оставляя лишь угодных ей, теперь же отменой упомянутой графы она лишила людей последней возможности выразить свой протест. Процент голосования за «кандидата» «против всех» часто бывал довольно высоким. На выборах в Госдуму по одномандатным округам в 1999 году он даже «победил» в восьми регионах, а в 1999-м в трех. Понятно, что это делало менее убедительной победу ставленника власти (а победителем теперь, как правило, становился такой ставленник). Власти это было совершенно не нужно…

Кстати, власть еще, видимо, беспокоило и то обстоятельство, что, по опросам, на предстоящих президентских выборах 2008 года «против всех» собирались голосовать около 18 процентов граждан, в то время как занявший второе место Дмитрий Медведев получал лишь немногим более десяти процентов. Между тем, по закону, если протестное голосование превышало число голосов, поданных за фаворита, выборы признавались недействительными…

В стремлении свести к минимуму значение выборов власти к концу 2006 года вошли во вкус. В ноябре Комитет Госдумы по конституционному законодательству и государственному строительству, надо полагать, по звонку из Кремля, рекомендовал отменить порядок, по которому выборы признавались состоявшимися лишь в том случае, если к урнам пришло хотя бы какое-то минимальное число избирателей.

Деятели оппозиции пытались протестовать против этого безумного и наглого шага.

Лидер СПС Никита Белых:

«Я просто в шоке от этого предложения. Если оно будет принято, выборы превратятся в откровенный фарс… В ходе своих поездок по стране я убедился, что интерес избирателей к выборам крайне низок, а в случае принятия предлагаемой поправки процесс полного отстранения народа от власти можно будет считать завершенным».

Зампред «Яблока» Сергей Иваненко:

«Отмена минимального порога явки избирателей на выборах окончательно уничтожит выборную систему. В этом случае было бы честнее просто перейти к назначению не только губернаторов, но и депутатов, чтобы не портить людям выходной день — день выборов в Госдуму и другие органы. После этого шага Россия автоматически будет зачислена в список тех стран мира, в которых демократией даже не пахнет».

Другой зампред «Яблока», будущий председатель этой партии Сергей Митрохин:

«Партия власти уже не знает, что еще можно придумать, чтобы избавиться от конкурентов. Административный ресурс используется на сто процентов, теперь они правят и законы под себя».

Эти протесты, разумеется, никак не повлияли на намерения власти. В декабре 2006 года нижний порог явки на любых выборах был отменен.

Таким образом, в принципе, исход выборов теперь могло бы решить лишь голосование начальства. А, если идти еще дальше, голосование одного человека. Но власти не смущала абсурдность такой ситуации.

В избирательное законодательство была внесена также норма, согласно которой во время предвыборной агитации нельзя критиковать конкурентов, надо, дескать, лишь излагать собственную программу. Опять-таки норма весьма диковинная, сводящая на нет предвыборную борьбу.

Наконец, чтобы укрепить верховенство «Единой России» в Госдуме, планка, которую необходимо было преодолеть партии, чтобы попасть в нижнюю палату, была повышена с и так не маленьких пяти процентов набираемых голосов до семи. С этой же целью партиям было запрещено объединяться в предвыборные блоки…

Фальшивая демократия

То, что за время правления Путина ситуация со всеми человеческими правами и свободами ухудшилась, ухудшилась резко, было видно невооруженным глазом. О том же самом говорили и социологические замеры, которые регулярно проводят международные правозащитные организации.

В 1998-м, оценивая тогдашнюю ситуацию в мире, организация «Фридом Хаус» с удовлетворением заявила, что число людей на планете, живущих в свободном обществе, впервые превысило число людей, чьи права ущемляются. «Фридом Хаус» разделила все страны на три категории: свободные (они составляли 48 процентов от общего числа государств мира), частично свободные (28 процентов) и несвободные (26 процентов). Россия попала в число частично свободных.

Однако при Путине, уже в 2004 году наше отечество, по оценке той же организации, съехало в разряд несвободных.

В своем ежегодном докладе «Свобода в мире», опубликованном в начале 2008 года, в конце второго срока путинского правления, «Фридом Хаус» продолжала относить Россию к несвободным странам. Ей был присвоен один из самых низких баллов: за политические права — шесть по семибальной шкале, а за гражданские свободы — пять (наихудший показатель — семь).

(Впрочем, в предыдущем отчете «Фридом Хаус» при оценке гражданских свобод Россия вообще получила минимально возможный балл, эту самую семерку, — на уровне Кубы, Ливии и Северной Кореи).

По оценке авторов доклада, к началу 2008-го 90 стран (47 процентов) считались свободными, 60 (31 процент) — частично свободными; к несвободным же были отнесены 43 страны (22 процента) — меньшинство; в него-то под руководством Путина и умудрилась попасть Россия; здесь она расположилась рядом с такими странами, как Пакистан, Таиланд, Бахрейн, Иордания, Нигерия и Кения.

(Впрочем, к категории несвободных Россия впервые после девяностых была причислена, как уже говорилось, еще в 2004 году).

По словам авторов доклада, правление Путина оказало отрицательное влияние не только на Россию, но и на бывшие республики Советского Союза. Используя нефть и газ, российские власти оказывают давление на страны, к политике которых они относятся неодобрительно, — на республики Балтии, на Грузию, на Украину и, напротив, щедро помогают авторитарным режимам Центральной Азии, таким как Узбекистан.

Перед этим, в сентябре 2007-го, был еще один доклад «Фридом Хаус», где также говорилось, что ситуация с соблюдением прав человека в России за последние годы ухудшилась. «Россию более нельзя считать демократической страной по всем принятым критериям», — таков был вердикт доклада.

В начале 2008 года свой ежегодный доклад о ситуации с правами человека в различных странах опубликовала также организация «Хьюман Райтс Вотч». Ее общий диагноз, касающийся России, таков: Россия объявляет себя демократической страной без каких-либо на то оснований.

В число «фальшивых демократий» правозащитники, наряду с Россией, включили те же самые Пакистан, Таиланд, Бахрейн, Иорданию, Нигерию и Кению.

Намерения Путина в отношении прессы в начале 2000 года вызывали еще только беспокойство. Сотрудник «Фридом Хаус» Леонард Сасман в интервью «Свободе» (конец марта 2000-го) сказал, что серьезные опасения у этой организации вызывают три обстоятельства: то, что Путин установил прямой контроль над деятельностью Министерства печати, что он с необычайной легкостью ввел, по существу, глухую цензуру на сообщения из Чечни (сюда укладывалась и история с Андреем Бабицким) и, наконец, намерение властей взять под свой контроль Интернет. Последнее намерение пока, слава Богу, в полной мере не реализовалось, хотя, я думаю, все еще впереди. Что касается чиновничьего контроля над СМИ и, в частности, цензуры в Чечне, они как были тогда введены, так действуют и поныне, соединенные со многими другими мерами властей, нацеленными на ограничение свободы прессы.

Уже по итогам 2007 года «Фридом Хаус» поставила Россию на 164-е место из 195 (здесь страны расположены по мере ухудшения ситуации от начала к концу списка). Причем тенденция такова, что дела со свободой слова в нашем отечестве год от года все хуже и хуже.

Примерно такую же оценку дала России и другая международная организация «Репортеры без границ». По уровню свободы прессы она поместила Россию на 144-е место из 169. Здесь она оказалась между Йеменом, где дела обстоят чуть лучше, и Тунисом, где все еще хуже.

Давались и просто качественные оценки, как обстоят в России дела с основными политическими свободами. Организация «Эмнисти Интернэшнл» опубликовала доклад под названием «Российская Федерация: ущемление свободы выражения мнений», где делался вывод, что в России год от года все больше, «планомерно и методично» ограничиваются основные свободы: все меньше места для инакомыслия, независимых СМИ и независимых неправительственных организаций. Чаще всего преследуются и запугиваются «правозащитники и правозащитные организации, получающие зарубежное финансирование», — их обвиняют в «непатриотичности» или даже в шпионаже.

Один из разделов доклада был посвящен ситуации со свободой слова. По заключению его авторов, в России «остается все меньше и меньше места для независимой журналистской деятельности»; более того, журналисты, придерживающиеся независимой точки зрения, сталкиваются с запугиванием и судебным преследованием.

Разумеется, властные чиновники, кремлевская пропаганда отвергали уничтожающую критику, которую направляли в адрес российских властей международные правозащитные организации: дескать, все эти организации политически ангажированы. Однако любому человеку, у кого есть глаза, кто видел, что происходит в России, было совершенно ясно, что в принципе все эти оценки верны. Неточности могли быть разве что в каких-то цифрах, рейтингах, баллах, но они, кончено, не меняли общей картины.

Что касается политической ангажированности, нашим чиновникам вообще трудно представить, что где-то в мире могут быть независимые организации, неподконтрольные ни «вышестоящему начальству», ни власти денежного мешка.

Масштабы коррупции — фантастические

Одна из самых тяжелых российских проблем — коррупция. При Путине ее масштабы разрослись фантастически. Фонд ИНДЕМ провел два фундаментальных исследования на эту тему — в 2001 и в 2005 годах, — и зафиксировал колоссальный рост коррупции. Если в 2001 году на взятку среднего размера можно было купить 30 квадратных метров жилья по среднероссийским ценам, то в 2005 — уже 209 метров, что значительно больше площади двухкомнатной или даже трехкомнатной квартиры.

По подсчетам ИНДЕМа, уже в 2005-м коррупционный рынок в России составлял примерно 300 миллиардов долларов (в 2001-м эта цифра была менее 40 миллиардов). С тех пор он, без сомнения, значительно вырос.

Как считали эксперты фонда, для того, чтобы уровень коррупции в России снизился до уровня, например, Швеции, нужна систематическая работа в течение ста лет. На самом деле никакой такой систематической работы в России не велось — одни только грозные заявления, декларации и «протоколы о намерениях». Правда, время от времени затевались какие-то отдельные «воспитательно-показательные» процессы над той иной командой взяточников, которые широко и победно освещались в прессе. При этом, однако, всегда было подозрение, что это вовсе не начало праведной борьбы с преступниками, как пытались нас уверить, а просто сведение счетов одних коррумпированных чиновничьих группировок с другими или же вовсе дежурный предвыборный пиар.

— Каждые четыре года (с началом предвыборной кампании) мы заново начинаем бороться с коррупцией, — иронизировал президент фонда ИНДЕМ Георгий Сатаров, когда Дума в очередной раз достала из-под сукна законопроект, цель которого — установить контроль над доходами высокопоставленных чиновников и их родственников.

— Ключевая проблема, связанная с ростом коррупции в России, — сказал Сатаров, — это бесконтрольность бюрократии… Это проблема политической системы. Бюрократия стала монопольно властвующей силой и не имеет внешних механизмов контроля, которые обычно осуществляются через политическую конкуренцию, через наличие оппозиции, наличие свободной прессы, спокойно работающих общественных организаций. Ничего этого у нас сейчас нет.

Всего этого, добавлю, страну лишил Путин, заменив все это теми самыми традиционными пустыми декларациями о необходимости усилить борьбу с коррупцией. «Усиливать» борьбу он опять-таки требовал от самой бюрократии, но, по словам Сатарова, не может бюрократия вытаскивать сама себя за волосы из болота.

Пессимистически оценивали положение с коррупцией и зарубежные эксперты. Международная организация «Трансперенси Интернэшнл», измеряющая уровень коррупции в различных странах, поставила Россию на 143-е место из 180 (уровень коррупции опять-таки растет от начала списка к концу). Это приблизительно такой же уровень, как в Хорватии и Венесуэле. Больше брали взяток только в таких наших бывших братских республиках, как Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, и в Африке.

Забавную картину преобразования коррупции ельцинского периода в «путинскую» коррупцию нарисовал в «Новой газете» Кирилл Рогов:

«Сегодняшняя российская коррупция по духу и характеру своему решительно отличается от коррупции 1990-х. Отличается даже внешне. Многочисленные силовики и контролеры, окучивающие сегодня бизнес, выглядят совсем иначе, чем в девяностые. Они приходят в кашемировых пальто, у них дорогие часы на руке, холеные, уверенные в себе. Сегодняшний российский силовик или контролер выглядит совершенно как преуспевающий, средней руки бизнесмен…

В девяностые годы бизнесмены покупали чиновников. Покупая чиновника, бизнесмен обеспечивал себе большую свободу в ведении бизнеса, позволявшую зарабатывать больше денег. Он покупал себе конкурентное преимущество — доступ к ресурсам, собственности, возможность снизить издержки. И именно он, бизнесмен, был главным бенефициаром сделки. Чиновник же, по сути, кормился при его столе. Сегодня главный герой коррупционной сделки, как правило, чиновник. Он приходит со знанием того, как разрушить ваш бизнес или нанести ему значительный материальный урон. И за определенный процент от суммы этого урона с достоинством уходит восвояси. Или указывает, кого надо взять в долю, чтобы спасти дело…

С другой стороны, выплаченный откат не открывает теперь перед бизнесменом новых возможностей. Все работают примерно одинаково, используя одни и те же хитрости и схемы. И откупиться от наезда — это уже не способ улучшить конкурентные позиции, но всего лишь способ минимизации потерь. То есть чистое изъятие доли прибыли…

При Путине российское государство из полуолигархического стало превращаться в полицейско-олигархическое. То есть такое, в котором наибольшая доля ренты сосредотачивается в руках людей, осуществляющих репрессивные функции.

На одной из пресс-конференций Владимир Путин обмолвился, что устал от проблемы коррупции. Этой оговоркой он стремился отделить в нашем представлении эпоху своего правления от системы «огосударствленной» коррупции, ставшей ярчайшей приметой этой эпохи. На самом же деле в созданном им политическом и управленческом механизме репрессии и коррупция — две главные, сопряженные друг с другом шестерни, обеспечивающие дееспособность этого механизма».

«Золотая Колыма — За Путина!»

21 ноября 2007 года, в преддверии выборов в Госдуму (Путин тогда возглавил избирательный список «Единой России) российский президент выступил в Лужниках на «форуме» своих сторонников.

Выступление было обставлено в этаком американском стиле — как предвыборное шоу, как теплая, без церемоний, встреча «простого парня из Техаса» с такими же простыми парнями и девицами — его горячими поклонниками. И одет был Путин по-простецки — без галстука, в черной «водолазке» под серым пиджаком. В гуще поклонников мелькали плакаты типа «Чукотка — за Путина!», «Золотая Колыма — за Путина!»… Все за Путина.

Ясное дело, раз сторонники.

Имея в виду предстоящие думские и президентские выборы, Путин сообщил собравшимся, что в следующие несколько месяцев в России «произойдет полное обновление высшей государственной власти». Полное обновление — дело серьезное. (Если бы только оно действительно произошло!) Но при грядущем «обновлении» необходимо, по словам Путина, решить главную задачу: «сохранить преемственность курса — курса на стабильное, устойчивое развитие страны» и «гарантировать от политических рисков рост благосостояния и безопасность Отечества».

Пожалуй, впервые за свое президентство Путин четко обозначил, кого он считает своими врагами. А враги его — как раз те, кто в своей явной разрушительной деятельности и тайных помыслах посягают на этот самый его курс, создают эти самые «риски» для роста народного благосостояния и безопасности страны. Это те люди, кто хочет видеть Россию «слабым, больным государством», кому хочется, чтобы в России было «дезорганизованное и дезориентированное…, разделенное общество», за спиной которого можно было бы — тут следовал переход к традиционному путинскому фольклору — «обделывать свои делишки, чтобы получать коврижки».

Естественно, — «за наш с вами счет».

Врагов этих Путин, понятное дело, видит не только за рубежом…

— К сожалению, находятся еще внутри страны те, кто «шакалит» (опять фольклор! — *О. М.*) у иностранных посольств, иностранных дипломатических представительств, рассчитывает на поддержку иностранных фондов и правительств, а не на поддержку своего собственного народа.

Тут вспоминается знаменитая басня Михалкова, классика бескомпромиссной борьбы с космополитизмом сталинских времен: «Я знаю: ЕСТЬ ЕЩЕ (совсем, как у Путина. — *О. М.*) семейки, / Где наше хаят и бранят, / Где с умилением глядят/ На заграничные наклейки, / А сало русское едят».

— Конечно, всем нам хорошо известны наши проблемы, — сказал Путин. — Но есть те, кто спекулирует на них…

Здесь-то и следовал перечень тех, со стороны кого приходится слышать эти спекуляции.

— Со стороны тех, кто в течение десятилетий руководил Россией, а в конце 80-х годов оставил людей без самых элементарных услуг и товаров: без сахара, без мяса, без соли, без спичек. И своей политикой, безусловно, подготовил распад Советского Союза. Или спекуляции со стороны тех, кто еще каких-то десять лет назад контролировал ключевые позиции и в Федеральном Собрании, и в Правительстве. Это те, кто в 90-е годы, занимая высокие должности, действовал в ущерб обществу и государству, обслуживая интересы олигархических структур и разбазаривал национальное достояние. Это они нас учат жить сегодня, это они сделали, между прочим, коррупцию главным средством политической и экономической конкуренции. Это те, кто из года в год принимал несбалансированные, безответственные абсолютно бюджеты, обернувшиеся в конце концов дефолтом, обвалом, многократным падением жизненного уровня граждан нашей страны.

Как видим, через запятую с коммунистами, правившими страной в течение десятилетий, Путин, не моргнув глазом, поставил и политиков, находившихся у власти «в лихие девяностые».

Одним словом, главные враги Путина, как выяснилось, — «это все те, кто в конце прошлого века привел Россию к массовой бедности, к повальному взяточничеству — к тому, с чем мы боремся до сих пор».

И вот эти-то изверги и супостаты опять рвутся к власти.

— Они хотят взять реванш, вернуться во власть, в сферы влияния. И постепенно реставрировать олигархический режим, основанный на коррупции и лжи. Они врут и сегодня. Ничего они никому не сделают. В том числе и пенсионерам, которых они многократно обворовали в прежние годы. Вот сейчас еще на улицы выйдут. Подучились немного у западных специалистов, потренировались на соседних республиках, теперь здесь провокации будут устраивать. В общем, я думаю, что ни у кого нет сомнений: эти господа могут только одно, если вернутся к власти, — обворуют опять миллионы людей, набьют себе карманы, но сделают это с присущим им обычно блеском и цинизмом. В этом никто не сомневается.

Путин «забыл», что он сам был среди тех, кто стоял у власти в «проклятые девяностые». Сначала на региональном, питерском, впрочем, тоже достаточно высоком, уровне, а затем и на еще более высоком — в Москве. Чего же, спрашивается, изображать невинность, делать вид, что ты тут совсем-совсем ни при чем, что тебя тогда во власти вовсе не было? Или даже так — что ты

во власти был, но всеми силами противился ее «разрушительной» деятельности, стремился свергнуть «олигархический режим, основанный на коррупции и лжи».

Да нет, и был тогда Путин во власти, причем, как мы знаем, достаточно близко к Ельцину — на посту первого зама руководителя Администрации президента, потом — на посту директора ФСБ и одновременно секретаря Совета безопасности, еще позже — премьер-министра, — и что-то не слышно было, чтобы он, не щадя живота своего, сопротивлялся «антинародным» действиям этой власти, их «губительному» вектору. Не было такого.

Кстати, и с олигархами ельцинский преемник дружбу всегда водил сердечную…

Да и не только Путин занимал в «проклятые девяностые» достаточно высокие посты, осуществлял по России государственную, муниципальную власть, во всем поддакивал власти центральной, в меру способностей проводил ее политику, а потом вдруг «прозрел», влился в армию поносителей той «ужасной эпохи», стал тут в кильватер новоявленному «спасителю отечества». Многие высокопоставленные федеральные чиновники, губернаторы, мэры, руководители республик, депутаты, вполне преуспевавшие при Ельцине, мигом сделались его бескомпромиссными обличителями и критиками, словно бы они вот только сейчас, только что возникли из небытия и начинают вместе с Путиным с чистого листа писать новейшую, правильную, российскую историю. Неувязка получается…

Заключение

Может быть, кто-то из читателей за неимением времени или по какой-то другой причине не сумел прочитать всю эту книгу, довольно объемную, но при этом все-таки сохранил интерес к тому, каким образом и почему Борис Николаевич Ельцин выбрал Путина в качестве своего преемника на президентском посту. Не хотелось бы пренебрегать этим интересом. Чтобы удовлетворить его, можно, наверное, представить такому сильно занятому читателю что-то вроде краткого конспекта этой книги, — того, что у научных работников называется summary. Правда, в конце ученых трактатов summary обычно пишется на английском языке, — для удобства зарубежных коллег, — но я не думаю, что в данном случае следует это делать, не уверен, что англичан, американцев, французов или немцев сильно занимает недавняя российская история. Она и нашихто соотечественников не шибко волнует. Но, как я уже сказал, кого-то все-таки, может, и волнует…

Так что представим summary на русском. Бросим коротко, без деталей, взгляд назад — на ельцинскую эпопею поиска преемника.

О своем преемнике Ельцин стал задумываться давно. Кажется, первым кандидатом на роль преемника, имя которого Ельцин то ли в шутку, то ли всерьез произнес вслух, был Борис Немцов. По воспоминаниям самого Немцова, летом 1994 года, путешествуя с семьей по Волге и приехав в Нижний Новгород (Немцов был там тогда губернатором), Ельцин сказал на открытии нового теннисного корта (оба они и Борис Николаевич, и Борис Ефимович были заядлыми теннисистами):

«Наконец-то я вырастил себе преемника. Он у вас так Нижний Новгород отстроил, у вас такой порядок, вы так его любите (у Немцова в ту пору рейтинг был 70 процентов. — *О. М.*). Я могу спокойно дорабатывать, у меня преемник, он такой молодой, такой спортивный…».

Вот так начиналась ельцинская операция «Преемник»: лето, солнце, Волга, он сам, президент, еще крепкий и бодрый, и рядом тот, кому он как бы завещает свой престол, тридцатипятилетний, стройный, красивый, энергичный парень, человек нового поколения, демократ до мозга костей.

Позже, по словам Немцова, во время их совместной поездки в Штаты, Ельцин уже вполне серьезно представил Немцова президенту Клинтону как будущего российского президента. То же самое произошло и во время визита в Германию (когда оттуда выводились наши войска): Немцов был представлен Ельциным в таком же качестве сменщика действующего российского президента канцлеру ФРГ Гельмуту Колю.

Не думаю, что у Бориса Ефимовича были реальные шансы въехать в Кремль на белом коне. Если и были, он их напрочь разрушил, собрав в 1996 году миллион подписей нижегородцев против войны в Чечне и самолично доставив эти автографы к Спасским воротам Кремля (одну из папок Немцов положил прямо на стол президенту). Ельцину все это, естественно, не могло понравиться: при всей его человеческой широте какие-то «основные инстинкты» советского партработника прочно в нем сидели…

В 1996-м, перед первым туром президентских выборов, выступая на своей родине, в Екатеринбурге, Ельцин вновь заявил, что знает имя своего преемника, имя того, кто станет хозяином Кремля, на этот раз после выборов 2000 года. Самого имени, правда, не назвал, но, учитывая тогдашнюю обстановку, большинство быстро склонилось к одной фигуре генерала Лебедя.

Убежденность, что именно Лебедь — преемник Ельцина окрепла, когда после первого выборного тура президент назначил его своим помощником по национальной безопасности и секретарем СБ, а Лебедь в ответ призвал своих сторонников голосовать во втором туре за Ельцина.

Кто знает, может быть, генерал и в самом деле стал бы преемником, обладай он качествами тонкого дипломата и изощренного чиновника, наберись он терпения на четыре межвыборных года и делай все так, как предписывает негласный карьерный кодекс. Однако таковых качеств у десантника не было, долго терпеть, вести неторопливую позиционную игру он, по-видимому, не умел. Решив, что постоянно болеющий Ельцин уже созрел, чтобы досрочно оставить свой пост, по доброй воле или без таковой, Лебедь пошел напролом, стал готовиться к перехвату власти. Исподволь подгребал под себя ее рычаги, необходимые силовые ресурсы… По существу, готовил военный переворот.

Но команда Ельцина опередила его. 15 октября 1996 года он был снят со всех постов фактически как заговорщик. Хорошо еще в «Лефортово» не попал…

Понятно, что столь драматическое расставание Лебедя с Ельциным перечеркнуло шансы генерала сохраниться в списке людей, которых президент мог бы рассматривать как своих потенциальных преемников.

Однако, перестав быть фаворитом Ельцина, напротив, став его врагом, Лебедь, тем не менее, не расстался с мечтой о президентстве. Выбрал на этот раз неблизкий, кружной путь через Красноярск, сделавшись кандидатом на пост тамошнего губернатора. Победив на этих выборах весной 1998 года, генерал, как многие полагали, вновь приблизился вплотную к кремлевским воротам…

В принципе, как российский президент Лебедь был опасен не только для тогдашней чиновничьей «элиты». Это бы еще ничего. Он бы, наверное, смог реально поприжать коррупцию, попытаться навести порядок во власти (хотя тоже вопрос: многие ли внутри самой власти в этом были заинтересованы?) Однако для страны в целом, для ее исторического развития Лебедь в кресле президента тоже вряд ли оказался бы подарком. Начинать XXI век с очередного социального эксперимента, а генерал

непременно стал бы по-крупному и вряд ли очень разумно экспериментировать, это не могло принести России ничего хорошего.

Правда, еще за два дня до второго, решающего, тура выборов в Красноярске Лебедь заявил, что не будет участвовать в президентских выборах 2000 года, однако никто, разумеется, не воспринял это заявление всерьез: в общем-то, это обычная манера политиков — «не засвечиваться» раньше времени. Собственно говоря, сразу же после победы на губернаторских выборах и сам генерал в эфире НТВ уточнил свои президентские планы, сказал, что не будет баллотироваться в президенты в 2000 году, ЕСЛИ НЕ БУДЕТ «ВОСТРЕБОВАН НАРОДОМ».

Вряд ли те три процента, до которых к осени 1999-го опустился рейтинг Лебедя, свидетельствовали о его высокой востребованности…

Произошло то самое, многими предрекавшееся: рутинная, малоудачная работа в далекой провинции проглотила большую часть былой генеральской популярности…

Еще раз скажу: не думаю, чтобы Лебедь был подходящим вариантом для российского президентского кресла. Полагаю, наилучшим вариантом для Лебедя было бы возглавить Министерство внутренних дел или какую-то другую силовую структуру, нацеленную на противостояние преступности. Уверен, с его железной хваткой и непримиримостью к уголовщине он в короткий срок поприжал бы всякого рода, извините, воровскую сволочь, в том числе чиновничье ворье, неимоверно расплодившееся в последние десятилетия в нашем отечестве.

Другое дело, что министр — не самостоятельная фигура. Над ним еще кое-кто стоит, повыше, кто его может осадить, если он будет проявлять «чрезмерное» служебное рвение. Думаю, это хорошо понимал и сам Лебедь. Потому-то, наверное, и стремился в 1996-м попасть сразу в самое высокое, президентское кресло, минуя министерские…

В августе 1998 года, после дефолта, когда стало ясно, что Сергей Кириенко должен уйти в отставку, Ельцин вновь решил сделать премьером своего «старого боевого товарища» Виктора Черномырдина (с этого поста он уволил его совсем недавно, минувшей весной, но очень скоро пожалел об этом).

При этом, по замыслу Ельцина, речь шла не только о премьерстве, но и о будущем президентстве Виктора Степановича.

В общем-то, большинство влиятельных деятелей, с кем велись предварительные консультации по поводу назначения Черномырдина, его кандидатуру одобрило. Анатолий Чубайс, который долго работал с ЧВС и у которого отношения с ним не всегда были безоблачными, тем не менее, сказал, что если Черномырдин станет президентом и к нему «приставят» нормального премьера, демократа и рыночника, никаких проблем вообще не возникнет: начатое Ельциным движение страны к демократии, свободе, рынку продолжится.

В обращении к россиянам 24 августа Ельцин заявил вполне определенно: «главное соображение» при назначении Виктора Черномырдина исполняющим обязанности главы правительства — «обеспечить преемственность власти в 2000 году».

«Главные достоинства Виктора Степановича, — сказал Ельцин, — порядочность, честность, основательность. Думаю, эти качества будут решающим аргументом на предстоящих президентских выборах. Его не испортили ни власть, ни отставка…»

Однако вскоре стало ясно, что контролируемая коммунистами Дума может не утвердить Черномырдина: красные не собирались ему прощать, что в течение пяти с лишним лет своего прежнего премьерства Виктор Степанович в общем-то, хотя и не очень уверенно, продолжал либеральный курс, намеченный Гайдаром. Угроза, что президент распустит нижнюю палату в случае троекратного неутверждения Черномырдина, на этот раз не очень испугала думцев: левые были убеждены, что в обстановке тяжелого кризиса, начавшегося 17 августа, на новых выборах они получат гораздо больше голосов, чем имеют сейчас.

В общем, охотнорядцы провалили ельцинского кандидата и раз, и другой…

Следовало ли выдвигать его в третий раз? Ельцин заколебался. Возможно, стоило снова пойти ва-банк, как он не однажды это делал, продемонстрировать свою решительность и непреклонность. Однако на этот раз Ельцин дрогнул, отступил, решил уступить оппозиции, заменить Черномырдина на вполне проходного Примакова…

Черномырдин выступил с «прощальной» речью по телевидению, где, в частности, сказал:

«Хотел бы сказать всем, кто в эти дни с пеной у рта нападал на президента, на меня, на само государственное устройство России. Та система власти в стране, которую мы с таким трудом создавали все эти годы, — не просто абстрактные демократические институты. Сегодня это, по сути, то, что позволяет удержать страну над пропастью, вытащить экономику из кризиса. Крушить государство, действовать по принципу «чем хуже, тем лучше» может только тот, кто желает для России беды! Поэтому я еще раз обращаюсь к своим оппонентам. Не тешьте себя иллюзией! Ни красных, ни розовых не будет. Эти цвета закрасят черным и коричневым».

Если вспомнить, как «на ура» Черномырдин был утвержден премьером 14 декабря 1992 года, и сопоставить это с тем, как теперь оппозиционеры, можно сказать, костьми ложились, чтобы не допустить его в Белый дом, контраст разительный. В системе «свой — чужой» левое большинство перестало определять Черномырдина как своего, стало четко относить его к чужим.

Примаков, которому предложили заменить Черномырдина, поначалу довольно упорно отказывался идти в премьеры, уверял, что пост министра иностранных дел, который он в то время занимал (с припиской «и.о.»), его вполне устраивает. Однако, в конце концов, согласился.

Вряд ли Ельцин и его окружение всерьез надеялись, что Примаков и подобранные им министры действительно способны решить те задачи, которые было необходимо решить, однако ситуация в стране после дефолта 17 августа была настолько тяжелая, что самым важным в тот момент представлялось несколько успокоить народ, в котором по-прежнему преобладали «левые», прокоммунистические настроения, добиться этого с помощью соответствующей риторики, на которую Примаков и его единомышленники были большие мастера.

Впрочем, и Ельцин, и его приближенные считали, что правительство Примакова вполне может просуществовать до выборов 2000 года: по-видимому, в Кремле искренне поверили, что Евгений Максимович в самом деле, с ним об этом заранее договорились, не будет претендовать на роль главы государства и, соответственно, не станет помехой для того, на кого поставит власть.

Большинство россиян встретило назначение академика с одобрением. Это назначение действительно в какой-то степени успокоило людей. Имидж сугубо положительного, рассудительного, мудрого, доброго дядюшки, который всегда являл собой этот деятель, в самом деле, вселял в простых людей надежду, что новый премьер сумеет выправить положение, выровнять накренившуюся и изрядно уже зачерпнувшую воды государственную лодку. После семи неспокойных лет реформ многие, наверное, даже большинство жаждали примаковской положительности и надежности.

В общем, правительство Примакова сразу же окрестили «красным», или, по-другому, левым, левоцентристским. Оно и было таковым и по своему составу (экономический блок, например, в нем возглавил бывший председатель советского Госплана Юрий Маслюков), и по тяготению (впрочем, не слишком афишируемому) к старым советским методам управления экономикой, основанным на госрегулировании.

Коммунисты, естественно, считали Примакова «своим» премьером. Не раз заявляли о необходимости оказывать его правительству «максимальную поддержку». При этом, стараясь вывести его из-под атак противника, уверяли, как и он сам, что это правительство вовсе не «красное», оно «буржуазное», но при этом реально оценивает сложившуюся обстановку, старается поднять экономику и повысить уровень жизни народа.

В свою очередь, и Примаков стремился защитить коммунистов от обидчиков…

Чтобы выполнить социальные обещания, правительству Примакова нужны были деньги. Где их взять? Традиционный советский способ их добычи — включить печатный станок. Однако ясно было, что вслед за массовым выпуском «пустых» купюр неминуемо последует всплеск инфляции. Предотвратить его можно было, только получив откуда-то реальные деньги. Но руководители международных финансовых организаций не торопились их давать Примакову. Западные эксперты заметили неприемлемые для них тенденции в экономической политике нового правительства.

Время шло, а экономическая ситуация в стране не улучшалась. Поговаривали даже о возможном повторении дефолта.

Но отставку Примакова приближали не только экономические неуспехи. Как уже говорилось, когда его выдвигали на пост премьера, с ним было заключено своего рода джентльменское соглашение, что он не будет претендовать на пост президента. Однако во время одной из встреч он неожиданно сообщил руководителю Администрации президента Валентину Юмашеву о созревшем у него плане: в 2000-м он все-таки «пойдет» в президенты (больше, мол, «идти» некому), а года через два уступит место другому, более молодому.

По уверениям Юмашева, он не сообщал об этом разговоре Ельцину, но и без того по всей совокупности примет, по всему образу действий Примакова было видно, что намерения у него сделались вполне серьезными. К тому же неудержимо росли популярность и влиятельность премьера, что, разумеется, повышало его шансы на «продвижение по службе»…

Однако у Ельцина никогда не было ни малейшего намерения делать из Примакова преемника (хотя сам Евгений Максимович рассказывал об одном их разговоре, в котором Борис Николаевич вроде бы на что-то намекал…). Вдобавок к тому времени у президента на примете вообще уже имелся совсем другой кандидат в наследники…

12 мая 1999 года Ельцин отправил правительство Примакова в отставку.

Реакция на это народа была резко отрицательной: 81 процент опрошенных Фондом «Общественное мнение» не одобрил отставку премьер-министра и лишь восемь одобрили. Россиянам нравился Примаков. Как уже говорилось, от него веяло солидностью, надежностью, положительностью. Его бы, пожалуй, и президентом избрали…

Кстати, как всегда в таких случаях, рейтинг «обиженного» — в данном случае «президентский» рейтинг — сразу же поднялся: по данным ФОМ, если бы выборы президента проводились в момент опроса, Примаков набрал бы больше всего голосов (22 процента), опередив на пять процентов Зюганова. До отставки «президентский» рейтинг Примакова не превышал 19 процентов.

Президентские амбиции Лужкова стали проявляться давно. Точнее, не проявляться (сам он не торопился делать их явными), а ощущаться обществом. И многими поддерживаться…

В открытую, явную фазу президентские устремления московского мэра перешли после отставки правительства Кириенко, когда встал вопрос о преемнике Сергея Владиленовича. Юрий Михайлович предпринял отчаянный штурм открывшейся перед ним высоты. Особенно активным этот порыв сделался после того, как Черномырдин во второй раз провалился в Думе.

В принципе, Лужков располагал мощной поддержкой: помимо некоторых деятелей президентской администрации, его активно продвигала в премьеры часть региональных начальников. Однако сам Ельцин поставил на нем жирный крест, твердо отчеканив в одном из приватных разговоров: «Кандидатуру Лужкова мы не обсуждаем» (возможно, Юрий Михайлович об этом не знал, хотя, не исключено, и догадывался).

Вне зависимости от своих личных отношений с Лужковым, а они с какого-то момента пошли по нисходящей, Ельцин вообще считал его человеком слишком мелким, недостаточно масштабным, чтобы руководить страной.

Как бы то ни было, окончательно удостоверившись, что Кремль не собирается делать на него ставку как на преемника, Лужков решил двинуться к вершинам власти самостоятельно, фактически первым, хоть и не объявляя об этом, начав президентскую кампанию. Хотя до президентских выборов было еще далековато, чуть менее двух лет, однако «большой мэр», по-видимому, считал, что у него достанет сил выдержать этот марафон: уверенности в этом ему придавал его высокий рейтинг, широкая популярность среди населения.

Стараясь поддержать и увеличить свою популярность, московский мэр, вроде бы безошибочно, выбрал несколько направлений своих постоянных ораторских нападок: беспощадную критику реформаторов, которые «разорили Россию», страстное обличение «воровской» приватизации, в результате которой страна была «разграблена», и бичевание ненавистного для него монетаризма.

По словам мэра, неумелые «архитекторы реформ» нанесли стране ущерб, «сопоставимый с тем, который она понесла в годы Великой Отечественной войны».

Между тем, как известно, Лужков еще недавно (причем, в самые критические моменты — и в 1993-м, и в 1996 году) поддерживал этих «архитекторов», во главе которых как их политический лидер стоял Борис Ельцин.

В пример горе-реформаторам московский мэр ставил «проверенный путь реформ», проложенный столичными руководителями, то есть им самим. В частности, он утверждал, что московская администрация «не дала рас правиться с городской собственностью», сформировала действенную систему городского управления, оказала серьезную поддержку «реальному сектору экономики» и тем самым обеспечила заметный рост производства. По мнению Лужкова, «московская схема развития» вполне подошла бы «для тиражирования в других регионах».

Его противники возражали, что на самом деле никакого рынка в Москве не существует, есть лишь псевдорынок, которым заправляют коррумпированные чиновники из окружения мэра.

С какого-то момента Лужков повел себя как один из руководителей страны, как государственный деятель международного масштаба. Особенно это стало заметно, начиная где-то с сентября 1998 года, когда Лужков понял, что он не входит в число потенциальных преемников Ельцина и ему придется штурмовать властный Эверест своими силами.

Мало-помалу создавалось ощущение, что Лужков почти уже президент. Или, по крайней мере, премьер-министр. В любом случае — не меньше, чем министр иностранных дел. На такие мысли наводила, в частности, необычайно активная деятельность московского мэра на международной арене: его зарубежные визиты, приемы «по первому разряду», которые ему повсюду не без содействия российских послов оказывались, переговоры по важнейшим межгосударственным проблемам, которые он везде вел.

Уже осенью 1998-го, видимо, осознав, что на поддержку Ельцина ему рассчитывать не приходится, Лужков начинает покусывать президента, которому он всегда, по его собственным уверениям и уверениям его приверженцев, вроде бы был предан душой и телом (вспомнить хотя его пафосные восклицания после победы Ельцина на выборах 1996 года: «Россия, Ельцин, свобода! Россия. Ельцин, победа! Россия. Ельцин, наше будущее!»)

В июне 1999 года Лужков, не ограничиваясь прежними намеками и экивоками, повел открытую атаку на Ельцина. Дальше тянуть с этим было некуда. Пора! Все ближе выборы парламентские, а затем и президентские.

Летом 1999-го разразился скандал, связанный с фирмами «Интеко» и «Бистропласта», учредителями которых были жена Лужкова Елена Батурина и ее брат. По сообщениям прессы, Управление ФСБ по Владимирской области выявило ряд фирм, занимавшихся незаконным вывозом за границу многомиллионных сумм валюты. В числе этих фирм будто бы были и две «родственные» Лужкову. Лужков, как лев, бросился на защиту своей супруги, утверждая, что обвинения, выдвинутые против возглавляемой ею фирмы «Интеко», организованы его политическими противниками.

Не ограничиваясь оборонительными действиями, Лужков предпринял мощную контратаку на своих противников.

«Нам нужно менять власть, которая себя опозорила тем, что привлекает силовые структуры к политической борьбе», — без обиняков заявил он на встрече с журналистами 17 июля.

Чем дальше, тем все напористее Лужков выступал против президента и его команды.

При этом все же нельзя сказать, что Кремль так уж сильно опасался этих лужковских атак и самой фигуры Лужкова как

потенциального кандидата в президенты.

Более опасным в едьцинском окружении считался При маков. Экс-премьер представлялся противником более изощренным и сложным.

Соответственно, и самому Лужкову не так-то просто было строить отношения с Примаковым, ему постоянно приходилось лавировать: как-никак, оба они были соперниками, потенциальными претендентами на президентский пост, причем в течение долгого времени — самыми сильными претендентами. Это лавирование давалось мэру нелегко: надо было точно улавливать момент, когда выступить в унисон с Примаковым, когда — поотстраниться от него или даже позволить себе критику в его адрес.

Взять, например, ситуацию с отставкой Примакова. Казалось бы, Лужков должен был испытывать удовлетворение, что «задвинули» его главного и более сильного потенциального соперника на будущих президентских выборах, однако он, по-видимому, прекрасно понимал, что увольнение Примакова, народного любимца, только поднимет его, Примакова, рейтинг, и тут важно не промахнуться, попасть в струю, продемонстрировать совпадение с мнением народных масс, а уж как дело пойдет дальше, там видно будет. Поэтому, несмотря на критику примаковского правительства, Лужков выступил с резким осуждением его отставки.

К концу лета 1999-го позиция Лужкова относительно его президентских вожделений стала обозначаться более отчетливо. И сам он, и его соратники не только принялись утверждать, что московский мэр не собирается баллотироваться в президенты — это они, конспирации ради, твердили и раньше, но, что он «поддерживает кандидатуру Примакова».

Вряд ли эта поддержка была такой уж искренней. Во обще-то, рейтинг экс-премьера в ту пору действительно был выше лужковского рейтинга, так что тут опять-таки могла сказываться просто трезвая оценка соотношения сил. Но, не исключено, и даже скорее всего, ситуация здесь складывалась, как на велотреке: до какого-то момента гонщик, идущий вторым, предпочитает «не высовываться», а ловит мгновение, чтобы неостановимо «выстрелить» из-за спины лидера.

К тому же и с самим Примаковым дело оставалось неясным: то ли он будет баллотироваться в президенты, то ли нет. Евгений Максимович не торопился раскрывать свои карты. Впрочем, думаю, до последнего момента он и сам не знал, стоит ли ему ввязываться в эту игру. Такая примаковская неопределенность была удобна для Лужкова. Он стал заявлять, что «ни при каких условиях не будет выдвигаться» на пост главы государства, если свою кандидатуру выставит Евгений Примаков: наконец-то, мол, «появился человек, которому можно доверить воз в стране». А вот если на президентское кресло станут претендовать люди, «которым нельзя доверять власть», тогда другое дело, тогда он, московский мэр, «вступит в борьбу и будет стараться ее выиграть».

По-видимому, у Лужкова, как у многих других, как у самого Примакова, вовсе не было уверенности, что у Евгения Максимовича возникнет желание вступать в борьбу за пост президента. Правда, мы помним, в пору его премьерства оно в какой-то момент у Примакова возникло, но теперь у него был совсем другой статус, несравненно более низкий. Сможет ли он, стартовав с этой более низкой точки, удачно выступить на выборах? Будучи человеком остро жным, Примаков не мог не испытывать тут колебаний. Понятно, что если бы он так и не сумел их преодолеть, не решился бы вступить в борьбу за пост президента, руки у Лужкова оказались бы развязаны.

Впрочем, если бы даже и вступил, нельзя было заранее предугадать, каково к тому времени к середине 2000 года будет соотношение сил двух «друзей-соперников».

В ответ на атаку Лужкова на Ельцина уже 5 сентября 1999 года ведущий первого канала Сергей Доренко нанес мэру российской столицы ощутимый контрудар, продемонстрировав телезрителям, что не такой уж он, Лужков, девственно-невинный.

«Вот журнал «Культ личности», — сказал Доренко. — Это далеко не первое и не единственное СМИ, которое пишет в том числе о состоянии Лужкова. Его личное состояние журнал оценивает в 300–400 миллионов долларов. Рядом с Лужковым его правая рука, родственник и теневой хозяин Москвы, господин Евтушенков. У Евтушенкова, как пишут, тоже от 300 до 400 миллионов долларов…

И нас эта публикация не удивляет. Я уверен, никто сейчас не удивлен. Ведь человек так долго сидит на Москве, а Москва — город хлебный, у нее деньги всей России. Чему же тут удивляться? Представляете себе сцену, как Ельцин говорит: «Я потребую у Госдумы и у прокуратуры, чтобы они расследовали эту публикацию про Лужкова, а не то стану верить всему написанному»».

Таким образом, Лужков втянулся в громкий скандал накануне думских и, что особенно важно, президентских выборов. Больше всего мэр взъярился после того, как 25 сентября в программе Доренко было рассказано, что семья Лужкова получает деньги от скандально известной швейцарской фирмы «Мабетекс». Посредником при переводе этих денег на личные счета и в оффшоры (указывались суммы, банки), по утверждению ОРТ, был президент «Банка Москвы» Андрей Батурин.

Насколько можно понять, при добывании компромата на мэра использовались серьезная агентура и спецсредства. Так, Доренко сообщал телезрителям, что «уже на следующий день» после выхода программы от 25 сентября упомянутый в ней Андрей Батурин сидел в кабинете у Лужкова.

«Обсуждали, что делать, — рассказывал Доренко. — План разработали такой. Прежде всего, глава фирмы «Мабетекс Германия» должен был осудить меня за сказанное в программе.

От Батурина к генеральному директору «Мабетекс Германия» Хильми Клаппия ушел проект письма. Вот он: «Уважаемый Андрей Борисович, как бы должен написать Батурину Кллапия, утверждение Сергея Доренко о том, что денежные средства по упомянутым в его программе платежным поручениям предназначались для семьи Лужкова, считаю абсурдными и оскорбительными для себя и для фирмы «Мабетекс Прожект инжиниринг».

И место для подписи.

Батурин и Лужков не опубликовали это письмо, потому что Хильми Кллапия его не подписал. Письмецо от семьи Лужкова так и лежит неподписанным».

Вряд ли кто-либо из политиков (да и не только политиков) мог бы устоять перед такой «бомбежкой», перед таким «артобстрелом», идущим при посредстве главного телеканала страны. Беспрецедентные телевизионные атаки не прошли бесследно для лужковского рейтинга.

К октябрю 1999-го особенно резко увеличилось число тех, кто, по их уверению, не будет голосовать за Лужкова ни при каких обстоятельствах, оно сделалось вдвое больше, чем в самом начале, в октябре 1996-го: было 24 процента, стал 51. Здесь, по-видимому, сказались уничтожающие наскоки беспощадного телекиллера: кто же станет отдавать свой голос герою разгромных телепередач? Одни лишь стойкие лужковские «фанаты», которых ничто не могло заставить изменить своему кумиру. Московский мэр выбыл из числа кандидатов на пост президента России.

12 мая 1999 года Ельцин, как уже говорилось, отправил в отставку правительство Примакова. Исполняющим обязанности премьера был назначен Сергей Степашин, до того занимавший пост первого «вице».

Чтобы оправдать «рокировочку» Примаков-Степашин, весьма неожиданную для многих, если не для большинства, президент выступил с телеобращением к гражданам России, в котором попытался объяснить смысл своих действий. Похвалив, как водится, уволенного премьера за проделанную работу, он посетовал, что «в экономике мы по-прежнему топчемся на месте». При этом неожиданно сослался на мнения Явлинского и того же Лужкова: Явлинский, мол, полагает, что в области экономики абсолютный застой, ничегонеделание, а Лужков, поддерживая премьера, в то же время не устает повторять, что процессы в экономике идут крайне вяло. Так что в этой сфере, сказал Ельцин, «необходим серьезный прорыв».

В общем-то, оценка ситуации была достаточно точная, казалось только странным, что задача подъема, прорыва в экономике возлагается не на профессионального экономиста, не на опытного хозяйственника, а на генерала.

И еще одно обращало на себя внимание: в своем телеобращении Ельцин ни слова не сказал о возможном будущем президентстве Степашина, как он это иногда делал в прошлом, представляя других своих назначенцев.

Лишь несколько человек, близких к Ельцину, — Волошин, Дьяченко, Юмашев, — знали, что на роль своего преемника президент уже выбрал совсем другого человека, а Степашин — всего лишь промежуточная фигура.

Рассчитывал ли сам Степашин на президентство? Валентин Юмашев уверен, что рассчитывал:

«Сергей считал, что он очень сильный политик, что, будучи в роли премьера, он сможет убедить Бориса Николаевича, что лучшего кандидата на президентский пост в 2000 году у страны нет. Он был уверен, что сможет удержать ситуацию, сможет продолжить тот же курс, который проводил Борис Николаевич: демократическая Россия, экономические реформы».

Однако 9 августа утром Ельцин принял Степашина, поблагодарил его за хорошую работу и… отправил в отставку. Все произошло примерно так же, как и с Примаковым. Для широкой публики это известие опять стало громом среди ясного неба.

Исполняющим обязанности премьера Ельцин назначил директора ФСБ Владимира Путина.

Отклики на очередную правительственную «рокировочку», естественно, были разные. В основном, как и в случае Примакова, недоуменные. Лужков, например, заявил, что отставка Сергея Степашина выглядит «абсолютно нелогично»: премьер-министру «даже не дали отработать 100 дней». Что касается назначения Путина, то и оно кажется Лужкову непонятным. Хотя он и относится к Путину «довольно ровно», это назначение, по словам Лужкова, выглядит «довольно тревожно»: «здесь нет ясности».

«Мы что, хотим усилить силовые структуры, силовую линию в действиях нашей государственной власти? сказал Лужков. Или же перед нами стоят другие задачи подъема промышленности, стабилизации в сельском хозяйстве и другие».

Были и иные отклики. Борис Березовский высказал мнение, что отставка Степашина объясняется его «недостаточной твердостью»: в частности, он не сумел ни «отстоять позиции Кремля перед лицом оппозиции», ни создать политическую силу с прицелом на парламентские выборы, ни «навязать себя новому блоку «Отечество — Вся Россия».

Вообще-то, Сергей Степашин действительно выглядит довольно мягким человеком, однако за тот срок, который был ему отпущен, и более твердые люди вряд ли смогли бы сделать то, чего хотел бы от Степашина Березовский, например, «создать политическую силу с прицелом на парламентские выборы».

Некие неназванные представители кремлевской администрации (цитирую по сообщению РИА «Новости») утверждали, что Степашин выполнил основную задачу, поставленную перед ним президентом, «полностью пресек возможность левого реванша»: при Примакове реформаторы отступали, при Степашине вернули свои позиции, при Путине должны будут перейти в

наступление.

Непосредственно в день отставки Степашина Ельцин выступил с очередным телеобращением к россиянам. До их сведения было доведено, что основной причиной замены премьера послужило желание Бориса Николаевича за год до президентских выборов обнародовать имя своего преемника на посту главы государства и предоставить ему возможность за оставшийся без малого год проявить себя (хотя прямо слово «преемник», естественно, не прозвучало).

«Я решил назвать человека, — сказал Ельцин, — который, по моему мнению, способен консолидировать общество. Опираясь на самые широкие политические силы, обеспечить продолжение реформ в России. Он сможет сплотить вокруг себя тех, кому в новом XXI веке предстоит обновлять великую Россию. Это секретарь Совета безопасности, директор ФСБ России Владимир Владимирович Путин».

Ельцин добавил, что хорошо знает этого человека, «давно и внимательно наблюдал за ним» еще со времен, когда тот был первым вице-мэром Санкт-Петербурга, а последние годы они с Путиным работали «бок о бок». По словам Ельцина, на всех должностях его избранник «действовал уверенно и твердо, добивался хороших результатов», «имеет огромный опыт государственной работы».

«Я в нем уверен, — сказал Ельцин. — Но хочу, чтобы в нем были также уверены те, кто в июле 2000 года придет на избирательные участки и сделает свой выбор».

Хорошо, конечно, когда президент прекрасно знает своего преемника, однако, неплохо было бы, чтобы и другие люди хоть немного его знали, особенно как государственного деятеля, человека, имеющего «огромный опыт государственной работы». Увы, таким знанием мало кто обладал, да и самого «огромного опыта» у бывшего разведчика за плечами в тот момент, конечно, не было. Даже после того, как Путин стал президентом, у всех и у нас, и за рубежом, в голове и на языке долго еще вертелось: кто же он такой, этот Путин? (Вспомним знаменитый вопрос одного из иностранных корреспондентов, позже он не раз повторялся: «Кто вы, мистер Путин?») Такого полного незнания не было ни при одном из предыдущих назначений на высокий пост ни в случае Черномырдина, ни в случае Примакова, ни в случае Степашина. Ни при первом избрании президентом самого Ельцина.

Каким же образом Путин попал в поле зрения Ельцина? Как на одного из серьезных кандидатов в преемники президент, по-видимому, стал смотреть на него после социальных потрясений лета 1998-го, в частности, после «шахтерского» кризиса, когда горняки перекрывали железные дороги, требуя удовлетворения своих требований. В июле этого года Ельцин по рекомендации Юмашева и Кириенко назначает Путина директором ФСБ: по мнению осведомленных людей, Николай Ковалев, предшественник Путина на этом посту, во время шахтерских волнений показал себя не лучшим образом, «поплыл», ударился в панику. Путин же, как утверждают свидетели, действовал логично и хладнокровно, выдвигал разумные идеи, которые, будучи реализованы, показывали свою эффективность.

Пост директора ФСБ еще больше приблизил Путина к кабинету президента. Теперь уже регулярные, мимо главы администрации и премьера, по крайней мере, раз в неделю встречи Ельцина и Путина вполне соответствовали путинскому рангу.

Как отмечали многие, в общении, в диалоге, в вопросах, ответах Путин всегда производил приятное впечатление. Он прекрасно реагировал на слова собеседника, прекрасно формулировал собственные мысли. Все это, надо полагать, не могло не понравиться и Ельцину.

Второй этап плотного общения Ельцина и Путина начался в марте 1999-го, в момент еще одного кризиса «скуратовского» (напомню: президент пытался снять опозорившегося генпрокурора, однако натолкнулся тут на упорное сопротивление Совета Федерации). Директор ФСБ, как правило, участвовал тогда вместе с премьером и главой администрации в совещаниях, которые Ельцин проводил по этой теме, хотя она вроде бы не относилась прямо к его компетенции.

Уже невооруженным глазом было видно: Ельцин явно выделяет Путина среди других чиновников, причем дело не ограничивается частотой их встреч. Ельцин, например, практически полностью передал на попечение своего нового фаворита Совет безопасности (Путин стал секретарем СБ в марте 1999-го, оставаясь при этом главой лубянского ведомства — такого совмещения не было никогда), ввел его в узкий круг тех, кто решал самые главные вопросы, точнее, давал президенту рекомендации по этим вопросам. В этот круг, помимо Путина и все тех же Волошина, Дьяченко, Юмашева, входили Степашин и Чубайс.

В этот момент, в марте-апреле 1999 года, Ельцин, надо полагать, и подошел вплотную к своему решению сделать Путина своим преемником.

Нельзя, правда, сказать, что Ельцин сразу же, окончательно и бесповоротно, уперся в Путина, не допускал возможности какой-то альтернативы. Начиная с зимы 1999-го он, например, пытался сравнивать Путина со Степашиным, разговаривая то с одним, то с другим. Это продолжалось и тогда, когда Степашин стал премьером. В глазах Ельцина Путин обладал неоспоримыми преимуществами. Говорят, главным для президента стало то, что он убедился: Путин просто сильнее как человек; он гораздо сильнее в отстаивании своих аргументов, своей позиции, держится за нее до конца; если ему не удается убедить собеседника, он предлагает вернуться к исходной точке, к началу спора и все обсудить заново… Казалось бы, это не должно нравиться, сплошь и рядом начальнику больше по вкусу мягкость, податливость подчиненного, позиция «Чего изволите?» Однако Ельцин любил работать с сильными людьми. По оценкам знающих людей, Степашин таковым не был.

Ныне распространено мнение, что Путина Ельцину навязали олигархи. Однако, как утверждают люди осведомленные, никто из этих джентльменов — ни Березовский, ни Абрамович, ни Фридман, — прямого отношения к принятию решения о Путине не имели. Волошин, Юмашев могли обсуждать с ними какие-то темы, выслушивать их мнение, но далее, через барьер из этих двух людей, оно в прямом виде не просачивалось. Решение о том, что и как доложить президенту, принимали Волошин и Юмашев.

Хотя вряд ли кто возьмется утверждать, что на это решение так уж совсем не влияли долгие душеспасительные беседы самых близких советников президента с другими, более отдаленными от «тела».

В принципе, точно так же поступал и сам Ельцин с мнениями этих двоих: выслушивал и говорил «спасибо». По его виду (нередко в таких случаях хмурому) совершенно невозможно было понять, согласен он с тем, что услышал, или нет. И только потом становилось известно, что он решил. Таков, как уверяют, был стиль Ельцина.

В общем, что касается Путина, опять-таки по утверждению знающих людей, преемник был исключительно выбором самого Ельцина.

(При этом, наверное, могло случиться и так, что Путин вполне мог бы стать премьером непосредственно после Кириенко. Если бы не августовский дефолт 1998 года. В таком случае услуг Примакова и Степашина вообще не потребовалось бы. Валентин Юмашев подтверждает мое предположение:

Да, я думаю, так оно, скорее всего, и было бы. Сергей Кириенко пробыл бы на своем посту до осени 1999-го, после чего премьером стал бы Путин, а Кириенко его первым замом по экономике. Затем Кириенко вновь стал бы премьером уже при президенте Путине).

Как бы то ни было, выбор, сделанный Ельциным 9 августа 1999 года, был, прямо скажем, довольно рискованный: человека по фамилии Путин в ту пору мало кто знал. Первый его «президентский» рейтинг, измеренный социологами Фонда «Общественное мнение», составлял… один процент. Без сомнения, «накачать» его, причем довольно стремительно, была способна лишь новая чеченская война: что-то не видно было другого способа в короткий срок поднять популярность нового премьера, как только представить его в роли отца нации, защитника отечества, подвергающегося атакам бандитов и террористов, единственного, кто способен беспощадно наказать этих врагов России.

Практическое ведение чеченских дел сразу же оказалось в руках у самого Путина. Ельцин полностью передоверил ему эти дела. При этом он фактически отрекся от своей линии на мирное политическое разрешение чеченского конфликта, той, которой придерживался несколько предыдущих лет.

Уже в сентябре, во второй половине, популярность Путина начала стремительно расти. Если 14 августа, по опросу Фонда «Общественное мнение», ему доверяли 5 процентов опрошенных, 28-го — 12, 11 сентября — 14, то 18 сентября — 23, а 25-го — 31.

Заметно вырос и «президентский» рейтинг Путина. 25 сентября он занимал уже третье место среди кандидатов на пост главы государства: у шедшего впереди всех Примакова был 21 процент (причем наметилась тенденция к снижению), у Зюганова — 17, у Путина — 10, у Лужкова — 7 (ощутимое снижение), у Явлинского тоже 7, у Степашина. Жириновского и Лебедя по 5, у Черномырдина — 1.

Было совершенно ясно, что главная причина растущей популярности Путина именно его жесткая, агрессивная позиция по Чечне, безоговорочная готовность «мочить в сортире» всех, кто, как Басаев в Дагестан, вторгается на российскую территорию, кто взрывает дома в российских городах…

9 октября путинский рейтинг достиг рейтинга Примакова, а по опросу, проведенному ФОМом неделю спустя, 16 октября превысил его, поднявшись до 20 процентов. Путин стал самым популярным российским политиком и уже не уступал тут никому первого места (рейтинги главных его соперников 16 октября были таковы: у Примакова 18 процентов, у Зюганова — 15, у Лужкова — 5).

Если бы в ближайшее после 16 октября воскресенье состоялся второй тур президентских выборов и соперниками в нем стали бы Путин и Примаков, первый без труда победил бы второго 42:36. Понятное дело, если бы вместо Примакова во втором туре вместе с Путиным оказался кто-то другой, разрыв был бы еще больше.

Дальнейшее продвижение ельцинского преемника в президенты было уже вполне рутинным делом, «делом техники».

Президентские выборы состоялись 26 марта. Уже в конце этого дня стало ясно, что Путин побеждает с довольно большим, более 16 процентов, отрывом от следующего за ним вечного коммунистического кандидата в президенты Зюганова (ни Примаков, ни Лужков идти на выборы так и не отважились).

Окончательные итоги выборов были опубликованы 5 апреля. Преимущество фаворита стало еще больше: Путин почти 53 процента, Зюганов несколько более 29-ти. На третьем месте оказался Явлинский, обогнавший Тулеева, ранее занимавшего это место, 5,8 процента…

В «Президентском марафоне» Ельцин пишет, что когда он узнал о фактической победе Путина 26 марта 2000 года, то пришел в восторг:

«Я от волнения не мог усидеть на месте. Победа! Быть может, главная моя победа! Господи, как долго я этого ждал!»